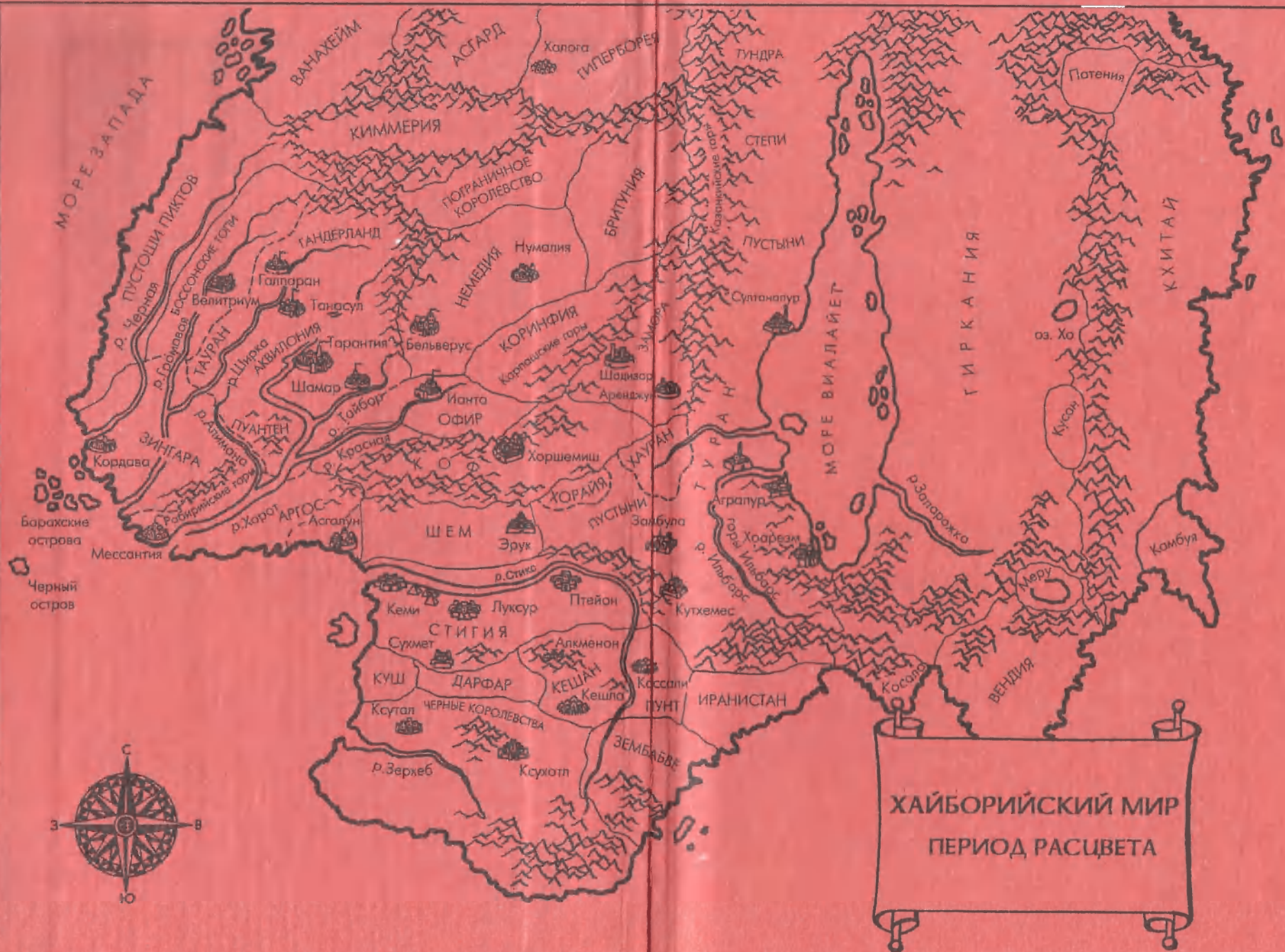

РЫЖАЯ СОНЯ И ДЕМОН СНОВ

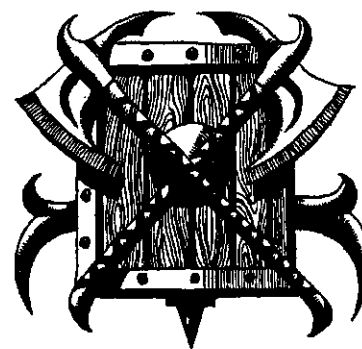

Северо-Запад®

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И
ДЕМОН СНОВ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)
Р 83

Авторские права защищены.

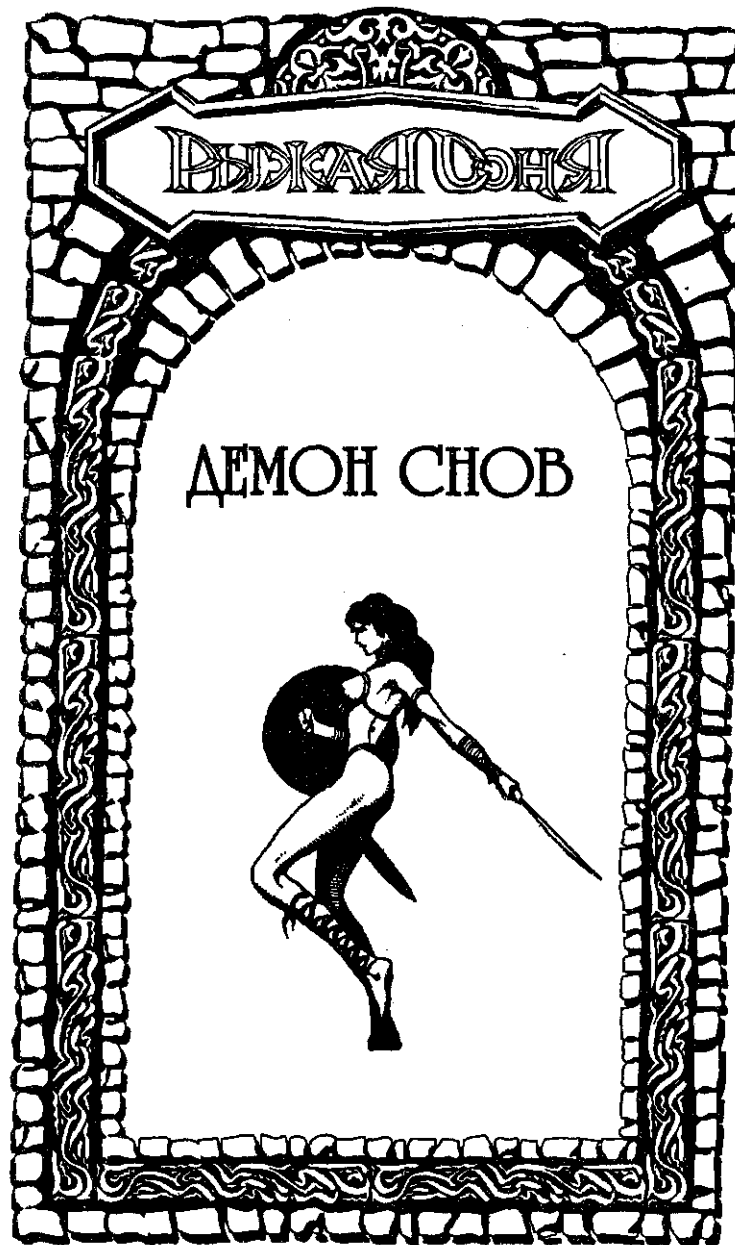
*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

Р93 Рыжая Соня и Демон Снов.: Роман и по-
вести. / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1998. —
448 с.

ISBN 5-87365-050-0

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)

ISBN 5-87365-050-0
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

Надо же было так глупо попасться! Да еще кому — дикарям горцам! Соня подергала связанными за спиной руками. Бесплезно. Горцы, может, и были дикарями, а вязать умели.

— Ты, рыжая, утомонись! — К ней обернулся высокий горец в теплой волчьей шкуре поверх воинской рубахи. Очевидно, в захватившем Соню отряде он был за старшего. Хотя мало чем отличался от своих воинов: такой же грязный, вонючий, с бородой-лопатой на пол-лица и пронзительными черными глазками под приплюснутым лбом. Не унижаясь до ответа, Соня презрительно сплюнула. Плевок угодил на каменистый скат, пополз по гладкой, отполированной внешними водами и ветрами поверхности.

— Дай ей разок, Хура,— приказал старший.— Чтоб не плевалась.

Оскальзываясь на камнях, Хура подошел к Соне, гаденько ухмыльнулся:

— Зачем портить такое личико?

Грязные, ободранные об острые выступы скал пальцы погладили Соню по щеке, дотянулись до шеи.

— Эй, Хура, не съешь ее! Оставь хоть что-нибудь остальным! — крикнул кто-то из впереди идущих. Горцы дружно заржали.

— А ну, вперед, дети Ящерицы! — рявкнул на них старший.

Во всей этой истории Соню удивляло только одно — почему никто из пленивших ее воинов не попробовал воспользоваться ее беспомощностью? Почему, несмотря на связанные за спиной руки и отсутствие оружия, ее не щупали, не раздевали, оценивая фигуру, не насиловали? Должно быть, горцы торопились домой и откладывали утеху до более спокойных времен. Здесь, почти на границе ничейных земель, Бритунии и загадочной Гипербореи, они чувствовали себя неуютно. Соня не сомневалась, что ее пленили разведчики, пришедшие с восточных гор, что поднимались от озера Вилайет и снежными пиками вставали между ничейными землями и Гирканией. «Мало им набегов на Замору, полезли вынюхивать пути в Гиперборею!» — топая за горцами, думала она. На самом деле к горцам она относилась довольно терпимо, гораздо лучше, чем к убившим ее семью аквилонским ублюдкам. По крайней мере до сегодняшнего утра. Еще вечером она отыскивала в горах укромную пещерку, забралась в нее, спасаясь от пронизывающего ветра, и улеглась спать. А утром обнаружила себя спеленутой по рукам и ногам в окружении гогочущих дикарей. Она, ко-

нечно, попробовала протестовать, даже сумела спихнуть со скалы одного из врагов, а что толку? Все равно топала теперь за бородатыми варварами куда-то к Восточному Хребту, а вовсе не к тому далекому заснеженному пику, где, по рассказам, обитал Великий Маг. До этого пика она добиралась почти десять дней. Вернее, пыталась добратся. Бродила по горным расселинам, карабкалась на каменные завалы, мерзла, обдирала в кровь ладони. Ценой за все эти мучения, возможно, было бы Бессмертие. Если бы не отряд бородатых разведчиков с востока.

«Даже лук выбросили, змеиные выползки!» — со злостью подумала она.

— Шевели ногами! — Короткий меч Хуры шлепнул по ее заднице. Теплая одежда, хоть и изрядно потрепанная, спасла Соню от боли, но не от унижения.

— Пошел ты! — Она извернулась, зацепила ногой увесистый булыжник и пнула пяткой в направлении Хуры. Горец вовремя отскочил. Громяхая по склону и, подобно зайцу, подпрыгивая на выступах, булыжник покатился в пропасть.

«Жаль.— Соня проводила его взглядом, поморщилась.— А попади в ногу глядишь, катились бы оба».

В свои девятнадцать лет девушка вовсе не была жестокой, но ей доставляла наслаждение мысль о том, что Хура мог сейчас лететь в пустоту вместе с этим камнем.

«Наверное, он выглядел бы потешно». — Она представила, как низкорослый бородатый Хура,

нелепо взбрыкивая кривыми ножками, перемалывает кости об острые уступы, визжит, а его меч, позвякивая и кувыркаясь, летит рядом с хозяином, и засмеялась.

— Заткните девчонку! — рявкнул старший. Его злость только подлила масла в огонь. Соня наигранно расхохоталась. Старший подскочил к ней, зажал рот здоровенной пятерней. Девушка рванулась. К подобному обращению ей было не привыкать — за время бродяжничества повидала и не такое, — но ладонь варвара попросту мешала ей дышать. Она вцепилась в руку горца зубами. Тот коротко вякнул, отдернул ладонь. Ему на помощь пришел Хура. Выудив откуда-то из штанов замусоленную тряпку, он попытался затолкать кляп девушке в рот. Это оказалось нелегко — во-первых, Соня мотала головой, во-вторых, норовила пнуть горца ногой в пах. Вонь от тряпки исходила такая, что силы ее утраивались, едва кляп подносили к лицу.

— Рыжая стерва! — Вконец измотанный горец потерял терпение, вытянул из ножен кривой с зазубринами меч. Попытка приставить его к горлу девушки закончилась неудачей. Соня изловчилась и, едва меч горца коснулся ее кожи, выбросила вперед прямую ногу. Целилась она в живот Хуре, однако удар пришелся по руке. Меч вылетел из пальцев воина, описал в воздухе над его головой блестящую дугу и ласточкой нырнул в пропасть. Снизу послышался звон и шорох камней.

— Ха! — с ненавистью глядя в глаза варвара, сказала Соня. Насмешки воин уже не вынес. Про-

клиная всех туранцев, их девок и их богов, он навалился на Соню всем телом, придавил ее к скале и молниеносным движением затолкал кляп. Довольно глубоко — во всяком случае выплюнуть его сразу Соне не удалось. Зато ненависть к Хуре значительно усилилась. Теперь он стал для девушки врагом, сродни аквилонцам, убившим ее семью.

— Ты долго возился, Хура, — неодобрительно сказал старший. — И потерял оружие.

В голосе старшего звучал упрек. Горцы, что западные, что восточные, одинаково расценивали утрату оружия как позор. Утерев потный лоб Хура подтолкнул Соню вперед.

— Эта женщина дерется, как бешеная, — по-нуро сказал он. Старший покачал головой. Подобный ответ его явно не устраивал. Кое-кто из воинов подавил откровенный смешок. Другой негромко высказал что-то по-гиркански. Стоящие рядом загоготали. Щеки Хуры стали пунцовыми.

— Клянусь хвостом Матери Ящерицы, я буду сражаться без оружия до тех пор, пока не добуду себе новый меч! — выкрикнул он. Соня хмыкнула. Варвары часто давали клятвы, но не так уж часто их выполняли. Во всяком случае те варвары, которых ей доводилось встречать раньше.

— Я запомню, Хура. — Старший посмотрел на небо, махнул рукой. Затем повернулся к усмехающимся воинам: — Что рты раззявили?! Вперед! До заката мы должны покинуть Кезанкийские горы.

Во время перехода Соня успела выяснить имена некоторых из своих захватчиков. Невысокого

узкоглазого воина-проводника звали Найром. Найр был одет легче остальных, нес меньшую поклажу и единственный из горцев не имел бороды. Его верхнюю губу украшали только две черные полосы усов. Говорил Найр редко, отрывисто, но всегда по делу. Старший относился к нему уважительно, все прочие явно заискивали. Самого старшего звали Ареем. По-гиркански это означало самый красивый.

Сколько Соня ни приглядывалась, ничего красивого в Арее она не находила. Красоты в нем было, что в аграпурском верблюде. Уж кто из горцев впрямь мог именоваться красивым, так это лучник Варк. Он шел перед Соней, и его длинный, круто изогнутый лук маячил перед ее глазами, то и дело напоминая о собственном, выброшенном горцами в пропасть. У Варка были темно-синие глаза, узкая бородка клинышком, наподобие кордовской, мягкие губы и длинные черные волосы. К тому же Варк оказался неплохим парнем. Он помогал Соне перебираться через завалы и даже изредка плескал на ее вспотевший лоб воды из своей фляги. Девушка делала вид, что безразлична к заботам горца, однако в душе была ему благодарна. Переход ее утомил. Дальние пики плыли, как в тумане, ноги спотыкались на ровной тропе, горло пересохло, а рубашка взохла от пота. Поэтому, когда по горным склонам запрыгали закатные блики и Арей приказал искать место для ночевки, она обрадовалась.

Место нашел узкоглазый Найр. Он провел отряд в узкую расщелину между валунами, разгреб

кучу мелкого щебня и освободил вход в круглую сухую пещеру. Старший бегло осмотрел выбранное Найром место, одобрил. Предчувствие отдыха и ужина сплотило уже изрядно подуставших горцев. Они дружно натаскали в пещеру сухого можжевельника, разожгли костер, разложили на земле свой скарб. Вскоре запахло дымом и вяленным мясом. Хура возился дольше всех. Он переминался с ноги на ногу, пристраивал свои пожитки на круглом плоском валуне, вынимал свертки с едой, зло косился на Соню, но к костру не шел.

— Хура! — позвал старший. Воин ждал этого зова. Грубо толкнув Соню в угол, он подхватил с камня кусок сухой лепешки, завернутый в тряпочку, невыносимо пахнущий сыр и заспешил к костру.

«Пес!» — глядя ему в спину, мысленно ругнулась Соня. Есть ей хотелось, но запах плесневелого сыра, излюбленного лакомства северо-восточных горцев, на время отбил аппетит. Она ногой спихнула с валуна пожитки Хуры, носком сапога раскатала по земле его подстилку для сна и улеглась на нее на бок. Собравшиеся вокруг костра горцы что-то обсуждали, посмеивались, громко чавкали. На стенах пещеры плясали их громадные тени, по выступам перекачивались огненные блики. Наблюдая за бликами, Соня не заметила, как заснула.

Разбудил ее злой голос Хуры. Горец пытался выдернуть из-под спящей девушки свою подстилку и отчаянно ругался. Обступившие его воины хо-

хотали. Хура пнул Соню ногой, рванул подстилку на себя. В ответ девушка недолго думая саднута коленом в склоненное бородатое лицо. Охнув, Хура схватился за нос. Из-под пальцев закапала кровь.

— Убью-ю! — взвыл горец. Его короткий кинжал (единственное оставшееся после утраты меча оружие) вылетел из ножен, взвился в воздух. Занесенную руку перехватил Найр.

— Уймись, — посоветовал он. — Рыжая пригодится нам в предгорьях. Сам знаешь, какие у них там обычаи.

— Верно, не твое — не трожь, — присоединился к нему лучник Варк. — Стыдно воину драться с женщиной из-за подстилки!

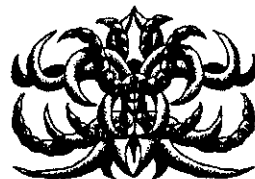
Недовольно бурча, Хура убрал нож и уселся на камень возле Сони. Глядя прямо в глаза горцу, девушка сладко потянулась, поелозила по подстилке спиной, словно показывая, как ей удобно, и даже попыталась причмокнуть. Последнему помешал кляп. Но Хуре хватило и этого. Он вскочил с камня.

— Рыжая дочь прибудной собаки! — зарычал он. — Паршивая туранка!

— Тихо! — цыкнул на него предводитель отряда и Хура смолк. А Соня заснула.

Глава вторая

Поутру Хура выглядел злым и невыспавшимся. На спуске он то и дело норовил подтолкнуть Соню в спину или спихнуть ее со скалы. Было заметно, что рыжая пленница измотала его. Варк оглядывался, посмеивался, поддерживал девушку на крутых уступах, остальные открыто издевались над несчастным Хурой, и только двое, Арей и Найр, сохраняли видимое безразличие.

К середине дня отряд вышел в предгорья. Скалы кончились, за длинной грядой валунов растянулась серая ровная степь. Она переливалась под солнечными лучами желто-зеленым маревом. Над ней стояла пылевая дымка. Отыскав тропинку между валунов, Арей повел отряд в степь. Найр стал все чаще оглядываться на Соню и девушка вспомнила сказанные им ночью слова: «Рыжая пригодится нам в предгорьях».

Интересно, для чего?

Соня покрутила головой. В степи она не видела никакой опасности. Редкие кустики ковыля пе-

ремежались с песчаными откосами, кое-где из-под песка и травы выглядывали серые, с проплешинами времени, обломки скал. Соня брела, глядя под ноги и проклиная палящее над головой солнце.

— И-и-и-ах! — вдруг завывала степь. Соня споткнулась. Хура дернул опутавшую ее пояс веревку, подтянул пленницу ближе к себе. Варк вскинул лук. Горцы вытянули мечи, озираясь выстроились кольцом — плечо к плечу. Арей поднял руку.

— И-и-и-и... — выл ковыль. Все ближе, ближе...

Сначала Соня увидела облако пыли на востоке. Пыль катилась на застывших гирканцев и выла, подобно смерчу. Затем в облаке пыли стали мелькать конские ноги, чьи-то лица, пестрые обрывки одежды.

— Степняки! — перекрывая вой надвигающегося войска, крикнул Арей. — Спрятать оружие!

Очевидно, со степняками отряд встречался не впервые. Горцы быстро затолкали мечи в ножны и подняли руки ладонями вверх, словно показывая, что пришли с миром. Степняков это не успокоило. Соня уже могла разглядеть летящие на нее лошадиные морды с клочьями пены на губах, блики оружия. Пестрый караван завертелся вокруг отряда, кольцом пыли и воя опутав горных воинов. Грохот копыт сотрясал землю. Хура озабоченно шурился, пытаясь разглядеть скачущих вокруг отряда степняков. Соня же разглядывала иное. За окрутившим отряд живым смерчем, на низкорослой бородатой ло-

шаденке, отчаянно пиная ее в бока толстыми короткими ножками, скакал человек. Его длинное одеяние развевалось по ветру, вытянутая над головой рука потрясала чем-то вроде рыцарского плюмажа. За ним, трясаясь и подскакивая на ухабах, катились крытые повозки. Навесы над повозками плескались от ветра, лица возниц скрывала пыль.

Едва толстяк на пони подъехал к окруженному горному отряду, степняки перестали выть и остановили свою сумасшедшую скачку по кругу. Толстяк пнул пони в пятнистые бока, подъехал поближе и, затолкав плюмаж под пояс шитого зеленым и желтым длинного одеяния, устоялся на Арей.

Из остановившихся повозок высыпали женщины и дети. Оттуда же вылез худой тощий степняк в холщовых штанах до колена и драной рубахе, бодро направился к горцам.

— Кто вы? Зачем пришли на земли повелителей Восходящего Солнца? — напыщенно произнес степняк на плохом туранском. «Толмач», — догадалась Соня.

— Я буду говорить только с вашим вождем! — резко ответил Арей, покосился на Найра и добавил: — Где он?

Вождем оказался тот самый маленький толстый уродец, который сидел на пони и размахивал плюмажем.

— Ты имеешь честь говорить с Тахатом Саббидзаром, покорителем гор и светочем знаний, источником мудрости и кладезем совершенства,

могучим сыном Балихайбара Марендита, властителем небесной выси и долинных пылей, чей след, оставленный на камне, подобен следу пещерного великана, а глас — громовым раскатам великой реки Шайлеввы! — представил его переводчик. По окончании речи толстый Тахат Саббидзар неуклюже сполз с пони и подковылял к Арю. Обалдев от такого количества званий, Арей тупо тарасился на возникшего перед ним карлика и молчал. Выручил его Найр.

— Мы рады встрече с прославленным воином предгорий, могучим сыном Балихайбара Марендита, — подражая переводчику, произнес он на туранском. — Мой вождь, отважный Арей предлагает дружбу.

«Выкрутился», — удивилась Соня, разглядывая пестрое войско степняков. Больше всего армия прославленного Тахата походила на разбойничью шайку. Единогласного обмундирования, как и оружия, у них не было. Широкие мечи соседствовали с копьями и кривыми саблями, на щитах красовались полустертые гербы неведомых Соне королевств. Некоторые из воинов были одеты в широкие яркие штаны и короткие коринфские безрукавки, на других болтались меховые гиперборейские накидки, полвойска вовсе обходилась драными штанами до колен, а тела, столпившиеся за спинами мужчин, женщин и детей были едва прикрыты длинными рубахами.

— Дружба имеет свою цену, — жадно ощупывая взглядом котомки горцев заявил переводчик. — Достопочтенный Арей знает об этом?

Пришедший в себя Арей кивнул и махнул рукой. Хура вытолкал Соню вперед.

— Отважный Арей хочет подарить покорителю гор и светочу знаний эту девушку, — сказал Найр. — Она сильна и вынослива, ее волосы сияют, как закатное солнце, а глаза подобны глазам дикой кобылицы. Ее кожа...

Толстый Тахат дернул головой.

— Вижу! — перебил он Найра. Разглядывая Соню, обошел ее, пошлепал выпяченными губами, сморгнул. В полной тишине горцы ожидали ответа. Толстый вождь степняков задрал голову, вглядываясь Соне в лицо, потом поднял руку, выковырял у нее изо рта кляп и брезгливо отбросил его в сторону. За одно это девушка ощутила к нему признательность.

— Как тебя зовут, луноликая? — спросил Тахат. Голос у него оказался тонкий и протяжный, как у евнуха.

— Соня, — ответила девушка. Тахат не вызывал у нее отвращения, скорее жалость. Угораздило же вождя родиться таким уродцем. Жаба, да и только!

Услышав ее ответ, Хура недовольно заворчал. После долгих мучений с пленницей он не ожидал, что она будет так покладиста.

— Твое имя — музыка для моих ушей. — Толстый Тахат не скрывал удовольствия. Воины Арю повеселели. Похоже, дело шло к миру. «Как бы не так!» — заметив блеснувшую в глазах Тахата хитрую искорку, подумала Соня. И не ошиблась. Степняк повернулся к Арю, его лицо вновь превратилось в непроницаемую маску.

— Но этого мало! — громко заявил он, вызвав бурный восторг своего войска. Арей сглотнул, заморгал.

— Чего ж тебе еще-то надо? — растерянно спросил он.

И тут Тахат проявил чудеса прыти. Соня не успела моргнуть, как толстый степняк очутился перед предводителем горцев. Из широкого рукава его балахона вынырнуло лезвие кинжала. На кончике поблескивала темная, похожая на кровь жидкость. «Яд», — догадалась Соня. Острые змеиным жалом ткнулось в шею Арея.

— Ты нанес смертельную обиду великому Тахату Саббидзару, покорителю гор и светочу знаний, источнику мудрости и кладезю совершенства, могучему сыну Балихайбара Марендита, властителю небесной выси и долинных пылей... — скороговоркой пробормотал переводчик степняков. Было видно, что он сильно напуган. Похоже, невзрачный Тахат уже проделывал подобные штучки со своими врагами, и заканчивались они в пользу покорителя гор и светоча знаний. — Твои нечестивые уста недостойны целовать пыль под его стопами!

— Чего я такого сказал? — кося глазами на Найра и опасаясь пошевелиться, прошептал Арей. Тот досадливо отмахнулся, обращаясь к Тахату, произнес:

— Мой вождь приносит свои извинения великому и могучему сыну Балихайбара Марендита, властителю небесной выси и долинных пылей... — Теперь Найр без запинки выговорил все звания и

регалии толстого Тахата. — Он хочет знать, чем может искупить свою вину и порадовать сердце могучего... — Снова пошло бесконечное перечисление заслуг и достоинств степняка. Тот все понял без переводчика. Отравленное лезвие нырнуло в рукав. «Интересно, сколько у него таких кинжалчиков?» — подумала Соня. В высокой, почти женской прическе Тахата она уже заметила иглу-шпильку, еще одна была умело воткнута в плетение пояса.

Переводчик склонился к своему вождю. Тот облизнул язычком губы, зашептал ему на ухо. Переводчик выпрямился.

— Тахат Сабиддзар — отважный воин! Глаза его утомлены блеском золота и прелестями красавиц, его сердце радуется звон оружия, — сказал он.

Горцы тревожно загудели, похватались за рукояти мечей, то ли желая их спрятать, то ли готовые обороняться. Войско степняков тут же пришло в движение. Женщины с визгом кинулись прочь, дети похватили с земли комья пыли и увесистые камушки и затесались в ряды воинов, а последние как-то незаметно перестроились в длинную фалангу, слегка загнутую по краям. Маневр Соня поняла — в случае сопротивления отряд горцев оказывался запертым в круге степняков. Арей тоже это сообразил, цыкнул на своих. Те застыли.

— Неужели сын Балихайбара Марендита хочет оставить своих будущих друзей безоружными в незнакомых землях? Разве это достойно его мудрости и милосердия? — сказал Найр.

— Мне все не надо,— забыв о напыщенности и переводчике, бодро ответил Тахат. Ткнул пальцем в Варка: — Его лук, твой кинжал и,— его палец переместился на Арея,— только в знак дружбы, его меч!

«Выбрал лучшее»,— оценила Соня. К толстому вождю степняков она стала испытывать что-то вроде уважения. Пожалуй, он был достоин называться светочем знаний и кладезем мудрости, во всяком случае в собственной разбойничьей шайке. Арей задумался. Расставаться с мечом ему не хотелось. Тем более что не так давно сам бранил Хуру за потерю оружия. Наконец он махнул рукой, снял с плеча перевязь и протянул меч Тахату.

— В знак дружбы,— сквозь зубы проворчал он. Тахат схватил меч, быстро перекинул его на руки переводчика, требовательно взглянул на Варка. Тот швырнул к ногам степняка лук. Покоритель гор не шевельнулся.

— Стрелы, тупица! — прошептал сородичу Найр. Ругаясь вполголоса, Варк бросил в пыль колчан со стрелами. Тахат кивнул, перешел к самому Найру. Сунув под мышку меч Арея, переводчик поднял из пыли лук, перекинул его за спину, закрутил вокруг запястья ремень от колчана и встал за плечом своего низкорослого вождя. Найр подал ему кинжал, рукоятью вперед, по всем правилам миролюбия:

— В знак дружбы.

Тахат улыбнулся:

— Мудрость вождя Арея достойна высшей похвалы. Мои друзья могут продолжать путь.

Степняки расступились. Вытянувшись шеренгой, горцы прошествовали сквозь длинный, созданный степняками коридор и затопали дальше в степь. Рядом с хмурым Ареем шел Найр, в чем-то его убеждал.

— ...не было выбора...— расслышала Соня.— ...потери...

Словно издеваясь, переводчик помахал добытым мечом вслед уходящим. Покоритель гор водрузил на пони свое грузное тело, подъехал к Соне.

— Могу ли я насладиться в пути сладкоречивыми звуками твоего голоса, о лунолика! — чуть склоняясь в седле, спросил он.— Или для тебя постыдна участь рассказчика?

Постыдной была продажа. Болтать попусту Соня тоже не любила, однако сопротивление только разозлило бы светоч знаний. «Ладно,— решила девушка,— пройду с ними, поговорю, а там...» У нее в голове уже давно созрел замысел побега. Нужно было лишь усыпить бдительность лягушкообразного вождя, раздобыть оружие и вовремя улизнуть.

— Я буду рада услужить мудрому Тахату Саббидзару, сыну Бакихайбара Марендита,— подражая выпрненным речам Найра, начала она, но Тахат перебил:

— Для тебя необязательно перечислять имена моих предков и мои заслуги. Можешь называть меня просто «мой господин» или «муж мой».

Соня поперхнулась. Представить толстого Тахата в роли мужа она не могла. Даже сама мысль

о близости с ним вызывала отвращение. Однако в каждой стране свои порядки, и до поры до времени им нужно подчиняться. Ради собственного блага. «От слов еще никто не помирал»,— решила Соня и выдавила:

— Что хочет слышать... господин?

— Повернись,— коротко приказал Тахат. Соня подчинилась. Краем глаза она заметила выскользнувший из рукава Тахата кинжал. «Не понравилось, как я произнесла «господин»?» — ожидая прикосновения холодной стали, подумала она, но вдруг почувствовала, что стягивающая запястья веревка лопнула. Пошевелив освобожденными руками, она оглянулась на Тахата. Тот убирал нож в складки одежды.

— Я желал бы услышать...— начал он.

В дороге выяснилось, что Тахат хочет слышать все: откуда Соня пришла, кто ее отец и мать, где она побывала, каковы порядки в странах за Кезанкийскими горами, как там обустроено войско, где живут люди, сколько жен имеют тамошние правители, как часто они молятся своим богам и все прочее, вплоть до самых бытовых мелочей. От усталости, голода и долгих рассказов Соню шатало. Она не признавалась Тахату, что уже еле переставляет ноги, но шла, уже слегка придерживаясь за стремя его пони. Тахат этого не замечал. Его маленькие глазки были мечтательно устремлены на горизонт, пухлые губы шевелились, повторяя за Соней ее слова. Сзади, поднимая тучу пыли, плелось войско. Последними в крытых по-

возках ехали дети. Женщины шли рядом с повозками, причем поклада на их плечах была даже потяжелее мужской.

Сначала Соня еще все это замечала, но потом сосредоточилась только на рассказе и дороге. Непослушные ноги еле-еле отрывались от земли, а язык заплетался. Девушке приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы передвигаться и при этом болтать что-то связное. Она перепутала имена правителей Аргоса и Шема, не сумела произнести молитву на кушитском языке и в конце концов сломалась на повествовании о кораблях, плавающих в Море Запада. Последними, что она увидела, были мохнатые ноги пони. Они мелькнули перед ее лицом и пропали в кромешной мгле.

* * *

Очнувшись, Соня не сразу поняла, где находится. Над ней колыхалась пестрая ткань, пахло какими-то благовониями, ноги девушки прикрывал мягкий шелковый платок, под головой лежала вышитая яркими нитями, шелковая же, подушка. Соня пошевелилась и села, с изумлением глядя на собственные руки. Запястья, до крови стертые веревками горцев, оказались заботливо обвязаны чистыми тряпицами, у локтя поблескивал золотой браслет. Но что самое поразительное — руки были чистыми. И все тело дышало, ощущая чистоту и легкость. От рук девушка перешла к осмотру всего остального. Платье на ней ничем не напоминало о изодранной грязной одежде, ко-

торую она носила в горах, все ранки и ушибы пахли лечебными маслами, а чистые волосы были уложены под квадратную шапочку из плотной ткани.

«Сплю!» — решила Соня и изо всех сил ущипнула себя за руку чуть ниже браслета. Боль оказалась ощутимой. Соня ойкнула, потянулась и принялась рассматривать помещение.

Это был просторный шатер из плотной ткани. По стенам шатра тянулись вышивки. На крытом коврами полу лежали разнообразные подушки, в середине на серебряном блюде покоились сочные гроздья винограда, яблоки и какие-то сласти. Всем этим изысканным яствам девушка предпочла бы солидный кусок жаренного мяса и кувшин вина, но голод погнал ее к подносу. Сунув в рот несколько виноградин, Соня продолжила осмотр. Оружия в шатре не нашлось. Пологом служили две сетчатые занавески, сквозь которые пробивались лучи закатного солнца. Когда Соня уже доедала последнее яблоко, полог шевельнулся и в шатер ввалился толстый Тахат. При виде жующей девушки его лицо засияло.

— Я был обеспокоен твоим здоровьем, лунолика красавица, — приближаясь к Соне, сказал он. — Почему ты не призналась, что усталость не позволяет тебе продолжать рассказ?

Черные глазки Тахата испытующе смотрели на девушку. Она дожевала яблоко, сплюнула косточки на поднос, вытерла губы. Если человек интересуется ее здоровьем, то почему бы ему не ответить?

— Я не хотела беспокоить такими мелочами великого Тахата Саббидзара, — сказала она, попутно выковыривая из зубов застрявшую яблочную кожуру.

— Твое здоровье — не мелочи! — возразил он, стрег в кучу разбросанные по шатру подушки, разместил на них свое объемное пузо и, облокотившись на локоть, мечтательно произнес:

— Твои речи, лунолика, заставили меня забыть обо всем. Какие чудесные истории ты рассказываешь! Тебе, наверное, пришлось много путешествовать?

Соня кивнула, озираясь в поисках питья.

Тахат заметил:

— Ты что-то ищешь, лунолика?

— Пить хочется.

— Ах, это... — Покоритель гор хлопнул в ладоши. В шатер проскользнули две женщины. Обе темноволосые, пышногрудые, с чуть растянутыми к вискам глазами. Обе тут же уставились на Соню. Во взглядах читался интерес вперемешку с ненавистью. «С чего бы?» — рассматривая красавицу, подумала девушка.

— Принесите питья! — приказал Тахат, и женщины исчезли так же бесшумно, как появились. Тахат брезгливо поморщился им вслед, пояснил:

— Мои жены. Холодные, как воды ручья в дождливый день, и нудные, как осы! В первую же ночь они начинали плакать и стенать, умоляя пожалеть их красоту и девственность...

— Жалел? — поинтересовалась Соня. Тахат округлил глаза:

— Зачем? Я просто отсылал их прочь. Потом они приходили сами.

Соня подавила смешок. Конечно, приходили, когда жадность и честолюбие перебарывали отвращение к уродству мужа. Им хотелось почета, украшений, сытой жизни...

Полог колыхнулся, одна из жен, семеня, внесла в шатер кувшин с какой-то белой жидкостью, вторая плюхнула перед Соней ароматно пахнущую миску с водой. В воде плавали кусочки неведомых Соне фруктов и две виноградины. Соня взялась за миску, поднесла ее к губам. Жены захихикали.

— Цыц, женщины! — крикнул Тахат. Красавицы притихли, а Соня чуть не выплеснула питье на ковер.

— Это вода для умывания, — пояснил Тахат. — А в кувшине — кобылье молоко. Его можно пить.

— Знаю. — Соня глотнула из кувшина. Кислое холодное питье освежило рот. Отступившие к выходу жены зашептались, ощупывая Соню ревнивыми взглядами.

— Пошли вон! — рявкнул Тахат. Женщины выскользнули из шатра. Соня расслышала их удаляющийся смех.

— Мои жены только и умеют, что смеяться и плакать, — пожаловался Тахат, потом вспомнив о чем-то, приободрился: — Зато твои речи! О-о, они дарят наслаждение душе, а это куда больше, чем наслаждение тела! Скажи, как много ты путешествовала?

— Достаточно. — После еды девушку стало клонить в сон. Тахат зашуршал подушками, придви-

нулся поближе. Соня почувствовала исходящий от него запах муската.

— А в твоих странствиях тебе на пути попадались маги и колдуны? — шепотом спросил Тахат. Сейчас покоритель гор был похож на ребенка, выпрашивающего у матери страшную сказку. Соня подавила зевок.

— Всякое бывало...

— И что они?

— Люди как люди, — пристраиваясь поудобнее и подальше от Тахата, сказала Соня. — Толкуют о великих богах, варят всякие зелья, демонов вызывают. Так, ерунда. Правда, в Кезанкийских горах... — сообразив, что сказала лишнее, она осеклась, но было поздно. Глаза Тахата заблестели:

— Что в Кезанкийских горах?

— Да ничего особенного, — буркнула Соня. — Я устала.

Она отвернулась от светоча знаний, и на некоторое время наступила относительная тишина. В шатре темно. Из-под полога тянуло ночной прохладой, за тонкими стенами мелькали чьи-то тени, слышались неразборчивые голоса, позвякивало оружие. Соня уже впала в полудрему, когда услышала, что покоритель гор придвинулся поближе. Готовясь к сопротивлению, она подняла голову и столкнулась нос к носу с Тахатом. Лица светоча знаний и покорителя гор в темноте было не видно, зато глаза блестели двумя влажными точками.

— Ты всегда путешествовала одна? — спросил он. — А куда же делись твои уважаемые родители?

— Их убили аквилонцы,— стараясь незаметно отползти от Тахата, ответила девушка.

— О-о, это плохие люди,— неожиданно согласился Тахат.— У нас говорят «паршив, как аквилонец», хотя никто их в глаза не видел. Мой отец рассказывал, что аквилонцы живут далеко на западе, они лживы, сильны и очень опасны.

— Твой отец был прав.— При упоминании злых врагов с Сони слетела вся усталость. Спать ей расхотелось, а Тахат напомнил старшего брата. Как часто они вдвоем убегали от родителей на старый сеновал и там, в темноте, поверяли друг другу самые страшные тайны. Правда, тогда они были всего лишь детьми...

— Если мне доведется встретить аквилонца в ваших краях, я убью его не задумываясь! — с ненавистью произнесла Соня.

— Не встретишь,— успокоил девушку Тахат. Покряхтывая, лег на спину, устался в крышу шатра.— К нам редко приходят люди из-за западных гор. А если приходят, мы их убиваем сами. Нам не нужны женщины, чтоб воевать с западными варварами.

— Многие женщины сражаются не хуже мужчин,— возразила Соня. Презрительное отношение Тахата к женщинам-воинам ее обидело.— Я с пяти лет умею стрелять из лука, а уж кинжалом владею лучше любого твоего алатара.

— Но не лучше меня! — гордо заявил Тахат. Соня фыркнула. Тахат сел, возмущенно сопя, вытащил из-за пояса кинжал. Лезвие грозно блеснуло в темноте.— Я не сражаюсь с женщинами,

но вот таким ударом я бы мог перерезать тебе горло.

Он взмахнул короткой рукой. Скорее по привычке, чем из желания обороняться, Соня нырнула под удар, перехватила его руку снизу и дернула Тахата на себя. Толстая туша покорителя гор плюхнулась поперек ее живота, кинжал упал на ковер. Сопя и отдуваясь, Тахат зашарил по ковру руками. Соня спихнула его с себя, поправила сбившееся платье.

— Так-то! — Ей было приятно поставить на место этого зазнавшегося степняка. Тахат отыскал кинжал, сунул его обратно за пояс.

— Я не знал этого приема,— немного подумав сообщил он.— Но даже зная, вряд ли успел бы на него среагировать. Где ты этому научилась?

— В Туране.

— Ты там воевала?

— Было и такое...

— Говорят, за горами, на севере, есть целое племя женщин-воительниц,— сказал Тахат.— Ты была у них?

— Нет. Мне нечего делать на севере.

— А что ты делала в Кезанкийских горах?

«Хитрец.— Соня улыбнулась, откинулась на подушки — Может, рассказать ему? Что толку скрывать? Легенда о Маге Кезанкийских гор известна и в Шеме, и в Немедии, и даже в Черных Королевствах».

Тахат терпеливо ждал. Он подобрал под себя ноги и теперь стал похож на истуканчика, которыми торговали кхитайцы на восточных базарах.

— По нашим поверьям,— начала девушка,— в Кезанкийских горах живет один маг, познавший тайну бессмертия. Говорят, он сумел подарить бессмертие своей помощнице Да-йе и она ушла в Страну Бессмертных. Я искала этого мага.

Тахат шумно выдохнул, пошевелился и погрузился в раздумья.

— Еще рассказывают, будто этот Маг живет на самом высоком снежном пике,— продолжила Соня.

— Пик Хайруда,— задумчиво произнес Тахат. Казалось, он не слушает. Его большая, украшенная высокой прической, голова чуть заметно покачивалась, тело было напряжено.

Девушка замолчала.

— Ты нашла туда дорогу? — наконец спросил Тахат.

— Почти,— уклончиво ответила Соня.— Мне помешали эти дикари горцы. Захватили меня во сне.

— Мой шайман знает дорогу на пик Хайруда,— протяжно, словно размышляя о чем-то своем, произнес Тахат,— но ни один из моих людей не отважится туда пойти. Саги гласят, что пик Хайруда — храм зла. Давным-давно там построил себе гнездо Демон Сновидений. Его гнездо было сотворено из золота и хрусталя, в его больших серебряных бассейнах переливались огромные алмазы, в роскошных садах росли невиданные деревья и пели волшебные птицы, а в подземельях хранились несчетные богатства. Но Демону этого было мало. Он бесновался в своей неудержимой злобе.

Однажды он выкрал из мира людей самую прекрасную женщину, заточил ее в хрустальный сосуд, поместил этот сосуд на вершине горы и стер все дороги, ведущие к вершине. Теперь только он может наслаждаться красотой этой женщины. Она поет ему дивные сказы, и очарованный Демон забывает о времени. Он сидит перед хрустальным сосудом в своем Храме Сновидений и слушает. Но если потревожить его покой, случится страшное. Перестав петь, красавица вспомнит о прошедших годах, постареет и умрет, хрустальный сосуд разрушится, а Демон в ярости разрушит горы, превратит степи в пустыни и пустыни зальет водой, сотворив моря. Так велика будет его ненависть к человеческому племени, что не спасется ни один из смертных. Так говорят саги...

— И ты в это веришь? — поинтересовалась Соня. Рассказ Тахата ей понравился. В основном тем, что не противоречил слышанным ранее легендам. Демон Сновидений вполне мог оказаться Магом, а красавица — той самой его помощницей Да-йей.

Тахат пожал плечами:

— Не знаю, но все, кто уходили на поиски сокровищ Демона, не возвращались.

— А твой шайман?

— Он ходит туда только во снах. Поэтому и знает дорогу. И вообще-то я ему не доверяю. Айри слишком лжив, чтоб говорить правду и слишком труслив, чтоб лгать. Но, хватит о моем шаймане, дай мне послушать музыку твоих слов, вкушать сладкие плоды твоих рассказов!

Соня вздохнула. Судя по всему, светоч знаний спать не собирался. Хорошо хоть требовал рассказов, а не близости.

— Ладно,— сказала она,— на севере есть такая страна Ванахейм...

Сначала Тахат слушал сидя, потом завозился, улегся, а под утро тихо засопел. Соня склонилась над ним, вгляделась в лицо. Покоритель гор по-младенчески причмокивал во сне. Облегченно вздохнув, Соня выбралась из шатра.

Снаружи было прохладно. Далеко на горизонте виднелись горные пики, вокруг простиралась утыканная шатрами степь. В загонах ржали спутанные лошади, пегий пони Тахата отдельно от прочих прогуливался между жилищами, бесцеремонно засовывая морду во все бадьи и кадушки, которые только встречал на пути. Возле шатра покорителя гор прохаживалось два стражника. Один помахивал коротким копьём и щитом, другой с воинственным видом таскал в руке кривую саблю. Увидев Соню, оба почтительно склонили головы. Во взглядах степняков девушка прочла восхищение. Должно быть, прежние жены редко покидали повелителя под утро, да еще в столь бодром расположении духа.

— Повелитель приказал проводить госпожу в женский шатер, если она того пожелает,— сказал стражник с копьём. Воин с саблей поклонился:

— Зуриаб будет рад услужить госпоже.

— Госпожа хотела бы прогуляться,— оглядывая стражников, ответила Соня. Идти в женский

шатер ей не хотелось, возвращаться к сопящему и причмокивающему светочу знаний — тоже. Конечно, она могла бы справиться с этими двумя воинами, отобрать у них оружие и сбежать, но ее побег скоро обнаружат, а резвые степные кони быстро догонят беглянку. Нет, лучше остаться и подождать.

— Зуриаб проводит госпожу,— сказал воин с саблей. Следуя за ним, Соня разглядывала лагерь кочевников. Удивительная бедность соседствовала тут с потрясающей роскошью. У одного из шатров, маленького и облезлого, стояло окованное золотом ведро с помоями, а склонившаяся над корытом грязная босоногая девчонка носила на шее такие украшения, что воры Шадизара, увидев их, утратили бы дар речи. Зуриаб остановился у входа в темно-синий шатер:

— Здесь живут старшая и вторая госпожи.

— А сколько их всего? — спросила Соня.

Зуриаб задумчиво почесал грязной пятерней голое пузо:

— Три, госпожа. Старшая — Сулима, вторая — Фария и ты, госпожа Соня.

Соня фыркнула, тряхнула головой. Оставаться госпожой Сонией она собиралась недолго.

— Пошли дальше,— сказала она воину. Зуриаб послушно засеменял вперед:

— Что еще хотела бы увидеть госпожа?

Прогуливаясь с Зуриабом между шатров, Соня осмотрела лагерь, полюбовалась на табун степных лошадей, насладились игрой воинов в нарты. Иг-

рали два стражника, охранявшие табун. Они сидели на корточках, на плетеных ковриках, между ними лежала разрисованная черным и желтым доска.

Сначала воины выкидывали кости, потом, в соответствии с выпавшими цифрами, передвигали по доске круглые костяные фишки. Смысл игры заключался в том, кто из противников быстрее проведет свои фишки по кругу. Постепенно, помимо Сони и Зуриаба, вокруг играющих собралась толпа степняков. Кое-кто принялся делать ставки. Зуриаб, увлекшись, сунул в руки Соне саблю, уселся на корточки рядом с одним из игроков и принялся что-то ему подсказывать. Его тут же принялись пинать остальные зрители, требуя замолчать. Зуриаб не сдавался.

«Доля ума, доля удачи — просто, но справедливо», — оценила Соня игру и направилась к шатру Тахата, помахивая саблей степняка. Зуриаб обнаружил пропажу, только когда девушка отошла на сотню шагов.

— Госпожа, подожди! — завопил он, продрался сквозь гомонящую толпу, догнал Соню и выхватил саблю у нее из рук. Погладив рукоять, сунул за пояс.

Через несколько шагов внимание Сони привлек отдаленный, черный, с ярко-красной верхушкой шатер. Он стоял на отшибе, и, несмотря на оживление в проснувшемся лагере, вокруг черных стен было пусто.

— Пошли-ка туда, — предложила Соня. Зуриаб замахал руками:

— Нет, не надо! Шайман Айри спит. Во сне он видит Демона. Его нельзя тревожить.

Соня прищурилась. Так вот, значит, где живет тот самый шайман, который знает дорогу к Магу. Может быть, знает...

— И долго он собирается спать? — поинтересовалась она. Зуриаб вскинул глаза к небу:

— На то воля всемогущего Тарима.

О всемогущем Тариме Соня никогда не слышала, но по тону степняка поняла: речь идет о каком-то местном божестве.

— Но до заката-то он проснется? — спросила она.

— Если на то будет воля Тарима...

Поняв, что от воина ей больше ничего не добиться, Соня обогнула черный шатер и продолжила путь.

У входа в жилище Тахата ее ожидала толпа. Над головами собравшихся носился пронзительный женский голос. Соня пробилась вперед. Перед еще не проснувшимся Тахатом стояла одна из его жен. Размахивая руками, черноволосая фурия надвигалась на озадаченного покорителя гор.

— Сулима, любимая дочь Адзир-шаха, — тыкая себя в пышную грудь вопила она, — знает, что твоя новая жена — воровка! У Сулимы пропали все украшения! — Смуглое лицо женщины сморщилось, словно она собиралась заплакать, однако, не проронив ни слезинки, она снова перешла к обвинениям: — Фария видела, как твоя новая жена украдала украшения Сулимы!

— Помолчи, дочь Адзир-шаха,— морщась, попросил Тахат.

— Сулиме не надо золота,— неожиданно перейдя к протяжно-просительному тону, заворковала старшая жена.— Сулиме дороги твои подарки! Если бы это было простое золото, Сулима втоптала бы его в пыль, но твои подарки...— Она схватилась за грудь, шатнулась.— Ах, Сулима будет оплакивать их утрату всю жизнь!

Собравшиеся у шатра степняки загомонили. Кто-то заметил Соню, подтолкнул ее вперед. Оказавшись между Сулимой и Тахатом, девушка обернулась к обвинительнице. Тактика старшей жены степного вождя была ей ясна — Сулима стремилась убрать соперницу любыми средствами.

— Воровка! — Истошно взвизгнув, дочь Адзир-шаха прыгнула на девушку. Накрашенные хной ногти впились Соне в волосы. Та легко подставила под пышное тело Сулимы бедро и бросила ее в пыль.

— Посмотри, как она позорит твое имя! — еще не успев подняться с земли, закричала Сулима. Ее прическа растрепалась, подведенные углем глаза сверкали.— Она втоптала в пыль твою старшую жену, она украла все твои подарки! Фария видела!

— Это правда, Фария? — даже не пытаясь помочь Сулиме подняться, спросил Тахат. Из толпы степняков вышла его вторая жена — высокая, черноволосая женщина с большими темными глазами. Она, не отрываясь, смотрела на Сулиму, в черных зрачках плавал страх. «Напугана до смерти»,—

поняла Соня. Очевидно, старшая жена Тахата имела над второй неограниченную власть.

— Да, это правда, мой господин...— дрожащим голосом произнесла Фария и нырнула обратно в толпу. Сулима победно выпрямилась и с видом королевы принялась поправлять прическу, все еще сидя в грязи. «А ведь умна! — с восхищением подумала Соня.— Если обман вскроется, все шишки полетят на Фарию, мол, она видела, она сказала...»

— Зуриаб! — позвал Тахат. Стражник встал рядом с Соней.— Что скажешь ты?

Зуриаб мямля рукоять сабли, растерянно переводил глаза с Тахата на Сулиму и обратно. Он явно не знал, что сказать. Стражник напомнил девушке бестолкового пони, тыкавшегося мордой во все бадьи подряд. И тут ее осенило.

— Прости меня, сын Хайбайдулла! — Девушка бросилась в пыль рядом со старшей женой.— Да, я взяла украшения Сулимы!

Сулима уставилась на нее широко открытыми глазами. Она не понимала. «Погоди»,— мысленно посоветовала ей Соня.

— Зачем? — совершенно беззлобно удивился Тахат.

Соня потупилась, скрывая улыбку, произнесла:

— Она так красива, а мои рассказы скоро кончатся... Чем тогда я смогу привлечь внимание повелителя?

Лесть и покаянный голос девушки явно понравились Тахату. Легким движением кисти он прервал ропот степняков.

— На первый раз я прощаю тебя,— милостиво произнес он. Сулима взвилась в воздух, как распрямившаяся пружина.

— Прощаешь?! — завопила она.— А мои украшения?! Пусть вернет!

— Верни,— посоветовал Соне Тахат. Девушка покачала головой, мельком поймала сочувствующий взгляд Зуриаба. Уж стражник-то точно знал: никаких украшений у нее не было.

— Почему? — поинтересовался Тахат.

— Я не могу,— тихо сказала Соня.— Их у меня нет...

— Где же они? — еще больше удивился кладезь мудрости.

Степняки стихли, ожидая ответа. Соня закусил губу, чтоб не засмеяться.

— Я спрятала их в кадушку,— прошептала она, едва сдерживая смех,— а твой конь... Он... Он... съел...

Она ткнулась лицом в сложенные ладони и расхохоталась. Слава Богам, ее смех был принят за рыдания. В зашелестевших над ее головой голосах слышалось сочувствие. Тахат задумался. Отдавать Сулиме своего любимого пони он не собирался. Судя по всему, это был единственный конь, на которого толстый покоритель гор еще мог взобраться без посторонней помощи. Соня уняла смех и, пользуясь коротким затишьем, проговорила:

— Но я готова понести наказание и вернуть Сулиме вдвое больше взятого. Я умею сражаться и не боюсь гор.— Девушка подняла взгляд на Та-

хата. Заметив растерянность на его лице, завершила: — Я пойду к Демону, в его Храм Сновидений, и принесу его сокровища!

Подобное предложение Сулиму устраивало.

— Пусть идет,— быстро сказала она.

— Да, пусть идет,— подтвердил еще кто-то из степняков. Толпа загудела. Кто-то кричал, что нельзя тревожить Демона, кто-то советовал вспороть брюхо пони, кто-то поддерживал идею похода в горы. Голоса слились в невообразимый гвалт.

— Тихо! — перекрывая шум, рявкнул Тахат. Степняки несколько унялись. Теперь над Сониной головой раздавались только тихие шепотки заядлых спорщиков.

— Ты не знаешь дороги,— в упор глядя на Соню сказал Тахат. Она поднялась, отряхнула одежду:

— Но шайман Айри знает. Он проводит меня.

— Ты можешь сбежать...

— Нет, если со мной пойдут твои воины.

— Я хочу, чтоб она шла за сокровищами! — встряла Сулима.

— Заткнись! — прикрикнул на нее источник знаний. Скорчив обиженную гримасу, старшая жена замолчала. Тахат шагнул к Соне.

— Ты не только красива,— прошептал он, чуть ли не касаясь толстыми губами уха девушки,— ты еще и хитра. Вряд ли мне нужна такая хитрая жена. Но неужели ты на самом деле собралась к Демону?

Соня кивнула. Тахат хмыкнул:

— А еще упряма. Пожалуй, ты получишь желаемое. Для меня это прекрасное средство избавиться от лжеца Айри. Сколько же воинов ты хочешь взять с собой?

Глава третья

Воинов было семеро. Самые отъявленные трусы и проныры, которых Тахат уже давно намеревался отправить куда подальше. Толстый покоритель гор постарался извлечь из предстоящего Соне похода наибольшую для себя выгоду. Теперь это захудалое воинство брело позади девушки, постоянно жалуясь и отыскивая всяческие причины для отдыха. Большинство из них вовсе бы сбежало, но от побега самых трусливых удерживало присутствие шаймана. Шайман Айри был молчалив, угрюм и огромен. Соня доставала ему лишь до плеча. В меховой телогрее и толстых коричневых штанах из плотной зуфи Айри походил на медведя. В пути девушка успела заметить две отличительные черты шаймана: больше всего Айри любил есть и спать. Способность шаймана засыпать в любом месте и в любое время приводила Соню в ярость. Пока она пинками и угрозами подгоняла свой отряд, пока растаскивала завалившие тропу камни или забрасывала на высокие уступы железный крюк с ве-

ревками для подъема, шайман усаживался в сторонке, укладывал лохматую голову на огромные руки и засыпал. В оправдание шайман утверждал, будто во сне видит путь на Гору Демона. Если же его будили, переходил к угрозам. Во время подъема на Змеиный перевал шайман успел призвать на голову Сони всех демонов, трижды перепутать тропы, ведущие вверх и вниз, и дважды обокрасть соседские котомки с едой. Вообще воровать не стеснялся никто из отряда. Маленький щуплый Заир потихоньку таскал воду из Сониного бурдюка, четырехпалый (один палец ему отрубили как раз за воровство) Маммет невесть зачем украл у толстяка Хумаза рваный кожаный пояс, но, испугавшись разоблачения, выкинул украденное в пропасть, лысый Халлет то ли из вредности, то ли по недомыслию похитил у Сони две веревки для подъема в горы, причем потом сам же стонал и причитал, что подниматься стало неудобно, а Рахмат на пару с шайманом потихоньку уничтожали чужие запасы пищи. Постепенно у Сони появилась стойкая уверенность: ни шайман, ни горе-воины представления не имеют, куда идут. Они тащились за Соней лишь потому, что боялись остаться одни в чужих холодных горах, а возвращаться к своим было еще страшнее. В глубине души каждый из них знал: Тахат обратно не примет. А может еще и наказать... Помогал девушке только Зуриаб. Он единственный из всего отряда пошел на Гору Демона добровольно. Соня так и не сумела разобраться — искупал Зуриаб таким образом свое малодушие в истории

с украшениями Сулимы или ему попросту было интересно. Как бы там ни было, Зуриаб старался изо всех сил. Он приструнивал соплеменников, помогал Соне будить шаймана и даже умудрялся прятать от воришек мешки с пищей и водой. На вид невзрачный степняк, как выяснилось, обладал силой, ловкостью и живым умом. Соню он почти обожествлял.

На шестой день подъема отряд взбунтовался.

Все началось с очередной кражи. Но на сей раз украли не сухую лепешку или рваный пояс, а оружие, подаренное Соне Тахатом, — длинный узкий кинжал с трехгранным лезвием.

Пропажу девушка обнаружила рано утром. Отряд ночевал в расщелине между скал. Шайман почивал, пристроив голову на собственном мешке, Зуриаб дремал у костра, остальные вповалку сопели под каменным навесом. Проснувшись Соня потянулась, привычно провела ладонями, оглаживая отлежанные на камнях бока и... Кинжала не было! Обычно он висел на поясе, рядом с топориком и двумя ядовитыми шпильками, также подаренными Тахатом, теперь же на поясе болтались пустые ножны. Первым Соня растрясла Зуриаба.

— У меня украли кинжал! — возмущенно сказала она. Степняк сонно заморгал, потом вскочил:

— Кто?!

— Если б знать... — Девушка обреченно махнула рукой и, глядя на сочувственно покачивающуюся голову Зуриаба, решила: — Все! Мое терпение лопнуло! Буди всех!

Дольше всех пришлось будить Айри. Шайман кряхтел, изрыгал проклятия, но упрямо не открывал глаз. В конце концов Соня подошла и изо всех сил треснула шаймана по щеке. Айри зло уставился на обидчицу.

— Слушай меня! — рявкнула на него девушка. Поняв, что сейчас лучше не спорить, Айри презрительно скривился, но промолчал.

— Все слушайте! — Соня обернулась к присевшим у костра степнякам: — Этой ночью кто-то украл мой кинжал.

— Не я, — быстро сказал Халлет.

— И не я, — эхом отозвался Хумаз.

Перебивая один другого, степняки принялись доказывать свою невиновность. К подобным сценам Соня уже привыкла, но на этот раз кричать и одергивать степняков она не стала.

— Хорошо... — негромко, с угрозой в голосе сказала она. — Я не стану искать вора, но запомните этот кинжал — последняя украденная вещь. Дальше любого, кого я сочту замешанным в воровстве, я прирежу собственными руками!

Наступила тишина. Потом маленький Заир сполз с плоского камня, на котором сидел, поправил сбившуюся набок драную рубаху и, хитро прищурившись, поинтересовался:

— А как зарежешь? Кинжала-то у тебя нет...

Соня вытащила из-за пояса топорик, выразительно покачала его в руке.

— Понял, — пискнул Заир и сел обратно.

— А как ты определишь виноватого? — Теперь встал толстый Хумаз. — Вдруг ты убьешь не того?

— Рано или поздно доберусь и до того. Когда других не останется, — с деланным безразличием ответила Соня. В глубине души ее трясло от злости.

— Но это нечестно... — попробовал протестовать Хумаз. Соня не выдержала:

— Ах ты, жирный, степной боров! — покачивая топориком, она двинулась к степняку. Хумаз заверещал, нырнул за спины товарищей. Недолго думая, те бросились врассыпную. Отпихивая друг друга в узкий проход между скалами выскочили Рахмат и Маммет, влево по тропе рванули Халлет и Хумаз. Ловкий маленький Заир с удивительной скоростью взлетел на каменный навес над Сониной головой. Девушка успела заметить только мелькнувшие в воздухе босые пятки. В расселине, среди разбросанных мешков и примятой травы, остались только она и Зуриаб.

— Забери свой нож, не очень-то он мне нужен, — услышала Соня бас позади. Девушка обернулась. На камне сидел всеми позабытый Айри и лениво ковырялся в зубах ее кинжалом. Поковырявшись, протянул Соне: — На.

Зуриаб сердито зашипел.

— Чего уставился? — протяжно сказал шайман, перевел на Соню мутный взгляд: — А ты тоже... Сама воровка, у Сулимы украшения украла, а других учишь... Тьфу! — Он сплюнул Соне под ноги, встал: — Уйду я от вас. Надоели.

— Ну и ступай себе, — отозвалась девушка. Кинжал лег в ножны, она немного успокоилась. Шайман звучно протопал мимо, поднял с земли свою

котомку, шагнул к выходу из расщелины. У самого поворота остановился, оглянулся:

— А в Храм Сновидений ты все равно не пройдешь. Там дальше, за Серыми Камнями, нужно идти пещерами. Иначе никак.

— Ты-то откуда знаешь? — хмыкнула Соня. Теперь она разделяла мнение Тахата: Айри слишком лжив, чтоб сказать правду, но слишком труслив, чтобы лгать. — Ты в трех тропах теряешься.

— А эту дорогу знаю! — Шайман почесал всклокоченные волосы. — Даже показать могу. Но за плату.

— И какую же? — ехидно поинтересовалась Соня. — Хочешь жаренного барашка на вертеле? Или три дня сна?

— Не-е. — Айри опустил котомку на землю. — Мне у Демона надо взять одну древнюю монету.

— Золотую? — оживился Зуриаб. Шайман потряс головой, задрал телогрею, почесал волосатый живот:

— Не-е, каменную, — потом перевел взгляд на Соню, — решено?

Девушка задумалась. Зачем Айри нужна какая-то древняя монета? Хотя что, ей камня жалко?

— Решено, — согласилась она.

— А я тоже могу что-нибудь взять? — На голову Сони посыпались мелкие камушки. Она взглянула вверх. С карниза свешивалась голова маленького Заира. В взлохмаченных кудрявых волосах степняка запутались стебли какого-то растения, рваная рубаха сползла с тощего плеча, зато карие глазки восторженно блестели. Девушка кивнула. Ее

не интересовали сокровища Демона, ей был нужен Маг. Заир ловко соскочил с утеса, отряхнул штаны и решительно произнес:

— Тогда я с вами!

Сложив ладони лодочкой у рта, он позвал:

— Маммет! Рахмат!

Из-за громадного валуна высунулась испуганная рожа Маммета. Прищурившись он недоверчиво оглядел собравшихся и снова нырнул за камень. Соня махнула рукой:

— Вылезай.

— Как бы не так, — раздался из-за валуна голос Маммета.

— Зарубишь... — эхом повторил за ним бас Рахмата.

— Тогда и сидите там, как крысы! — Девушка не собиралась выманивать степняков посулами или угрозами. Не хотят идти — не надо. Зуриаб огорченно пожал плечами, поднял котомку.

Мимо прошептал шайман. Подошел к валуну, легко, одним движением огромной руки вышвырнул из-за него Маммета. Охнув, степняк приземлился у Сониных ног. Рахмат не пожелал разделить его участи и вылез сам.

— Теперь идем. — Айри отряхнул широкие ладони и размашистым шагом направился влево по тропе.

Соня подпихнула постанывающего Маммета носком сапога, двинулась следом. Вскоре вся кампания, растянувшись цепочкой, с уже привычными причитаниями и жалобами взбиралась по круто уходящей вверх тропе к Серым Камням. Отряд

воссоединился. Не хватало только Халлета и Хумаза.

К полудню солнце разбушевалось. Разогретые лучами камни обжигали ладони, пот застилал глаза, хотелось пить. Маммет без умолку ныл и проклинал свою несчастную жизнь, Рахмат взывал к Великому Небу, малыш Заир облизывал потрескавшиеся губы и косился на бурдюк с водой, а Зуриаб, несмотря на Сонины протесты, уже сорвал какой-то стебель и сосал его, стараясь вытянуть из высохшего растения последние капельки сока. Жары не замечал только шайман. Его широкая спина в меховой телогрее монотонно покачивалась перед лицом девушки, из-под обуток в меховые сапоги ног летели мелкие камни. Айри шел уверенно, не задумываясь на развилках.

Теперь Соня не сомневалась, что дорогу он знает. Одно время выбранная шайманом тропа вилась по узкому ущелью, затем взобралась круто в гору, потом шарахнулась влево, пропетляла по лабиринту уступов и уперлась в высокую, гладкую скалу. Перед скалой Айри остановился. Соня оглядела выросшую перед ней гранитную стену. Серый скат скалы тянулся вверх на несколько локтей, отполированный ветрами до такой степени, что Соня видела в нем свое отражение. «Великая Мать, на кого я похожа?!» — разглядывая отражающуюся в камне высокую девушку с всклокоченными волосами и в изодранной гирканской одежде, подумала она.

— Это Серый Камень. — Айри повернулся к ней, указал высоко наверх. — Нам туда. Думай.

Он бросил котомку у подножия скалы, присел рядом на корточки и закрыл глаза. Соня оглянулась на Зуриаба. Как преодолеть этот подъем, она не представляла. Здесь были нужны птичьи крылья. Зуриаб оторопело глазел на скалу. Посоветовать он ничего не мог. Соня потрясла шаймана за плечо.

— Есть ли обходные тропы? — спросила она. Айри приоткрыл глаза, отрицательно мотнул головой и снова погрузился в дрему. Соня погладила камень перед собой ладонью. Гладко, ни зацепочки ни трещины...

— Я могу забраться вон туда, — вдруг услышала она голос Заира. Маленький степняк тыкал грязным пальцем куда-то наверх. Там, на высоте примерно десяти локтей виднелась едва приметная трещинка. «От этой трещины уже можно добраться до самого верха», — решила Соня.

— Я правда могу, — приняв молчание девушки за сомнения в его ловкости, повторил Заир. — А оттуда — вон к тому выступу.

Соня удивленно проследила за его пальцем. Заир умудрялся замечать те мелкие выступы и трещинки, которых не улавливал даже ее наметанный глаз.

— Заир может, — Маммет засмеялся, обнажив два сломанных передних зуба, — Заир к самому Шей-Малу на гору давал, к его третьей жене. Ему за это кой-чего отбили. Помнишь, Заир?

Щеки шуплого степняка залил густой румянец.

— Дурак ты, — обиженно сказал он, — ничего мне не отбивали. Меня даже не поймали ни разу!

Маммет хихикнул, Рахмат за его плечом прижал руки ко рту, словно сдерживая смех. Заир взглянул на Соню:

— Лезть?

— А до самого верха доберешься? — недоверчиво поинтересовалась девушка. Данная задача казалась ей неразрешимой. Потом добавила: — С веревкой на поясе?

Заир почесал затылок, прищурился, зашарил глазами по скале, отыскивая на ровной поверхности одному ему видимые зацепки, и наконец удовлетворенно заявил:

— Доберусь! Точно доберусь.

Когда малыша Заира обмотали веревкой, он стал похож на горбатого карлика. Перед подъемом он дотянулся до Сониного уха и, хитро сощурился, прошептал:

— А я смогу взять долю Хумаза?

— Какую долю? — не поняла девушка.

— Ну, сокровищ Демона, — просительно протянул Заир. — Ведь Хумаз не вернулся. Кто возьмет его долю?

Соня чуть не расхохоталась. Вот тебе и бескорыстие!

— Возьмешь. — Она похлопала Заира по плечу. — Даю слово.

Задрав головы, все следили, как Заир добрался до первого уступа, затем пополз ко второму. Он чудом удерживался на отполированной до блеска гранитной скале. Казалось, что вместо паль-

цев у степняка на руках присоски. Соня искренне восхищалась его умением. Заир прилипал к скале, затем, словно ящерица, неуловимым движением скользил то вверх, то в сторону. Раз два он терял опору и сползал вниз, но не срывался, а, извиваясь, отыскивал новые зацепки. Постепенно он приближался к конечной цели. Когда до вершины осталось примерно три локтя, Соню отвлек шум возни за спиной. Обернувшись, она увидела Рахмата и Маммета. С нечленораздельным шипением степняки сцепились в драке. Зуриаб пытался их растащить, но драчуны схватывались снова и снова. Поймав недоумевающий взгляд девушки, Зуриаб беспомощно развел руками. «Хоть бы они поубивали друг дружку!» — раздосадованно подумала Соня, однако рывкнула:

— А ну, прекратить!

Оба драчуна остолбенели. Первым пожаловался Маммет. Один глаз у него заплыл, из губы сочилась кровь, и, кажется, не хватало пары зубов, но он указал на обидчика и прошепелявил:

— Пусть отдаст!

Соня придвинулась к потирающему разорванное ухо Рахмату:

— Опять?!

— Я не воровал! — Заскулил тот. — Он хочет отобрать мои сокровища!

— Нишего я не отбираю! Ты мне должен! — Маммет сжал кулаки, шагнул к Рахмату. Тот чуть пригнулся, готовясь к прыжку. Вытянув кривой меч, Зуриаб встал между драчунами. С большим трудом Соне удалось выяснить, в чем дело. Ока-

зывается, пока их сородич лез на скалу, степняки поспорили, когда он сорвется. Рахмат утверждал, что Заир не доберется пяти локтей от вершины, Маммет — трех локтей.

Спорили они, естественно, на сокровища Демона Сновидений. Когда же Заиру удалось преодолеть оба барьера, спорщики вцепились друг другу в глотки. Теперь же оба с надеждой взирали на свою предводительницу.

Соне еще ни разу не приходилось разрешать столь дурацкий спор. Она на мгновение задумалась, потом сощурила серые глаза и тряхнула головой:

— Отойди, Зуриаб. Пусть дерутся. Кто победит — получит сокровища...

Глаза обоих драчунов вспыхнули алчным блеском.

— ... а потом будет драться со мной, — завершила Соня. Уже готовые сойтись в рукопашной степняки застыли. Маммет сжимал и разжимал кулаки, Рахмат кусал губы. Наконец Маммет прошепелявил:

— Не хошу я дратья. Пушкой подавитя!

— И я не хочу, — тут же согласился Рахмат.

В пылу спора все забыли о маленьком Заире. Он уже перевалился через край скалы.

Соня подошла поближе к гранитной стене и приготовилась ловить сброшенную Заиром веревку, как вдруг маленький степняк испустил истощенный вопль.

Его крик разбудил шаймана. Айри поднялся на ноги, запрокинул вверх голову.

— Чего там? — поинтересовался он у Сони. Девушка пожала плечами. Она не имела ни малейшего представления, чего так испугался Заир.

— Эй! — гулко крикнул шайман. — Кидай веревку! Мы полезем к тебе.

Заир скрылся за уступом. Через мгновение по скале змеей заскользил веревочный хвост.

— Только побыстрее, — долетел сверху дрожащий голос степняка. — Пожалуйста, быстрее!

Первой на скалу взобралась Соня.

Вершина Серого Камня представляла собой площадку около двадцати шагов в длину и пяти в ширину. Дальше тянулась такая же гладкая скала, у самого дальнего края площадки, почти над обрывом темнел вход в пещеру. У входа сквозь тонкие трещины пробивались какие-то чахлые, наполовину засохшие кустики.

Соня еще не успела выпрямиться, как Заир вцепился в ее руку и просипел:

— Там... там...

У кустов, на краю площадки, лежали два мертвеца. То, что их двое, Соня поняла только по головам. Покрытые кровью тела лежали друг на друге, крест-накрест, словно один старался заслонить собой другого от неведомой опасности. Верхний лежал, уткнувшись лицом в камень. Его руки плавали в луже крови, одна нога была неестественно вывернута, по спине тянулись четыре рваные полосы. На вывороченном мясе кровь засохла черной коркой. В ране копошились какие-то насекомые. «Кто их?» — Соня двинулась к телам.

— Не ходи,— умоляюще прохрипел Заир.— Они живые...

Девушка хмыкнула. Ей довелось многое пови-
дать, но чтоб такие жалкие останки вдруг оказа-
лись живы..

— Чушь! — фыркнула она. И вдруг верхний
мертвец зашевелился. Изодранная спина изогну-
лась горбом, уцелевшая нога заскребла по камню.
Туча мух взвилась из раны и зло загудела. Девушка
отшатнулась. Заир прижал руку ко рту и согнул-
ся в неудержимой рвоте.

— Ну, и чего тут...— На скалу взобрался Айри.
Не договорив, он уставился на шевелящегося мер-
твеца, выдохнул: — Демон!

— Помогите,— жалобно простонал мертвец. Со-
ня не шевельнулась. Шайман полез в свою котом-
ку, выудил оттуда какой-то амулет и принялся
лихорадочно шептать заклинания.

— Помогите.— Из-за разодранной спины пока-
залось бледное лицо, потом рука.

— Хумаз? — недоверчиво спросила Соня. Узнать
в вылезающем из-под мертвого тела человеке тол-
стяка Хумаза было почти невозможно. Полные ще-
ки степняка впали, от одежды остались рваные
клубья, кожа приобрела мертвенно-синий оттенок.
Однако девушка не ошибалась — это был Хумаз.
Он наконец сумел сбросить с себя мертвеца и по-
полз к сородичам.

— Не подходи, демон! — Айри выставил перед
собой амулет. Плетение конского волоса не оста-
новило ползущего. Видя, что колдовство не по-
могает, уже успевший влезть на скалу Маммет

кинулся было назад. Зуриаб поймал его за полу.
Заир прижался к камням и трясся всем телом.
Соня шагнула к израненному степняку:

— Что здесь случилось, Хумаз? Как ты тут ока-
зался? Кто это? — Она указала на первого мерт-
веца.

— Ха... ллет...— прошептал Хумаз.— Это Хал-
лет...

И потерял сознание.

Очнувшийся, умытый и накормленный Хумаз
рассказал странную историю.

По его словам, они с Халлетом бежали вместе.
Они решили не возвращаться в отряд, а перейти
через горы и найти себе тихое пристанище где-
нибудь в Гиперборе или Заморе. Серый Камень
преградил им путь в тот самый момент, когда
беглецы обсуждали планы перехода через горы.
Шум и хлопанье огромных крыльев заметил Хал-
лет. Затем, по словам Хумаза, все закрыла огром-
ная черная тень.

Он успел увидеть только чудовищные когти
неведомой птицы и тигриную морду с оскален-
ными клыками. «Я еще удивился, как это тигр
летает,— рассказывал Хумаз,— а потом что-то уда-
рило меня по голове и все поглотила тьма». Оч-
нулся он уже на вершине скалы. Все его тело
болело, особенно плечо, а где-то неподалеку раз-
давалось громкое чавканье. Он открыл глаза и
увидел странное существо. Больше всего существо
напоминало невероятно большого тигра, но оно
было жутким, с гладкой кожей на хребте, а с бо-

ков топорщились два острых кожистых крыла, как у летучей мыши. Существо драło когтистыми лапами спину Халлета, а вырванные куски отправляло в громадную пасть. Увидев это, Хума́з испугался, закрыл глаза и притворился мертвым. Это было очень трудно, потому что существо разорвало ему плечо, но он терпел. Потом крылья зашуршали над его головой, и он почувствовал исходящий из пасти зверя зловонный запах. Однако не успел он открыть глаза, как сверху на него упало тело Халлета, и он провалился в темноту. Когда же он очнулся во второй раз, то услышал человеческие голоса и стал звать на помощь.

Все это Хума́з рассказывал, за обе щеки уплетая вяленое мясо. Он уже немного отошел от испуга и только вздрагивал, когда к нему прикасались чьи-либо руки. От перевязки он наотрез отказался, заявив, что рана уже не болит. Соня мельком осмотрела его плечо. Рана степняка действительно была неопасной, однако когти чудовища глубоко взрезали кожу и слегка заделали сухожилия. Не всякий воин сумел бы стоически терпеть такую боль. Но, к ее удивлению, Хума́з терпел. Иногда казалось, что он вовсе забывает о ране. Он жадно хватал мясо обеими руками, отправлял его в рот и с явной гордостью рассказывал об виденном страшилище. По мере рассказа размеры чудовища увеличивались, а смелость Хума́за возрастала.

— Ладно,— наконец прервала Соня его разглагольствования,— куда это улетело?

Хума́з отправил в рот еще кусок мяса, причмокнул сальными губами:

— Вкусно... А куда оно делось — не знаю. Может, у него гнездо на самой вершине?

— Врет,— вдруг сказал Айри. Соня обернулась к шайману. Айри сидел чуть в отдалении, положив голову на руки, и девушка думала, что он уже давно спит.

— Что врёт? — спросила она. Шайман поднялся. В неярком свете костра мохнатая шкура на его плечах топорщилась, лицо белело расплывчатым овалом.

— Все врёт,— подходя к костру, сказал шайман.— Я все видел.

— Где это ты видел? — ехидно поинтересовался Хума́з. Соня удивилась. Раньше толстяк не позволял себе так говорить с шайманом. Должно быть, после встречи с летающим тигром Айри казался ему не страшнее таракана. Вместо ответа шайман подошел к костру, присел на корточки рядом с Соней и посоветовал:

— Пусть он уходит. Я видел, как Халлет с Хума́зом подошли к скале и на них напал Демон Гор. Демон Гор никого не оставляет живых.

— Много ты знаешь! — презрительно хмыкнул Хума́з и протянул руки к костру.— Я вот, живой.

— Сомневаюсь.— Айри вытащил из-за голенища нож, потянулся к Хума́зу.— Если тебе пустить кровь...

Хума́з поспешно отдернул руки, степняки вскопили. Быстрым ударом Соня выбила оружие из рук разбушевавшегося шаймана.

— Прекрати! — приказала она.— Хватит ссор! Как ты мог что-то видеть?

— Во-во,— подтвердил Хума́з.— Дрыхнет весь день, как хоре́к, а потом — «я видел, я знаю»... Болтун.

— Пусть уходит,— набычившись, пробурчал Айри.— Или я его убью!

— Только тронь,— фыркнул Хума́з.— Я пойду со всеми. А если тебе не нравится, убирайся сам.

Внезапная смелость степняка несколько озадачила Соню. Положение спас Зуриа́б.

— Успокойся, Хума́з,— негромко сказал он.— Или действительно уходи.

Хума́з вдруг сник.

— А что я? — поглядывая на Соню, забормотал он.— Он сам... Первый начал... Я столько пережил, а он...

Девушка вздохнула. К стычкам и спорам в своем горе-отряде она уже давно привыкла. На завтра предстоял тяжелый день, а между тем уже стало холодать, и над пиком Хайруда повис бледно-желтый серп луны.

— Заночуем здесь,— жестким тоном давая понять, что не потерпит дальнейших пререканий, сказала она.— Айри, ты говорил, что придется идти пещерами?

Шайман перестал зло коситься на Хума́за, обернулся к девушке.

Из-под косматых бровей уставился на лицо предводительницы. Зевнул.

— На твоём месте я бы повернул назад,— сказал он,— Демон Сновидений умеет путать следы. Нехорошее место,— шайман ткнул заскорузлым пальцем на темнеющий вход в пещеру,— нехоро-

ший человек.— Палец переместился в сторону Хума́за.

— Рассказывают, в этих местах молнии раскалывают скалы надвое, а из горных вершин вылезают огненные демоны и плюются расплавленными камнями,— испуганно сказал Рахмат.— Я это слышал от одного человека из Кофа. Его нашли в долине, все тело у него было покрыто ожогами, а глаза вытекли от слез. От боли он кричал три дня и три ночи. Потом мы его убили.

— Человек из Кофа? — Шайман подозрительно поглядел на Рахмата.— А он не говорил тебе о шестируких чудовищах, изрыгающих пламя, огненном змее, который сползая с гор, пожирает все живое, и черном пепле, от которого першит в горле до тех пор, пока ты не задыхаешься от кашля и не умираешь в страшных муках?

— Нет.— Рахмат трусливо покосился на Соню.

— Расскажет,— зловеще пообещал Айри.

Скинув со скалы все, что осталось от лысого Халлета, занялись приготовлением факелов. Древки для факелов нес Хума́з, но, чтобы облегчить свой мешок, подлый степняк выбросил добрую половину из них по пути. Хорошо еще, что не потерял весь мешок. Обнаружив пропажу, Соня едва не воспользовалась советом Айри. Вытащила кинжал, приставила к горлу степняка. Тот заискивающе плюхнулся на колени и, размазывая сопли по щекам, принялся вымаливать прощение.

— В пещеры пойдешь первым! — забавляясь его страхом, сказала девушка.

Тряпья для обмотки факелов было вдосталь, а вот кувшин с козьим жиром постигла та же участь, что и древки. Вынув его из мешка Рахмата, Соня сразу почувствовала неладное.

— Съел? — Она зло взглянула на степняка, мгновенно вспомнив, как всю дорогу тот с завидной частотой облегчался в камнях и с той же завидной регулярностью жаловался на тошноту.

На всякий случай Рахмат спрятался на широкую спину Хумаза.

— Он тоже ел, — показывая пальцем на толстяка, сказал Рахмат, — еще говорил, что если нечем будет обмазывать факелы, то ни в какие пещеры мы не пойдем.

— А сокровища?

— Нет там никаких сокровищ, — неуверенно буркнул Рахмат.

— Это правда? — Соня обратилась к Хумазу.

— Правда. Только я не ел. — Толстяк покосился на шаймана. — Зачем идти в пещеры? Даже сам покоритель гор Тахат Саббидзар не пошел к Демону Сновидений. Что уж говорить о недостойном Хумане дель Беке, сыне Гуяка, трусливом, как шангарский ишак, и глупом, как баран из Кухте-меса. Мало мне демона? Посмотри, как узка эта щель. Я застряну в ней, словно великий змей в чреве шангарской блудницы. Ты слышала эту историю, госпожа Соня? Она весьма поучительна и...

— Помолчи! — с ненавистью сказал Зуриаб. — Ишь, разговорился. Тебе впору рассказывать сказки, Хуман дель Бек. Тахат сделал большую ошибку,

что отправил тебя с нами. Ты вполне мог бы заменить любую из его жен.

— Это верно, — поддакнул шуплый Заир, — только в степи я не слышал от него ни слова.

— Да? — дремлющий по обыкновению шайман приоткрыл левый глаз.

— Это от страха, — торопливо прогнусавил Хумаз.

— На твоём месте я бы отрубил ему голову, — буркнул Соне шайман, — а потом повернул назад. Без факелов в пещерах опасно вдвойне. Там осталось хоть что-нибудь?

— Да, — Соня сунула в кувшин руку, провела по дну пальцем, — на пять-шесть факелов хватит. Как долго нам идти?

Сторожить отряд вызвался Зуриаб, и остаток ночи Соня проспала без задних ног. Под утро ей приснился синий дракон. Он летал над горами, изрыгал пламя, глотал луну и испражнялся ее осколками. Проснувшись, она с удивлением обнаружила, что под головой у нее лежит чей-то походный мешок, а вместо Зуриаба бодрствует Заир.

— Госпожа уже проснулась?

Маленький степняк выглядел бодрым и выспавшимся. Он сидел на корточках у тлеющего костерка, вытаскивал из него угли, и дождавшись, когда они остынут, складывал их в походный мешок.

— Пещеры большие. Можно заблудиться. Рисовать, — начертив в воздухе невидимый знак, пояснил он.

Соня кивнула. Мысль была хороша.

Поежившись от холода, она присела рядом.

— Тихо,— прислушиваясь к чему-то, сказал Заир,— ночью я видел птицу. Вот такую,— широко раскинув руки, показал он.

— А мне снился дракон,— сказала Соня, задумчиво глядя на окрасившиеся в розовый цвет горные вершины.

Светало. Подул легкий ветерок. Костер задымил.

— Будить? — спросил Заир.

Труднее всего оказалось вернуть к жизни шаймана Айри. Шайман долго кряхтел, сопел, еще дольше изрыгал проклятия и открыл глаза лишь после того, как проснувшийся Зуираб догадался сунуть ему под нос согретую на костре лепешку.

— Еда,— сонно сказал шайман, и лепешка с невероятной быстротой исчезла в его огромной пасти.

Остальные встали сами. Маммет и Рахмат первым делом облегчили мочевые пузыри, потом, подсев к костру, стали вяло пререкаться, кому и сколько сокровищ должно принадлежать. Хумаз к костру не пошел. Он долго стоял на краю каменной площадки, от еды отказался и никакие сокровища делить не стал.

Глава четвертая

Первым полез в щель Заир.
— Я самый маленький,— пояснил он и, отдав свой лук Зуирабу, протиснулся в пещеру.

Вторым к темному отверстию подтолкнули Хумаза. За ним последовал Зуираб, Рахмат, после Рахмата, решительно оттолкнув сунувшегося было следом Маммета, нырнула Соня.

Факелы не зажигали.

Какое-то время пришлось ползти на животе. Сверху то и дело сыпалась мелкая каменная крошка, несколько раз девушка больно ударилась о выступающие камни. Позади громко пыхтел, проклиная всех богов и нежитей Хайборийского мира, шайман Айри, впереди явственно слышалось громкое дыхание Рахмата.

— Воняет,— донесся до Сони чей-то громкий шепот,— ничего не видно. Эй, нельзя ли побыстрее?

— Это Хумаз,— ответил голос Зуираба,— смердит, как осел, да еще застрял тут. Погодите-ка.

Далеко впереди раздался сдавленный вопль.

— Ничего, терпи,— донесся шепот все того же Зуриаб,— я тебя еще и мечом подтолкну.

Вскоре узкий лаз стал расширяться. Сначала Соня встала на четвереньки, потом вовсе в полный рост. Впереди вспыхнул огонь — это Зуриаб зажег свой факел. Едва по каменным стенам заплясали причудливые тени, Рахмат неожиданно остановился.

— Ну, чего еще? — Девушка подтолкнула его в плечо незажженным факелом.— Иди.

— Я видел,— испуганно сказал Рахмат.— Камень. Он живой. Я видел.

— Где?

— Там.— Рахмат ткнул пальцем куда-то в темноту.

На всякий случай Соня вытащила из-за пояса кинжал, однако пещера, в которую они проникли из узкого лаза Серой скалы, была пуста.

— Вот здесь,— уверенно показал Рахмат, пододвигая к небольшой каменной нише.

Серый камень был причудливо изрезан, кое-где виднелись вкрапления какого-то белого минерала. Небольшое углубление в нише было заполнено водой. Сверху, как и во всей пещере, свисали зеленоватые каменные сосульки, одну из которых Соня, не удержавшись, потрогала рукой.

— Никого нет,— сказала девушка.

— Я видел,— упрямо повторил Рахмат.

Пыхтящий за спиной шайман крикнул, принялся нудно перечислять имена одному ему известным богам. Факел в руках Зуриаб зашипел

и начал плевать во все стороны кипящим маслом.

— Тахат щедр до скупости,— проворчал Зуриаб,— даже масло он подсунул старое, как прокисшее молоко. Ненадолго хватит.

Он держал факел высоко над головой, чтобы масло не попало в глаза.

Пещера с сосульками привела к новому лазу. Он, к счастью, оказался гораздо шире первого: большую часть пути Соня и ее спутники лишь старательно пригибали головы, чтобы не набить шишек.

Проход в скалах плавно спускался вниз, лишь в одном месте пришлось воспользоваться веревкой, чтобы преодолеть высокий уступ. Сразу за ним обнаружилась небольшая пещерка, сплошь усыпанная острыми обломками скал. Выходов из пещерки помимо уступа было аж четыре, и шайман долго ходил от одного к другому, пытаясь определить верную дорогу с помощью невнятного бормотания, побряхтывания, и почесывания лохматой головы огромной пятерней.

— Я думаю, сюда,— наконец без особой уверенности указал он на самый широкий. Руководствовался Айри, скорее всего, исключительно собственными удобствами, но спорить с ним Соня не стала. Когда через пару сотен шагов проход внезапно закончился тупиком, шайман крикнул и напомнил раздраженным спутникам, что Демон Сновидений — существо крайне злобное, запутать может кого угодно и потому не следует волноваться по пустякам.

Второй лаз Айри выбирал куда более тщательно. Он не только бормотал непонятные заклятия и приплясывал на одной ноге, почесывая то спину, то толстое брюхо, но для пущей верности запел гнусавым голосом такую жуткую песню, что с потолка пещеры посыпались камни. Один из камней попал шайману по голове, и песня оборвалась на полуслове. Поперхнувшись и схватившись за ушибленное место, Айри перешел на шепот. Может быть, поэтому и второй выбранный им выход очень скоро привел в тупик.

— Демон Сновидений...— глубокомысленно начал вещать Айри.

Слушать его не стали.

Раздражение в отряде дошло до предела, когда и третий выбранный Айри ход закончился все той же непроходимой стеной.

— Что ж, зато теперь мы знаем, куда идти,— издевательски заявил Зуриаб.

— И знаем одного зловредного демона, которому давно следовало бы подпалить пятки,— поддержал товарища Заир.

— Лишить его сокровищ,— потребовали Маммет с Рахматом.

Молчала только Соня да, пожалуй, Хумаз. Он вообще предпочитал держаться в стороне, всю дорогу, начиная с первой пещеры, брел далеко позади и шарахался всякий раз, когда Зуриаб с факелом подходил к нему ближе чем на десяток шагов.

Четвертый ход привел путников к подземному озеру.

К этому времени факел Зуриаба окончательно прогорел, пришлось зажечь новый. Соня с сожалением видела, что и этого хватит ненадолго. Теперь факел нес Рахмат. Он первый увидел озеро и разразился восторженными криками. Зрелище и в самом деле было прекрасным.

Сверху донизу пещеру пронизывали пробивающиеся сквозь узкие щели в скалах солнечные лучи. Все в ней: и каменные стены, и озеро, и даже сам воздух подземелья — дышало мягким золотистым светом. Высокие своды будто парили в воздухе, так как огромная пещера была полностью заполнена водой, и даже в красных отблесках факела гладь озера казалась небесно голубой.

Время от времени в этой небесной-голубизне всплескивала какая-то рыбешка, а посреди пещеры, окруженный водой, виднелся каменный остров, увенчанный стволом некогда огромного дерева. Черные сухие ветви его клонились от тяжести каких-то странных плодов; лишь приглядевшись получше, Соня увидела кожистые тела тысяч летучих мышей. Под деревом лежал остов лодки, а чуть в стороне торчало воткнутое в камни копьё.

— Ты видишь? — шепотом спросил Зуриаб.

— Вижу,— тихо сказала девушка,— мы здесь не первые.

— Я не умею плавать,— сказал Рахмат.

— И я,— впервые за все путешествие по пещерам подал голос Хумаз.

— Что будем делать? — Девушка посмотрела на Зуриаба.

— Не знаю,— ответил воин,— по правде сказать, я и сам не очень-то люблю это занятие. Но другого пути нет.

Это Соня понимала и без его подсказок. Пройти вдоль обрывающихся в воду отвесных стен было невозможно. Разве что Заир с его ловкостью смог бы проползти на ту сторону, но и он не смог бы протащить за собой остальных.

Вдалеке слышался странный гул.

— Холодная.— Зуриаб попробовал воду рукой.

— Там есть лодка,— неуверенно сказал Маммет.

— Скорее всего, дырявая,— прибавил Хумаз.

— Вода плохая,— буркнул шайман,— не надо плыть, надо искать другой ход.

— Ты уже искал, хватит,— проворчал Заир, отдав свой лук Зуриабу и скидывая сапоги,— когда-то мне доводилось плавать по Вилайету и кормить тамошних рыбешек. Я пригоню лодку, госпожа Соня.

Возражений не последовало. Скинув одежду, щуплый Заир шагнул в воду. Жилистое тело тотчас покрыли мурашки. В свете факела кожа степняка казалась красной. Вся спина Заира была исполосована шрамами, на плече красовалось каторжное клеймо.

«Понятно, как ты кормил рыб»,— подумала Соня, вспомнив, что слава о кровожадности пиратов Вилайета доходила даже до Турана. Несколько шагов Заир шел по камням, потом внезапно окунулся с головой. Вынырнув, он короткими гребками поплыл к острову, время от времени оборачиваясь назад.

— Не доплывет,— буркнул шайман.

Однако Заир доплыл. Выбравшись на берег, он похлопал себя ладонями по бокам, пытаясь согреться, потом помахал рукой оставшимся на берегу и пошел к лодке. Осмотрев ее днище, воин снова повернулся к своим спутникам, что-то радостно прокричал, и тотчас над островом взвилось черное облако маленьких кожистых тел.

Сделав большой круг над озером, летучие мыши снова облепили дерево. К этому времени Заиру удалось перевернуть угловое суденышко, и теперь он силился подтащить его к воде. Даже на расстоянии в четверть лиги было хорошо видно, как напряжено его мускулистое тело. Лодка сдвинулась на пару локтей и прочно застряла в камнях.

Стоявший рядом с Соней Рахмат огорченно сплюнул.

— Демон Сновидений не оставил бы лодку,— хмуро сказал шайман.

— Демон Сновидений мог завалить скалы камнями и обрушить тебе на голову стаю летучих мышей,— отозвался Зуриаб.

Столкнуть лодку в воду щуплому Заиру так и не удалось.

Пришлось плыть ему на помощь.

Вода была не просто холодной — ледяной. Поначалу у Сони перехватило дыхание, но девушка быстро пришла в себя и, стараясь не слишком расходовать силы, поплыла к острову. Плавать она научилась еще в раннем детстве, в Туране: руки

уверенно вспарывали зеркальную гладь озера, а холод не столько сковывал движение, сколько подгонял девушку вперед.

На полпути Соня вдруг почувствовала сильное подводное течение, за спиной что-то закричало. Поглядев на остров, девушка с удивлением обнаружила, что он заметно сместился влево, а стоящий на берегу Заир тоже кричит и отчаянно машет руками, показывая куда-то вверх.

Соня обернулась.

Свет факела в руках Рахмата отбрасывал причудливые тени, голубая вода искрилась, а над озерной гладью, расправив черные перепончатые крылья, летело шерстистое существо. Оно было похоже на летучую мышь, но размерами превосходило крупного волка.

У существа было две клыкастые головы, причем вторая находилась чуть выше первой, но была такая же уродливая и лохматая, с такой же чуть приоткрытой пастью, из которой торчали острые иглы клыков.

Четыре коротких когтистых лапы тварь плотно прижимала к брюху, узкие щелочки глаз на обеих ее головах затягивала серая пленка, длинная шерсть на брюхе свалывалась и висела клоچьями.

«Демон Гор?» — подумала девушка, но, вспомнив сбивчивый рассказ Хумаза, немного успокоилась. Головы летающей твари мало походили на тигриные, а уж если бы у демона их было две, то Хумаз рассказал об этом в первую очередь. Впрочем, жутковатый на вид зверь мог расправиться с Соней не хуже демона.

Их разделяло не больше десятка шагов. Летучее чудовище взмахнуло огромными крыльями и, вытянув передние лапы, начало планировать вниз.

Раздумывать было некогда. Уходя от опасности, Соня нырнула под воду. Над головой раздался сильный всплеск. Когти зверя скользнули в половине локтя от ее спины. Соня перевернулась на спину, стараясь даже под водой не выпускать чудовище из виду. Было хорошо видно, как серая тень вдруг резко ушла вверх. Крылатая тварь летела по кругу, готовясь к новой атаке.

Воздуха не хватало, и Соня торопливо вынырнула. Уже вынырнув, она обнаружила, что течение в озере куда сильнее, чем могло показаться на первый взгляд. Остров был совсем близко — в какой-нибудь полусотне шагов, но Соню быстро несло мимо. Вход в пещеру остался далеко позади. Какое-то время еще можно было разглядеть огромную фигуру шаймана, Зуриаба, который, выхватив лук, тщетно пытался поразить напавшего на Соню зверя, обхватившего голову руками Рахмата и жмущегося к скалам Хумаза, но спустя мгновение всех скрыл каменистый берег острова. По камням отчаянно прыгал, потрясая вынутым из земли копьём, маленький Заир.

Теперь летающая тварь атаковала его.

Сложив крылья, она внезапно камнем упала на остров. Казалось, чудовище неминуемо разобьется о камни, однако у самой земли она пару раз взмахнула огромными крыльями и опустилась на голову степняку. В последний миг шустрый Заир

успел отскочить, ткнув чудовище пикой. Зверюга боком плюхнулась на землю; неуклюже подобрала крыло. Одна из голов безжизненно свесилась набок. Заир что-то радостно вскрикнул, ударил еще раз. На сей раз не столь удачно, лишь разозлив и без того раненого зверя. Копье переломилось пополам и застряло где-то под ребрами летучего гада.

Мертвая, как казалось Соне, голова ожила. Чудовище раскрыло обе жуткие пасти и издало душераздирающий визг. Немудрено, что несчастный Заир заткнул уши ладонями и бросился бежать вдоль берега, между тем как мерзкая тварь, сложив крылья на спине, с необычной для летучего зверя ловкостью метнулось за ним. Споткнувшись, Заир упал, перекувырнулся через голову, и чудовищная морда лягнула зубами всего в нескольких дюймах от его ноги.

«Справится», — уверенно подумала Соня.

Все это время девушка изо всех сил плыла к острову, не приближаясь к нему ни на локоть. Течение заметно усилилось. Силы таяли. Там, куда Соню влекло с неодолимой силой, виднелся бурлящий поток. Берега стискивали озеро, превращая его в бурную реку, и более того — где-то вдалеке явственно слышался шум подземного водопада.

«Только не это!» — с ужасом подумала Соня, чувствуя, как течение норовит перевернуть ее на бок, подхватить, закружить и вынести прямо на стремнину. Она отчаянно заработала руками. На мгновение показалось, будто берущая свое начало в озере река ослабила хватку, но в тот же миг

тело пронзила безумная боль, и Соню утащило под воду.

Она едва не захлебнулась. Сведенное судорогой тело онемело. Девушку долго несло на глубину. С каждым мигom вода становилась все холоднее, все сильнее шумело в ушах. Несколько раз Соню перевернуло через голову, вода вокруг девушки танцевала какой-то неистовый танец.

Теперь это было не просто сильное течение — это был бурный водоворот, в котором вместе с Соней кружились полустгнившие ветки, колючая рыбешка, сорванные откуда-то со дна лепестки коричневых водорослей. Воду над головой Сони пронзили золотые лучи солнца, озеро было настолько прозрачным, что даже сквозь толстый слой воды девушка видела своды пещеры и серую тень летучего гада, скользящую над озерной гладью. «Еще один?» — подумала Соня. Ее в очередной раз повернуло, ударило о каменное дно и потащило по камням. На мгновение она потеряла сознание. Перед глазами промелькнул синий дракон из сна, сидящий возле костра Заир, в ушах раздавалось гнусавое бормотание шаймана. «Плохая вода. Вылезай», — отчетливо сказал прямо в голове девушки голос Айри.

Соня очнулась. Вода вокруг вспенивалась, до поверхности оставалось всего несколько локтей. Забыв о боли Соня, оттолкнулась от камней и вынырнула, жадно глотая воздух. Грохот водопада оглушил ее.

— Помогите!

Увы, помощи было ждать неоткуда, и лучше бы Соня не кричала вовсе, так как мерно плывущая над озером тень двуглавого зверя внезапно развернулась и скользнула к ней.

Это был уже другой зверь, намного больше и расчетливее первого. Размером он превосходил породистого коринфского быка, каждая из его четырех лап могла бы втоптать в землю рослого мужчину, из любого когтя на этой лапе получился бы превосходный кинжал. Но страшнее всего были две головы. Они слепо уставились на свою жертву. Приоткрытые пасти украшали желтые клыки, черные плоские носы напоминали свиные рыла размером с тарелку. Казалось просто невероятным, как столь огромное тело может с такой легкостью удерживаться в воздухе. От падения тяжеловесную тварь спасали крылья. Они походили на паруса небольшого суденышка, даже издалека Соня видела, как колышут их кожистую поверхность воздушные струи. Скорее всего, чудовище пользовалось восходящими со дна пещеры потоками воздуха — оно то скользило над самой водой, едва не касаясь озерной глади когтями, то вдруг круто забирало вверх, то снова полукругом спускалось к воде. Каждый взмах крыльев вздымал легкую волну. Каждый поворот, казалось бы, неуклюжего тела приближал охотника к его жертве.

Зверь был отвратителен, но его полет завораживал.

Течение с силой швырнуло Соню на камни. Погрузившись в воду с головой, она попыталась уце-

питься за один из выступов обеими руками, но поток тотчас оторвал ее руки и потащил девушку дальше.

Впереди отчетливо слышался шум огромного водопада.

«Взлетай», — прозвучал над ухом голос Айри. Казалось, шайман стоял совсем рядом, Соне чудилось его горячее дыхание. Слюнявые губы шаймана коснулись мочки уха: «Взлетай!» Сон наяву — Айри был далеко, и слышать его голоса Соня не могла.

Нелепый совет, как ни странно, прибавил девушке сил.

Забыв о крылатом охотнике, девушка окинула взглядом каменистый берег подземного потока и, к своей радости, шагах в пятидесяти увидела то, что могло спасти. Ее несло на большой плоский валун, на пару локтей выступающий из воды. Сквозь трещины в камне росла чахлая травка. Бурный поток разбивался о его круглые бока, вспенивался и мчал дальше, не в силах своротить преграду со своего пути. Еще мгновение — и Соню бы пронесло мимо, но, перевернувшись в воде, она каким-то чудом умудрилась добраться до валуна, прилипла к нему всем телом и...

Сердце ее замерло, ибо сразу за камнем река обрывалась и поток с головокружительной высоты летел в черную как ночь пропасть.

Перед Соней была бездна.

Позади слышался сводящий с ума тонкий свист и клекот.

Двуглавое чудовище стремительно приближалось к девушке, чуть наклонив обе головы, словно

старалось сквозь шум водопада услышать дыхание жертвы. «Оно слепо», — догадалась Соня, прижавшись к камню. Пасти твари были приоткрыты, глаза, как и у первого гада, затягивала желтоватая пленка. «Да. Оно слепо, и ориентируется на звук». Догадка девушки превратилась в уверенность. Соня отчаянно плеснула пяткой по воде возле самого края обрыва. Если чудовище услышит этот плеск и, хватая невидимую добычу, промахнется хотя бы на несколько локтей — она спасена.

«Великая Мать, пусть мне повезет!»

Соня еще раз ударила пяткой в том же месте и быстро отдернула ногу. Огромная крылатая туша вытянула лапы и, выпустив когти, бросилась на всплеск. Не в силах отпустить камень, Соня обреченно прижалась щекой к жухлой травке, даже не пытаясь хоть как-то отмахнуться от страшных лап. Когти клацнули по краю валуна, оставив на нем тонкий след. Пахнуло чем-то гнилостным, по спине девушке больно шваркнуло перепончатое крыло. Потом раздался отчаянный визг, и двуглавый монстр, не удержавшись в воздухе, рухнул в бездонную пропасть.

Чудовище промахнулось.

Некоторое время Соня лежала на камне, переводя дыхание. Вокруг бурлила вода, в воздухе носилась мелкая водяная пыль. Размеренный гул водопада то и дело прерывался странным ревом, камень под Соней начинал мелко вздрагивать, из черной пропасти с шипением вырывались облака пара.

Тело совсем заоченело — девушка не чувствовала ни рук, ни ног. Чтобы хоть как-то согреться и отдохнуть, преодолев страх, Соня вскарабкалась на валун и, сев на нем, свесила ноги в пропасть.

«Я не боюсь».

Она зачерпнула полную горсть, с наслаждением выпила. Вода оказалась горьковатой на вкус, но приятно бодрила. Справа и слева неслись безумный поток, усыпанный серой галькой берег казался совсем близким, однако нечего было и думать добраться до него вплавь.

«Может, внизу есть какой-нибудь уступ?»

Девушка осторожно склонилась над пропастью и вздрогнула: уступа не было и в помине, зато из глубин водопада, тяжело взмахивая огромными крыльями, поднималась серая двухголовая туша.

Подъем давался летающему гаду нелегко. Два-три взмаха перепончатых крыльев, и он словно повисал в воздухе, ловя каждое дуновение ветра. Крылья вибрировали, обе головы вытянулись — одна чуть вправо, другая влево — и покачивались вверх-вниз. Было видно, как напряжены мышцы на спине зверя. Длинная шерсть на загривке промокла насквозь. Тяжелый взмах, отчаянные попытки удержать набранную высоту, снова взмах... Хотя и медленно, но зверь поднимался все выше и выше. Он уже чувствовал присутствие человека, во всяком случае пару раз задира голову и то ли свистел, то ли шипел, вызывая у девушки странное сосание под ложечкой и желание бро-

ситься в пропасть. «Сюда бы Тахата», — с внезапной злостью подумала она, когда расстояние между ней и зверем сократилось до высоты человеческого роста.

Соня представила, как метался бы на камне покоритель гор, как напрочь забыл бы о сокровищах Хайруда, о собственном величии и навсегда отучился слушать столь улаждающие его «божественный» слух сказки.

К сожалению, Тахат был далеко, а чудовище близко. Слишком близко. Соня уже чувствовала его запах. Одна из голов внезапно потянулась к девушке и лягнула клыками на расстояние вытянутой руки от ее ступни. Соня отдернула ногу, едва не свалившись в пропасть. Летучий гад зашипел. Попытка ухватить добычу отбросила его вниз на пару десятков локтей. Он отчаянно замал крыльями. Сверху перепончатые крылья-паруса казались еще более широкими и могучими, чем тогда, когда чудовище летело над водой. «Великое Небо! Какие они огромные! Если они выдерживают зверя размером с коринфского быка, то неужели не выдержат и меня?» — подумала девушка. «Лети!» — вдруг вспомнила она звучащий в голове голос Айри. Может, это не так уж глупо? Она посмотрела по сторонам — нет, до берега не доплыть, а другого способа покинуть камень и выбраться из реки не было. Сощурившись, Соня прикинула разделяющее ее и двухголового зверя расстояние. Один длинный прыжок. Если приземлиться на спину, то можно ухватиться за спутанную шерсть на загривке. Самое страшное — две голо-

вы. Но они слишком неповоротливы и вряд ли сумеют ухватить обнаглевшую добычу на собственной спине.

— И-и-эх!

Соня изо всех сил оттолкнулась от камня и, широко раскинув руки, прыгнула вниз.

Прыжок был точен. Упав на спину зверю, девушка покатила было на расправленное крыло, но, вцепившись в жесткие волосы зверя, подтянулась и ловко оседлала широкую мокрую спину. Почти тотчас наездница почувствовала странную легкость во всем теле. Руки и ноги девушки стали невесомыми — лишь мгновение спустя она поняла, что чудовище по наклонной скользит вниз, дико шипя и бесполезно молотя крыльями воздух. Мимо промелькнули водяные струи, Соню обдало холодными брызгами. Потом зверя потащило куда-то вбок, он едва не ударился крылом о стену пещеры, которая, как и водопад, уходила в черную бездну. Еще несколько десятков локтей падения — и вокруг стало совсем темно. Сбросить наездницу летающий гад не пытался — ему явно было не того. Вскоре потемнело настолько, что даже со своим кошачьим зрением девушка не видела ни зги. Зато тварь в темноте явно почувствовала себя увереннее. Она перестала шипеть и замахала крыльями уже не столь беспорядочно, как прежде. Здесь в глубине водопада было значительно теплей, воздух наполняли горячие пары. Грохот стоял такой, что закладывало уши. Огромное тело под Рыжей Соней напрягло, и зверь начал утомительный подъем наверх.

* * *

— Очнись! — Кто-то тронул девушку за плечо. Она вздрогнула, с трудом разлепила слезящиеся глаза.

— Заир?

— Да, госпожа Соня. Заир сын Мехмета. Госпожа хочет есть?

— Что это было?

Ничего не понимая, девушка огляделась вокруг.

Каменистый берег, бурлящая река, сидящий рядом Заир. Чуть поодаль кидают кости Рахмат с Мамметом, спит на камнях жирный шайман Айри. Он устал. Она тоже устала. А где Зуриаб?

Воин сидел на корточках и что-то мастерил, сосредоточенно покусывая обветренные губы. В руках — кинжал, под рукой на камнях — что-то черное, кожистое, очень напоминающее крыло летучего гада, которого девушка видела во сне. Соня прикрыла глаза, стиснула зубы. Она снова сидела на спине двуглавого чудовища, зверь летел над озером, его огромные головы силились повернуться и ухватить наездницу за ногу, но шея чудовища была слишком толстой, зверь клацал клыками и был в бессильной злобе. Внизу голубело озеро. Соня видела остров, высохшее дерево, на мгновение промелькнул вход в пещеру: Зуриаб изо всех сил натягивает тетиву лука, а шайман Айри, обхватив голову руками, издает столь мерзостные человеческому уху звуки, что их не в силах заглушить ни шум ветра, ни хлопанье огромных крыльев, ни злобное шипение оседланного зверя.

— Госпожа...

— Это был сон? — не открывая глаз, спросила девушка.

— Прости, госпожа. Я не в силах видеть твои сны. И не дай мне Великое Небо увидеть. Айри говорит, что Демон Сновидений насылает сны на путников и они сходят с ума, не в силах совладать со своим ужасом. Было что-то страшное, госпожа?

— Мне снилось, что я лечу на крылатом чудовище, Заир. Скажи, отчего так шумит в ушах?

— Это водопад, госпожа. Я пригнал лодку, и мы перебрались через озеро. Почему ты решила, что это был сон, госпожа? Да, ты летела на летучем гаде, а он старался сбросить тебя со спины. Ты помнишь?

— Нет. Но я помню, как я прыгнула ему на спину.

— Это уже хорошо. Айри предупредил, что ты много не вспомнишь. Он сказал, что когда силы одного вливаются в тело другого...

— Чьи это силы? — открыв глаза и сев на камнях, с подозрением спросила Соня.

— Айри сказал — его.

— Айри из четырех дверей выбирает три, и все они оказываются запертыми, — сказала девушка, — с помощью своей магии этот старый дурак не обыграет меня даже в кости. Ты хочешь сказать, что спасением я обязана ему?

— И себе, госпожа. Я своими глазами видел, как ты свернула шею одной из этих мерзких голов, а потом, ухватившись за клыки, разорвала глотку

второй. Такое не сотворил бы даже великий Конан. А уж он-то знал толк в гадах. Старая легенда гласит...

— Оставь, Заир,— отмахнулась девушка,— старые легенды я знаю не хуже тебя. Расскажи лучше, что было после того, как я разорвала его пасть. Он упал?

— Не сразу,— сказал, почесывая спину, Заир,— он оказался очень живучим и долго махал крыльями. Так что он вовсе не упал, а сел прямехонько на наш уступ.

— Вот как?

— Госпожа думает, что я вру?

— Госпожа думает, что мертвые гады не летают.

— Но он вовсе не был мертв, когда сел,— возмутился Заир,— Зуриабу пришлось трижды проткнуть его мечом, прежде чем он испустил дух.

— Но почему он не полетел в другое место?

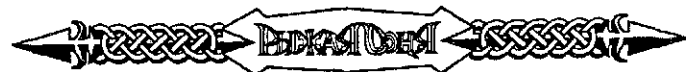
— Айри разговаривал с ним на его языке,— не очень уверенно сказал Заир,— вот так.

Он издал странный шипящий звук.

Соня улыбнулась:

— Похоже. Но не очень.

— Айри разговаривал лучше. Он долго звал его. И когда лапы чудовища коснулись камней, бедняга повалился как подкошенный. Он очень устал, потому что все свои силы отдал тебе. С тех пор он не просыпался. Но перед сном успел сказать, чтобы мы отрезали крылья. Без них, говорил он, мы не преодолеем водопад. Я съездил на остров и отрезал крылья у второго,— с некоторой гордостью сказал Заир.

— Я помню, что тебе пришлось нелегко,— сказала Соня.

— Не то слово, госпожа,— усмехнулся маленький воин,— я бегал от летучего гада, как трусливый сайгак.

— Я помню, ты воткнул в него копье.

— Он истекал кровью, но никак не хотел умирать. Я забрался на дерево, мерзкая тварь долго пыталась взлететь и издохла, едва оторвалась от земли...

Соня проснулась оттого, что рядом кто-то громко ругался, поминал Сета, призывал в свидетели Великое Небо и грозился разбудить госпожу, потому что она справедлива и поймет, что невозможно выиграть столько раз не мухляя, а раз так, то обманщик Маммет будет наказан, и наказан жестоко.

— Ты хочешь обмануть мою удачу,— визжал уличенный в мошенничестве игрок.— Я бросал кубик восемь раз, ты видел мои руки, ты видел, как кости катились по камням. Чем же я виноват, что священная шестерка выпала семь раз подряд?

— А не ты ли отдал свою лепешку шайману, не ты ли шептался с ним у водопада, не ты ли всякий раз, кидая кости, нашептывал про какую-то «коябуку»?

— Коябуку? — взвизгнул Маммет,— я призывал удачу, но никто не запрещал тебе, порождение ослицы, тоже молить богов об удаче. Я не виноват, что имя Великого Неба слишком велико для твоих ослиных ушей!

— Айри! — громко крикнул обиженный игрок.
— Чего тебе, Рахмат? — сонно откликнулся шайман.

— Зачем ты помогаешь Маммету выигрывать в кости?

— Я? — В голосе шаймана звучало искреннее удивление.

— Из-за тебя я проиграл не только свою долю, но и долю Халлета, — недовольно сказал Рахмат.

— Возьми долю Хумаза, — лениво сказал Айри.

— Но Хумаз жив.

— Не уверен, — сказал Айри, — кстати, где он?

— Сидит у водопада и считает брызги.

— Да? А мне показалось, он боится воды, — проворчал шайман, — Заир едва затащил его в лодку.

— Это верно, — сказал Рахмат, — но всю ночь и все утро он слушает шум водопада. Он совсем не спал, и что-то я не видел, как он ест, хотя его жирное тело не прокормить и дюжиной лепешек. Эй, Хумаз! — громко крикнул степняк.

— Не зови. Самое время заработать его долю, — буркнул шайман, — достаточно лишь подтолкнуть его в спину.

«Пора вставать, — подумала девушка, — этак они договорятся до того, что скинут в водопад и меня».

Поднявшись с камней, Соня сладко потянулась, ощущая приятную свежесть во всем теле. Неужели она и в самом деле разорвала пасть летучего гада? Голыми руками? Мысль о победе над огромным зверем была приятна, тем более что доказательством победы служили перепончатые крылья:

три крыла лежали на камнях перед спорщиками, четвертое приподнял с земли и задумчиво разглядывал Зуриаб.

— Чем это ты занят? — подойдя к воину, спросила Соня.

— Боюсь, оно не совсем подойдет для полета, — проворчал степняк, — посмотри, как истерлась кожа. Я прошил ремни для рук тройной ниткой, но ее вырвет первым же порывом ветра.

— Не вырвет, — взяв из рук Зуриаба конец крыла, уверенно сказала Соня, — вы все сошли с ума. Во-первых, откуда в пещере ветер? А во-вторых, человек не может летать. Мы спустимся вниз не на крыльях, а на веревке, — сказала девушка.

— Если мы вернемся, то полет на крыльях двуглавого станет легендой, — поглядев на девушку, сказал Зуриаб, — я первым расскажу о нем. Ты будешь не менее известной, чем легендарный Кулл. И даже Конан.

— И тем не менее я не собираюсь никуда лететь. — Соня просунула руку в ремни, — я даже не могу поднять это дурацкое крыло. Гляди. — Девушка махнула крылом летающего гада, и к ее удивлению, оно оказалось не тяжелее ее собственного кинжала. Поймав легкий поток воздуха, крыло рвануло девушку к реке. Зуриаб торопливо ухватил девушку за плечо:

— Вот видишь. Они сами понесут тебя. А веревку можно перерезать. Айри сказал, раз в пещере есть лодка, значит, могут появиться и люди. Люди здешних мест вряд ли станут помогать тем, кто намерен ограбить Храм Сновидений. Айри по-

говорит с крыльями, и они станут послушными, как память. Они не вспомнят о плохом и украсят хорошее. Я думаю, шайман прав.

— А ты не думаешь, что могут снова появиться двуглавые?

— Сражаться с ними, болтаясь на веревке, будет трудней,— убежденно сказал Зуриаб.

Глава пятая

Великое Небо, помоги! Ей что-то говорили, но шум водопада заглушал слова, а сердце билось настолько сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Прыгнуть на спину летающему чудовищу, когда от этого зависит твоя жизнь,— это одно. Довольно шагнуть в пропасть — совсем иное.

Соня уже опробовала крылья над озером. Она с трудом оторвалась от камней и пролетела с добрую сотню шагов, отчаянно махая руками. Крылья не слушались, летели, куда им захочется, и чуть было не утащили девушку под самые своды в пещеры. Попытка спланировать вниз закончилась холодным купанием. Хорошо еще снова не поволокло к водопаду. Когда девушка вылезла из воды, наблюдавшее полет воинство выглядело хмурым. Ожидали совсем другого.

— Я не полечу! — уверенно заявил Маммет, и только напоминание о том, что его доля сокровищ будет поделена между теми, кто не испугается и полетит, заставило трусливого воина при-

мерить крылья и даже дважды махнуть ими. От земли Маммет так и не оторвался, зато умудрился съездить крылом по голове шаймана. Айри разразился проклятиями.

Третьим примерял крылья Зуриаб. Было видно, что он сильно волнуется, а мысль о том, что он может летать, радует его, как ребенка. Улыбка не сходила с обветренного лица степняка. Не сошла даже после купания в озере.

— Ничего,— заявил, выбравшись из воды, Зуриаб,— я почти полетел. Даже без Айри.

Лучше всех получилось у маленького Заира. Он без труда взлетел, поднялся на пару десятков локтей вверх, вихрем пронесся над головой Сони и умудрился сесть на самом краю водопада.

Решено было, что первыми, как самые легкие, спустятся вниз Соня с Заиром. Потом им сбросят веревку, и они привяжут крылья к ней. Вторую пару составят Маммет и Хумаз. Последними спустятся вниз шайман с Зуриабом.

— А тот, кто хочет, может лезть и по веревке,— покосившись на Маммета, проворчал шайман. Маммет радостно кивнул.

— Умрет,— наклонившись к девушке, шепнул Айри.

— Почему? — Соня с удивлением посмотрела на шаймана.

— Он выбрал легкий путь,— не счел нужным вдаваться в объяснения толстяк.

Теперь он сидел на камне и что-то бормотал себе под нос, очевидно упрямая крылья стать

верными помощниками и не сбрасывать путников, как норовистая лошадь скидывает своих седоков. «Будем надеяться, что у него получится»,— подумала Соня, глядя в темную бездну водопада. За спиной у нее был походный мешок, к поясу она приладила два факела, которые предстояло зажечь уже внизу. Спускаться при свете факелов было бы куда спокойнее, но горящий факел мог запросто подпалить крылья, поэтому и она, и Заир решили не рисковать.

— Я вижу в темноте не хуже кошки,— сказал маленький степняк.

— Я буду внизу первой,— ответила ему на это девушка.

— Может быть, послать вперед Маммета? — спросил Зуриаб,— он все равно собрался лезть по веревке.

— Он потеряет наши факелы раньше, чем доберется до середины пути,— сказала Соня, промолчав о предупреждении шаймана в том, что спустившийся по веревке непременно умрет. Во-первых, Айри уже не раз ошибался, и во-вторых, зачем пугать и без того напуганного степняка? «Не умрет от руки врага, так умрет от страха. И крылья не помогут»,— подумала девушка.

Зажатый в правой руке кинжал приятно холодил ладонь. Случись что, в полете воспользоваться оружием было бы нелегко.

Соня плохо представляла, как можно наносить удары, махая крылом. Но кинжал придавал уверенности в себе.

Спускаться предстояло в крошечную тьму.

Заир первым взмыл в воздух и плавно, кругами пошел вниз. Свой лук он прихватил с собой, приладив поверх крыльев на спине. Соня бы тоже не отказалась от лука, но из стойбища Тахата она унесла только кинжал. Оступив от водопада на десяток шагов, девушка как следует разбежалась, и, почувствовав, что крылья цепко ухватились за воздух, шагнула в пропасть.

Айри не обманул. Крылья и вправду стали намного послушнее. Они уже не тянули куда-то в сторону, не тащили безо всякой нужды вверх, не подламывались, когда, чуть согнув руки в локтях, Соня, как птица, парила над черной бездной и, следуя примеру Заира, описывала широкие круги, то приближаясь к гремящему водопаду, то удаляясь к отвесным скалам. Чем ниже спускалась Соня, тем шире раздвигались каменные своды пещеры, подобно куполу храма Неба, в котором Соне доводилось бывать в пору ее жизни в Велитриуме. «Может быть, эта странная пещера и есть тот храм, который охраняет Демон Сновидений?» — подумала девушка, однако тут же усомнилась в этом. Нет, слишком легко проникла она сюда, вряд ли Демон делится своими тайнами с первым встречным.

Вскоре стало совсем темно. Заир исчез из виду, серая стена водопада почти слилась с каменными сводами. Чтобы не столкнуться с летящим воином и не врезаться в скалы, Соня замедлила движение. Еще несколько плавных кругов, и она полностью растворилась во мраке. Не было каменных стен,

не было водопада, лишь над головой тускло поблескивал золотистый ночник пещеры, где остался ее маленький отряд. Внезапно Соню обдало ледяными брызгами, одно из крыльев резко подалось вниз, еще немного, и струи воды увлекли бы девушку за собой. «Осторожнее», — сказала она сама себе, до рези в глазах вглядываясь в темноту. Откуда-то снизу поднимался теплый воздух. Подхватив крылья, он потащил Соню вверх. Пришлось почти полностью сложить их, рискуя сорваться и рухнуть на дно.

К счастью, кошачьи глаза девушки быстро привыкали к темноте. Мрак рассеялся, проступили неясные очертания каменных стен. Ничего не изменилось. Только еще шире раздвинулись стены нижней пещеры, еще яростней бушевала на редких уступах низвергающаяся в бездну вода. Казалось, пещера вообще не имеет дна. «Веревки не хватит, — подумала Соня, — даже если все их связать в одну».

Она уже не испытывала прежней радости от полета и постепенно стала уставать. Заколело под лопаткой, едва не свело судорогой плечо. Хотелось вновь ощутить под ногами твердую почву. Зрение окончательно вернулось к Соне, теперь девушке не мешал мрак пещеры — она, как кошка, видела малейшую трещинку в скалах, видела огромные колонии летучих мышей, видела, как дробится, разбиваясь о скалы, вода. Внизу мелькнул темный силуэт огромной птицы. Сердце вздрогнуло. В какой-то момент Соне показалось, что ей снова предстоит встреча с двухголовым.

Чуть позже девушка сообразила, кто это. Заир. Темный силуэт кружил по пещере гораздо быстрее, чем Соня. Маленький воин спешил спуститься вниз первым.

— О-го-го-го! — не удержавшись, озорно закричала девушка.

Как ни шумел водопад, Заир услышал, поднял вверх голову. Что-то крикнул в ответ, но тут же странно дернулся и вместо плавного скольжения вниз вдруг отчаянно замахал крыльями.

«Что это он?» — подумала девушка.

Над головой что-то звонко теньнуло, и в крыло вонзилась тонкая стрела.

Глава шестая

Она не успела заметить, откуда и кто стрелял, но вместо того, чтобы беспорядочно махать крыльями, сложила их и камнем полетела вниз. Как бы там ни было, стрелявший явно не ожидал этого маневра. Вторая и третья стрелы прошли высоко над головой Сони, даже не задев крыльев. Четвертая скользнула по плечу. Пятая прошуршала оперением по рыжим волосам.

Соня падала, в ушах свистел ветер. Мимо промелькнуло испуганное лицо Заира.

— Падай! — крикнула она на лету, но еще прежде Заир и сам сообразил, каков единственный способ уцелеть.

Мгновенье спустя оба они барахтались в теплой воде, окутанные белыми клубами пара — дно пещеры оказалось куда ближе, чем можно было предположить. Вместо камней горячее озеро, вбирающее в себя ледяные струи водопада. Повезло.

Соня вынырнула первой. Плечи болели. Даже сложенные крылья едва не оторвали ей руки. Она

торопливо огляделась — Заиру могло повезти куда меньше. Голова маленького воина показалась из воды локтях в десяти от девушки. Еще под водой маленький воин успел освободить руки и теперь торопливо поплыл куда-то в сторону, надеясь отыскать берег.

— Я здесь! — перекрывая шум водопада, закричала Соня.

— Госпожа? — Заир услышал, повернул взлохмаченную голову.

Слава великому Небу, что водяные пары скрывали их от неведомых стрелков, а шум водопада заглушал их крики!

— Сюда! — крикнула Соня.

— Госпожа ранена?

— Нет. А ты?

— Заир зол, — громко сказал, подплыв к девушке, воин, — Заир видел, но не успел предупредить.

— Что ты видел?

— Немного, госпожа, — коротко сказал Заир. — Сквозь камень проросли луки, и каменные пальцы начали натягивать тетиву. Я был совсем рядом и успел ударить ногой. Камень был живой, госпожа!

— Камень?!

— Он выпустил лук и схватился за живот. Он даже что-то вскрикнул, но я клянусь, передо мной никого не было. Я видел только камень. Каменные пальцы и натянутую тетиву.

— Вот почему Айри не хотел, чтобы мы спустились по веревке, — задумчиво сказала Соня, наконец нащупав пяткой каменистое дно.

— Хорошая мишень, — согласился с ней маленький воин, и лицо его приняло озабоченное выражение, — я не знаю, кто это, но...

Он не договорил.

Сразу добрый десяток стрел пронзил воду. Степняк побледнел:

— Нырять, госпожа! — испуганно крикнул он и первым сиганул под воду. Соня чуть запоздала. Еще несколько стрел легли точнехонько туда, где скрылась голова Заира, только потом девушка нырнула следом. Уже под водой Соня почувствовала как острое жало стрелы царапнуло спину. Чьи-то пальцы коснулись ее плеча. Она испуганно отшатнулась в сторону, широко загребая руками, заплыла глубже. Вода на дне озерца была настолько горячей, что обжигала кожу. Испугавшись, девушка рванулась к поверхности. Заир уже вынырнул и жадно вдыхал перенасыщенный влагой воздух.

— Они стреляли наугад, — заметив Соню, тяжело дыша, сказал степняк. — Теперь спустятся посмотреть.

— У тебя есть лук, — сказала девушка, — но я вижу лучше тебя. Отдай его мне.

— Возьми, госпожа. — Маленький воин встал на камень и теперь стоял по пояс в воде. Он снял со спины лук и колчан со стрелами, протянул их Соне: — Их десять, можешь не считать, — сказал он заметив, как скользнул по оперению стрел ее взгляд.

— Не густо.

— Нам надо вернуть крылья и предупредить, — сказал Заир, — где-то должна быть веревка. Пойду смотреть.

Конец веревки они нашли на краю водопада. Вода здесь не падала, а стекала по пологому склону в озерцо. Вербка лежала на камнях. Чтобы она дотянулась до конца пропасти, кто-то для верности разорвал свою рубаху, и теперь связанные между собой лоскутья полоскались в воде.

Пока Заир тщательно приматывал крылья, Соня вглядывалась в скрытые водяными парами каменные склоны пещеры. Заир говорил, что луки росли прямо из стен; что ж, она будет стрелять в стены, в каменные пальцы, и горе тому, кто встанет на ее пути.

— Готово, я оставил в твоём крыле стрелу. Айри поймет. — Заир подергал конец веревки, давая знать, что ее можно вытягивать назад. Подергав нахмурился: — Кто-то лезет, госпожа. Его убьют. Надо отойти. Будет падать. Мертвый. — Маленький воин потянул девушку за мокрый рукав.

Он оказался прав.

Спускавшийся по веревке Маммет рухнул на камни, в двух шагах от Сони. Спина несчастного была густо облеплена стрелами. Перевернув его на живот, девушка увидела еще пару торчащих в животе. После падения от лица Маммета остался сплошной кровавый синяк. Голова раскололась, как орех. Жалеть трусливого степняка она не стала, зато обрадовалась, увидев упавший рядом лук и колчан со стрелами. Теперь у них было два лука, а стрел хватило бы на то, чтобы сразиться с аквилонской полусотней.

— Теперь пора. — Заир снова подергал веревку. В ответ веревка рванулась из его рук — раз,

другой, — и привязанные к ней крылья плавно пошли вверх.

— Они поняли, — прошептал маленький воин.

— Тсс! — Соня приложила палец к губам. Привыкшее к размеренному шуму воды ухо уловило новый непривычный звук. За пеленой белесого тумана, на той стороне озерца. Всплеск? Будто камушек выскользнул из-под чьей-то ноги...

— Я слышу, — вскидывая лук, прошептала Заир, — госпожа стреляет на слух?

— Не надо. Жди. — Соня положила лук на камни и, зажав в кулаке кинжал, бесшумно нырнула в озерцо. Тот, кто спускался вниз, не слишком осторожничал. Был уверен, что стрелы попали в цель? Проплыв с полсотни локтей под водой, девушка нащупала руками мокрую скалу. Стараясь не всплеснуть, высунулась из воды. Никого. Только черные камни и белые испарения, скрывшие от нее не только Заира, но и гремящий на той стороне озерца водопад. «Послышалось?» Соня моргнула — внезапно ей показалось, будто скала локтях в десяти от нее шевельнулась, и небольшой каменный выступ, будто живой, переместился на пару локтей левее. «Похоже, Заир не ошибся, — подумала девушка, — камни тут и в самом деле живые».

Выступ снова шевельнулся, спустившись вниз, к самому озерцу. Чуть выше и чуть левее появился еще один, а мгновение спустя девушка заметила и третий, который был прямо над ее головой. Великое Небо! Творилось что-то невообразимое: скалы на глазах оживали, сквозь пеле-

ну тумана и однообразие камня сначала нечетко, а потом все отчетливее начали проступать тела воинов, которые, словно ящерицы, скользили по отвесным сводам пещеры. На них не было никакой одежды, только узкие набедренные повязки. Худые, жилистые тела прилипали к скалам. За спиной у каждого висел раскрашенный под цвет скал маленький арбалет. Кожа воинов, как показалось девушке, тоже была выкрашена. Но когда воины как по команде спустились на несколько локтей вниз и снова замерли, превратившись в камни, девушка поняла, что дело вовсе не в раскраске.

Они меняли цвет, подобно дарфарским ящерам, — на камнях их кожу было невозможно отличить от камней, на земле — от земли, а в воде...

Едва первый из воинов ступил ногой в озерцо, ступня его растворилась, словно ее и не было вовсе. Сначала исчезли ноги, потом воин исчез по пояс, потом над темной поверхностью озерца осталась одна стриженная наголо голова. Если бы не узкие щелочки глаз, она походила бы на торчащий из воды камень.

Точно так же растворился в темной воде и второй.

Третий указал длинной рукой на плавающую в озерце стрелу.

— Хайто, — на незнакомом языке прошептал он, — иллено таа.

Он скинул с плеча арбалет. Вставил стрелу. Теперь Соня окончательно поняла, что имел в виду Заир, когда говорил о растущих из скал руках и

арбалетах. Воин не шевелился, и ни один самый острый глаз не отличил бы его от камня. Но арбалет был виден. И стрела, которую воин намеревался послать как раз туда, где Соня оставила Заира. «Убьет», — мелькнуло в голове девушки. Еще прежде, чем воин-хамелеон успел спустить стрелу, Соня метнула кинжал.

— Кхе, — сдавленно кашлянул камень и, отделившись от скал, упал в воду. Раздался громкий всплеск. Мертвое тело воина уже не меняло цвета, «обломок скалы» перевернуло течением и понесло на середину озерца.

Без оружия, одна среди доброго десятка врагов, краем глаза Соня заметила, как к ней метнулось пятнистое тело. Воин-хамелеон атаковал вниз головой. Девушка успела отклонить нацеленный ей в живот короткий клинок, перехватила холодную жилистую руку и вывернула ее изо всех сил. Воин вскрикнул, но оружия не выпустил. Другой рукой невесть как он цепко держался за скалу, оторвать его от камня и утащить его под воду Соня не смогла. Более того, она вдруг почувствовала, как неведомая сила влечет ее вверх. Еще мгновение, и девушку почти вытащили из воды. Скала сбоку зашевелилась — второй воин так же висел вниз головой. Уже в воздухе, Соня ногой выбила короткий меч из его руки...

— Заир!

Цепкие пальцы обвилились вокруг шеи. Соня рванулась изо всех сил, лягнула упругое, как мяч, тело, свободной рукой наугад нащупала лицо нападавшего, ткнула пальцем во что-то мягкое. Раздался

сдавленный стон, на мгновение хватка ослабла. По руке потекла горячая жидкость.

Кровь?

Ее снова потащили наверх.

— Заир!

Крик не получился.

Но тот, кто тащил девушку, ни с того ни с сего отпустил ее.

Она упала в воду одновременно с раненым. Стрела, пущенная Заиром, попала в плечо воину. Барахтаясь в воде, он силился вытащить наконецник. Заметив направленный на себя арбалет, Соня прикрылась его телом как щитом. Раненый вскрикнул и затих — пущенная в Соню стрела летела с такой силой, что пробила его грудь и вышла из-под лопатки, царапнув девушку по руке: «А если она отравленная?» — подумала Соня. Раздался еще один крик, и еще одно тело, сорвавшись со скалы, рухнуло в озеро. Стрелявшего в Соню «хамелеона» Заир уложил наповал.

Трое было убито, но Соня видела пятерых, неизвестно сколько еще прятались в скалах, не шевелясь и выжидая удобного момента для нападения. «Нужно вернуть кинжал». Соня нырнула, уже под водой вспомнила, что два «хамелеона» находятся в воде, но это заставило ее лишь сильнее работать руками. Подплыв к убитому ею пещерному воину, Соня потянулась было за торчащим из его горла кинжалом, как вдруг почувствовала рядом легкое движение воды и торопливо отпрянула в сторону. Это спасло ей жизнь. Нож «хамелеона» лишь царапнул по бедру.

«Глупая. Могла бы догадаться, что ждать будут именно здесь». «Оба? Или только один?» — мелькнуло в голове Сони. Изогнувшись в воде, девушка краем глаза заметила почти сливающееся с водой тело и ударила пяткой, целя в голову. Попала, но все-таки нападавших было двое, второй лишь замешкался с ударом, что-то тяжелое стукнуло девушку по затылку, и она провалилась в забвенье.

* * *

Ох как больно!

Соня попыталась пошевелиться, но тело не слушалось, прочно спеленатое веревками. Для верности веревки были обмазаны клейкой массой с запахом, достойным сточных канав Шадизара. Рядом, осыпая девушку брызгами, шумел водопад, над головой пробивался тусклый золотистый свет, далеко внизу, в крошечной мгле, скрывалось от любопытных глаз теплое озеро.

Сбоку что-то шумно сопело, плевалось и поминало Сета. Девушка не без труда повернула голову. Локтях в пяти от нее висел темный бесформенный куль. Так же как и девушка, он чудом удерживался на отвесной скале, только веревки для такого огромного тела понадобилось куда больше. Над кулем виднелась кудлатая голова, и, судя по изощренным ругательствам, которые изрыгала эта голова, ее хозяином был не кто иной, как шайман Айри.

— Пещерное отродье! — заявила голова, увидев, что девушка смотрит на нее. — Ты жива?

— Не уверена,— сказала девушка. Она и в самом деле не чувствовала ни рук, ни ног. Говорить было трудно.— Где остальные, Айри?

— Остальные? — проворчал шайман.— Сдается мне, что мешок справа от меня когда-то был Рахматом. А еще правее я слышал голос Заира. Но это было давно, и, возможно, его уже нет в живых. Поверни голову. Рядом с тобой кто-нибудь висит?

Рядом с Соней висел Зуриаб. Ему здорово досталось — голова его бессильно свешивалась набок, лицо заливала кровь. Во рту воина торчала распорка из светлого дерева. Видимо, для того, чтобы распорку невозможно было вытолкнуть языком, ее для верности притянули веревкой. «Странно, что «хамелеоны» не заткнули глотку Айри», — подумала Соня, прислушиваясь к очередному витиеватому ругательству шаймана.

Зуриаб застонал. Повернул голову. Увидев девушку, рванулся всем телом.

— Тише,— сказала Соня,— если ты меня слышишь, кивни.

Зуриаб кивнул.

— Я вижу, за тобой кто-то еще. Хумаз?

Еще один кивок.

— Все живы,— девушка повернулась к шайману,— даже Хумаз.

— Хумаз? — проворчал Айри.— Боюсь, что тут радоваться нечему. Голова болит,— пожаловался он.

— Как вы попались? — спросила девушка.

— Как и вы,— проворчал шайман,— спустились вниз, Сетовы дети посыпались со стен, как перелетный горох. По-моему, они были очень злы...

— Они охраняют Храм Сновидений?

— Вряд ли. Они даже не слышали о Храме. У них необычное наречие, но я немного понимаю. Кажется, мы убили их священное животное Маhti.

— Двухголового?

— Они называют его Маhti. Он живет запертый в клетке, но раз в год его выпускают на волю, чтобы он утолил свою страсть. В общем, ты убила Маhti, а Заир...

— Его двухглавую возлюбленную,— прервала шаймана девушка,— а не слышал ли ты, что делают с тем, кто убил этого самого Маhti?

— Тут что-то запутано,— буркнул Айри.— Но с тобой обращались очень бережно, смазывали твои раны каким-то снадобьем, а один из воинов лизнул твою пятку.

— Брр! — поморщилась девушка.

— Это еще не все,— усмехнулся шайман,— потом они принесли ребенка и приложили к твоей груди. Ребенок засмеялся. Одна из этих ящериц показала на тебя пальцем и сказала: «Хуам ан ни». Очень радостно сказала.

— Да? И что это значит?

— Не знаю,— честно признался Айри,— дети чувствуют злых духов, но в тебе их нет. Ящерицы выглядели крайне довольными. По-моему, ты им нравишься. Вот только не знаю, в каком смысле. Каннибалы Дарфара, перед тем, как отведать свою жертву, приводят к ней самых красивых женщин. Или мужчин,— покосившись на Соню добавил не в меру разговорившийся шайман.— Считается,

что великая страсть делает мясо особенно нежным...

— Великое Небо! Ты хочешь сказать, что нас могут съесть?

— Сны Айри молчат об этом,— хмуро сказал шайман,— но ребенка подносили к каждому. Не съедят разве что Хумаза. Старшая ящерица сказала, что в тело Хумаза вселился демон. Я давно подозревал это. Их детеныш орал от страха и бился в истерике так долго, что в конце концов его натерли чем-то жутко вонючим и сбросили в водопад.

— Зачем? — в ужасе спросила девушка.

— На всякий случай,— видимо устав от разговора, коротко пояснил шайман.

Мгновение спустя он уже храпел, постанывая и бормоча во сне заунывные заклинания.

— Аграпурцы — хуже верблюда,— сонно сказал напоследок Айри,— их лепешки воняют тиной, а сушеное мясо...

Даже во сне шайман мечтал о еде.

Ящерицы, как называл их Айри, вернулись к водопаду лишь под вечер, когда золотистый свет верхней пещеры потух и вокруг воцарилась мгла. Соня проснулась от боли в спине, а также странных звуков, которые доносились откуда-то сверху. Слух девушки уже успел привыкнуть к шуму падающей воды и теперь легко различил бы даже шепот. Но сейчас никто не шептался. Десятки рук однообразно били в какое-то подобие барабанов, а чей-то неприятный резкий голос выкрикивал непонятные слова:

— Тома тхун! Тома тхун!

Подергавшись в своих путах и в очередной раз убедившись, что выбраться из них невозможно, девушка тихо позвала своих путников.

Айри спал и просыпаться не собирался. Зуриаб по-прежнему висел с деревянной распоркой во рту. Хумаз подозрительно не подавал признаков жизни. Откликнулся лишь Заир:

— Госпожа?

— Ты слышишь? — спросила девушка.

— Госпожа может не беспокоиться. Я слышу.

Шум барабанов усилился. Но крик внезапно смолк, и почти тотчас раздался сдавленный стон Хумаза.

— Тома тхун,— медленно нараспев повторил уже совсем другой голос, и барабаны смолкли.

— Что они говорят? — спросила у Заира Соня.

— Не знаю. В одном из гирканских наречий так называют степного волка. Но я сомневаюсь, чтобы здесь могли говорить о волках.

— Я тоже,— сонно буркнул Айри. Как выяснилось, шум барабанов разбудил и шаймана,— тем более что так называют не волка, а ветер, который, подобно волку, выслеживает путников, а выследив разрывает их тела на части. Проще говоря, речь идет о демоне. Он вселился в кого-то из нас, и его желательно убить. Я думаю так.

— Он думает,— подал голос висящий за шайманом Заир,— не слушай его, госпожа. Он лгал еще в степи. Я сам видел, как вчера ночью он пытался перерезать горло Хумаза, и только Зуриаб остановил убийство. В его мешке лежит целая ба-

ранья лопатка. Он украл еще в ущелье. Ты думаешь, он поделится с нами? А что ему стоило увидеть во сне пещерное отродье? Мы бы не попались так глупо. Ты сама слышала: в своих снах он только и делает, что жрет!

— Я? — обиженно сказал Айри.

— Ты, ты, — проворчал Заир, — вчера ночью, госпожа, он обсуждал рецепт приготовления птейонской дыни. Толстый боров трижды повторил, что птейонская дыня без перца — все равно что нос без насморка, а потом требовал, чтобы какой-то Муххараб принес бочонок вина.

— А сегодня ругал аграпурские лепешки, — усмехнулась Соня, — Айри, ты не увидел в своих снах, как нам выбраться отсюда?

— Нет, — хмуро сказал шайман, хотел было прибавить что-то еще, но осекся на полуслове...

— Тома хун! — воскликнули совсем рядом. Снова забили барабаны.

— М-м-м, — отчаянно замычал кто-то в ответ.

Обернувшись, девушка увидела, что одна из ящериц висит вниз головой над Зуриабом и неведь за чем копается во рту несчастного воина. Зуриаб изо всех сил мотал головой, пытаясь укунить ненавистные пальцы. «Ага, теперь понятно, за чем бедняги вставили в глотку эту палку», — подумала девушка.

— Кора тхе! — сказала между тем ящерица и посмотрела на Соню.

— Говорит: хорошие зубы, — зевая, перевел шайман.

— Зубы?

— Кора тхе! — Длинный палец ящероподобного человека вновь полез в глотку Зуриаба. Тот взвыл. Пещерный житель тщательно осмотрел каждый зуб воина, потрогал, пощелкал по нему похожим на коготь ногтем.

— Кора тхе! — в третий раз повторил он, и неожиданно рядом появилась еще одна ящерица. Это был первый житель пещеры, на котором кроме набедренной повязки Соня увидела какое-то подобие накидки. Она была грубо сшита из красного меха неизвестного Соне зверька. Голова зверька болталась на спине ящерицы и, по всей видимости, служила чем-то вроде амулета. Острую оскаленную мордочку украшал двойной ряд желтых зубов, вместо глаз виднелись вставленные в глазницы полупрозрачные камушки. Человек в накидке сполз по скале ниже и оказался между Соней и Зуриабом, заслонив собой воина. На Соню пахло плохо выделанной кожей и странным мускусным запахом. На отвесной скале обладатель накидки держался ничуть не хуже, чем свои соплеменники, с той лишь разницей, что для удобства на ногах у него были наколенники с шипами. Спустившись, он ловко вонзил шипы в маленькую трещинку в камне и теперь мог спокойно размахивать руками и ощупывать предложенный ему товар. В том, что это покупатель, Соня не сомневалась.

— Кора тхе! — настойчиво повторял голос продавца. Видимо, главным достоинством товара здесь считались зубы.

— Арана дау! — раздраженно отвечал столь же неприятный для слуха голос, — Вайра тома хун!

— О чем они говорят? — Соня повернулась к шайману.

— Один расхваливает зубы,— нехотя буркнул Айри,— а второй поминает демона и говорит, что человек, пришедший с демоном, не стоит и потертого медяка.

— По-моему, это было сказано как-то короче,— с сомнением сказала Соня.

— По-ихнему короче, а по-нашему проще не скажешь,— обиженно заявил Айри.— Не хочешь, не спрашивай. Я тебе не толмач.

— Ты старая обезьяна,— к месту уточнил Заир.

— Кора,— сказал покупатель и обернулся к Соне.

У него был чуть вытянутое, цвета гранита лицо, наголо бритая голова. В ухе висела огромных размеров каменная серьга, которая оттягивала ухо вниз, отчего все лицо ящероподобного человека казалось перекошенным. Даже улыбка на лице и та была кривой. Впрочем, может быть, он вовсе не улыбался, так как вдруг нахмурился и потянулся рукой к рыжим волосам девушки.

«Моя очередь»,— подумала Соня. Она оказалась права. К удивлению девушки, главным ее достоинством, в понимании человека в накидке, было вовсе не то, что она убила священное животное Махти, и не то, что она достаточно красива и хорошо сложена, а рыжие волосы. Пещерный житель долго мял их в пальцах, подергивал то спереди то сзади. Наклонившись к Соне, он обнюхал волосы с таким усердием, будто перед ним было скисшее аквилонское вино. В конце концов смор-

щился. Ткнув пальцем в живот девушке, проворчал:

— Каха!

— Рыжая,— перевел шайман.

— Брана! — вскинул руки вверх покупатель.

— Берет,— перевел Айри,— по-моему, ты снова станешь женой.

«Великое Небо,— подумала девушка,— опять? Хватит с меня и покорителя гор Тахата Саббидзарра».

— Брана! — повторил покупатель.

— Нет! — Соня выразительно покачала головой.

Пещерный житель, казалось, удивился. Что-то заговорил на своем языке. Странно хмыкнув, Айри начал быстро переводить.

— Он говорит, запах не очень, но он тебя отмоет. Завтра ты заговоришь на его языке, а по истечении двух лун он вернет твоё тело душе. Он говорит, ты должна радоваться, ибо он покупает для тебя две луны, и благодаря ему, Хобру, ты войдешь в новое тело с чистыми волосами. Их свежесть будет подобна горному ручью, их запах вскружит голову многим. В новом теле ты будешь любима, станешь женой Квансуфа и родишь троих детей. Гм,— закончил переводить шайман,— интересно, а кто такой Квансуф?

— Спроси лучше, что еще за новое тело? — торопливо потребовала Соня.

Заикаясь на каждом слове, шайман что-то спросил.

Потом долго слушал ответ.

— Ну? — наконец не выдержала Соня.

— Гм,— снова повторил шайман, — у них тут целая пещера с новыми телами, и ты сможешь выбрать любое. Это редкая привилегия, и купить такое право может лишь Хобр. Хвастается, конечно,— добавил от себя Айри,— но тела они и в самом деле меняют. Это просто. Надо лишь поймать подходящего демона, сунуть свою голову ему в пасть, а потом вселиться вместе с демоном туда, куда захочешь.

— С демоном?

— Ага.

— И это — привилегия?!

— Хобр ждал своей очереди три года. Но ты понравилась его сыну Квансуфу, и Хобр уступил очередь Рыжей луне. Если бы не Хобр, тебя бы сбросили на камни. Ведь ты убила священного зверя Махти. Радуйся! Ты получишь новое тело, а твои волосы оплетут гриву нового Зверя. Все,— сказал Айри.

— Ну спасибо,— пробормотала Соня,— совать голову в пасть демону — и ради чего?

Поспать в этот день Соне уже не удалось.

По всей видимости, ее купили, потому что, закончив осмотр, пленившийся рыжими волосами Хобр отвязал девушку от скалы, щелкнув пальцами, подозвал двух голых носильщиков, и те потащили Соню куда-то вверх. Некоторое время скалы, водопад, пещера плясали перед глазами девушки. Потом Соню пихнули в узкий лаз и поволокли по камням. На ее счастье, дно лаза было достаточно ровным, но и этого хватило, чтобы к

концу пути всю спину ломало от многочисленных ушибов и ссадин, а голова раскалывалась от боли.

Мучения закончились в круглой пещере, все стены и потолки которой были сплошь усыпаны каменными сосульками. На полу посреди пещеры торчал большой гранитный истукан. Лишь по двум неумело вытесанным головам Соня узнала убитого ею зверя. Вокруг каменного Махти, полустояли, полусидели пещерные люди. Было смешно видеть, как неумело передвигаются они по земле. Чтобы пройти несколько шагов, они пригибались к земле, опирались о камни длинными руками, но даже так их тела раскачивались, словно при сильном ветре.

В первый раз в жизни Соня видела людей, которым висеть на скалах куда легче, чем ходить по земле.

Ее поднесли прямо к истукану и положили у каменных лап. Склонившись над девушкой, Хобр что-то сказал на своем непонятном языке, потом заботливо положил под голову мягкую подушечку. «Раньше надо было думать»,— хмыкнула девушка, чье тело после прогулки по пещерам разваливалось на куски.

— Я устала.

Соня не надеялась, что ее поймут, слова сами сорвались с языка. Хобр склонил голову — казалось, он прислушивается к звукам незнакомой речи. Пещерный житель сидел на корточках, было видно, что находиться в таком положении ему крайне неудобно.

— Я устала,— упрямо повторила девушка,— и я хочу есть,— добавила она, выразительно пощелкав языком.

Холодная рука ее нового хозяина прикрыла ей рот. Хобр недовольно помотал головой. Наверное, ему не понравилось, что пленница осмелилась заговорить. И в самом деле — в этом странном месте царила не менее странная тишина.

Вокруг пленницы уже успело столпиться с десяток пещерных жителей, они встали полукругом и жадно разглядывали ее лицо, волосы, туго перетянутую веревками грудь. Но никто не проронил ни слова. Даже тогда, когда к Соне потянулась чья-то жадная рука, Хобр лишь молча оттолкнул чужую руку и взглянул на осмелившегося посягнуть на его собственность так злобно, что любопытный испуганно моргнул и, смешно покачиваясь на непослушных ногах, заковылял прочь.

— Хоа!

Хобр щелкнул пальцами, и тотчас в руках его оказалась квадратная каменная фляга, с такой же квадратной каменной пробкой, которой было заткнуто ее широкое горлышко.

— Пить,— обрадованно показала пересохшими губами девушка.

Новый хозяин открыл каменную пробку, поднес флягу к губам пленницы. Это была не вода, а кисловатый на вкус напиток наподобие лошадиного молока. Соня пила долго, не обращая внимания на то, что рука Хобра грубовато гладит ее разбитые в кровь колени. Странное дело — эти

прикосновения вовсе не были неприятны. Раны чуть пощипывало, но боль не только в коленях, но и во всем теле проходила.

Глаза девушки начали закрываться, зато со слухом творилось что-то странное. В ушах зашумело, и когда девушка уже готова была погрузиться в крепкий сон, голос Хобра в голове девушки отчетливо сказал:

— Рядом со священным камнем мы разговариваем без слов. Приветствую тебя, рыжая женщина с глазами пещерной рыси. Надо быть очень сильной и смелой, чтобы убить великого Махти. Это карается смертью, но ты привела с собой демона, а значит, и надежду на новую жизнь. Убей демона, и в новом теле ты будешь еще прекраснее. Мой сын Квансуф будет счастлив соединиться с тобой в брачном танце на скале Зверя. Через две луны...

Возможно это был сон, но, скорее всего, так подействовал на Соню выпитый ею напиток. Девушке снилось, что она опять летит на двухголовом чудовище и двухголовое чудовище тщетно пытается ухватить ее острыми клыками. Одна из голов была звериной, но когда к ней обернулась вторая, то Соня с удивлением узнала купившего ее Хобра.

— Убей демона! — прошептал Хобр, и едва шелест слов смолк под сводами огромной пещеры, как вторая голова Махти вдруг задрожала в воздухе и начала приобретать знакомые очертания. «Хумаз!» — вдруг с удивлением узнала Соня.

«Хумаз»,— эхом откликнулись высокие своды пещеры. Голова степняка покачивалась на длинной звериной шее, темные волосы трепал ветер, рот был полуоткрыт, между гнилых зубов ворочался красный, раздвоенный на конце язык.

— Ты? Откуда? — удивленно спросила девушка.

— Гос-с-спож-жа С-сония...

Язык по-змеиному выскользнул из рта степняка. Непомерно длинный, огненно-красный, он потянулся к Соне. Она взмахнула кинжалом. Язык метнулся в сторону, прочертил в воздухе пещеры длинную дугу, снова попытался добраться до девушки.

— Убей его! — приказала голова Хобра.

— Как бы не так,— осклабилась Хумаз, и из рта его пополз второй язык, не менее длинный, но на этот раз мерзко зеленого цвета.

— Это демон,— сказала голова Хобра, не разжимая рта.

— Это демон,— вторил где-то голос шаймана Айри.

— Это демон,— прошептала девушка и, взмахнув кинжалом, отсекла один из мерзких языков, который, извиваясь шелковой лентой, плавно поплыл вниз...

— Осторожнее!

Кто-то перевернул девушку со спины на живот. Она почувствовала, как чьи-то мягкие пальцы нежно касаются ее кожи, втирая прохладную, приятно пахнущую мазь. Соня лежала лицом все на той же мягкой подушечке, а рядом плескалась

вода, слышался шум водопада и тихие женские голоса:

— Посмотри, какие толстые у нее ноги,— смеялась одна из женщин,— а какие коротенькие пальчики! Сразу видно, что эта тварь всю жизнь ходила по земле!

— Тише! Завтра она будет похожа на нас. Хобр хочет, чтобы она выбрала тело красавицы Тисы. Он сошел с ума, когда коснулся этих мерзких рыжих волос.

— Он старается ради сына. Квансуф совсем высох с тех пор, как Тиса ушла в долину грез. Но вчера на скале Квансуф лизнул пятку рыжей, и Хобр отдал три ожерелья за право дать ей новое тело.

— Тисы? — удивленно спросил еще один женский голос прямо над ухом Сони.— Но разве ее тело не сгнило от жара? Разве ее глаза не вытекли от слез? И разве может Рыжая Луна победить горного демона? Такое под силу только воину скал!

— Никто не будет плакать, если демон убьет ее.

— Помолчите! — сказал чей-то скрипучий старческий голос,— рыжая тварь узнала наш язык. Она слышит.

— Она спит,— ответил более молодой.

«Надо бежать отсюда,— зевнув, подумала Соня,— надо бежать...»

Ее разбудил Хобр. Воин скал достаточно бесцеремонно тряхнул девушку за плечо.

— Пора!

— Да,— с неохотой раскрывая глаза, сказала Соня. Вставать не хотелось. Приятная нега сковывала ее тело, вокруг благоухали горные фиалки, кто-то заботливо прикрыл девушку теплой накидкой из козьей шерсти. Шерстинка попала Соне в нос, она чихнула и — окончательно проснулась.

— Сейчас ты поешь, и я покажу тебе твоё тело,— сказал Хобр.

«Я понимаю их язык?» Скинув накидку, девушка села и едва не ударилась о нависающую над ней каменную морду Махти. Она снова была в круглой пещере с гранитным идолом, только на этот раз никого из пещерных жителей вокруг не было. Только она, Хобр и серая фигура у входа в пещеру, заслоненная большим каменным чаном, в котором едва заметно тлел фитилек.

Как ни тускло горел этот светильник, с непривычки свет больно ударил девушку по глазам. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, серая фигура за чаном исчезла. Хобр тоже жмурился от непривычного света. Заметив, что девушка смотрит туда, где только что мелькнула чья-то тень, Хобр нахмурился:

— Это мой сын Квансуф. Он хотел видеть тебя, хотя сейчас его душа принадлежит другой.

— Красавице Тисе? — улыбнулась девушка.

— Да. Но Тиса умерла от яда подземной крысы. Она была самой прекрасной девушкой нашего рода. Ее тело находится в пещере Ожидания. Оно лежит там уже девять лун, но свежо, как персик. Я надеюсь, ты выберешь его, освободишь душу

Квансуфа и родишь ему трех сыновей. Тело прекрасной Тисы — большая честь для тебя!

— А если я выберу другое? — спросила Соня. Хорош персик, если он гнил в пещере девять лун! Хобр помрачнел.

— В пещере Ожидания много тел. Ты можешь выбрать любое,— хмуро сказал он,— но я спас тебя от смерти и дал тебе наш язык только ради сына. Не скрою — его выбор странен, еще ни одна Рыжая Луна не входила в тело женщины из рода Махти. Желание сына — священно. Ты будешь Тисой. А если станешь другой — не проживешь и дня.

Перекусив приятным на вкус мясом, которое, как выяснилось, было мясом одной из тех пещерных крыс, чей укус так опасен для молодых и прекрасных девушек, Соня последовала вслед за Хобром.

Они вышли из круглой пещеры с каменным истуканом, свернули в один из узких боковых ходов и, пройдя шагов пятьдесят, остановились у каменной стены.

Дальше хода не было. Возле стены стояли два полуголых пещерных воина с короткими мечами в руках. Увидев Хобра, оба молча уступили дорогу.

— Здесь,— уверенно сказал Хобр и налег плечом на камень.

Скрипнув, стена начала поворачиваться, изнутри пахло холодом и ароматом неизвестных Соне специй, от которых тотчас запершило в горле. Соня закашлялась, шагнула за каменную дверь.

Внутри было душно. Пещера, куда привел Соню сынолюбивый, Хобр оказалась не больше десяти шагов в длину и пяти в ширину. Потолки, пол, даже наполненный благовониями каменный чан, стоящий посреди пещеры, — все было покрыто толстым слоем инея. Соня поскользнулась на ледяном полу, схватилась за висящий рядом с дверью мешок из грубой ткани, но тотчас отдернула руку, испуганная страшным голосом пещерного воина:

— Остановись!

Она не упала, поспешила отойти в сторону и, только отойдя, заметила, что из мешка торчит похожая на череп человеческая голова. Это, несомненно, был мужчина и воин — даже на сморщенной, высушенной холодом и временем коже виднелись многочисленные шрамы. Подбородок мертвеца украшала густая борода. Волосы на голове были уложены в аккуратный пучок. Мертвые глаза смотрели прямо на девушку. Рядом, там же на стене, висел маленький узкий меч, больше похожий на кинжал и арбалет, подобный тем, из которых Соню и Заира обстреливали возле водопада.

— Каром стрелял лучше меня, — услышала девушка уже успокоенный голос Хобра, — мой сын верит, что когда-нибудь меткая рука Карома достанется ему. Но это надо заслужить.

— Их много... — прошептала девушка, с ужасом разглядывая висящие вдоль стен мешки. Когда-то в Хауране ей доводилось видеть вывезенные из Черных Королевств мумии, но тогда это не вызвало у нее ничего, кроме брезгливости. А здесь...

«Так вот где я должна выбрать новое тело», — подумала Соня, разглядывая маленькую головку ребенка, которая торчала из мешка, висящего сразу за метким стрелком Каромом. Судя по вплетенной в жидкие волосенки ленте и более мягким чертам лица, это была девочка. Соня явственно представила древнюю старуху, пришедшую сюда в поисках нового тела, представила, как старуха тыкает морщинистым пальцем в столь же морщинистое детское личико:

— Мое, — говорит она.

«Неужели они меняют тела, как одежду, старость на молодость, слабость на силу, уродство на красоту? Не это ли великие боги называли бессмертием? Не это ли то, за чем я иду к Храму Сновидений, и не остаться ли мне здесь навсегда?»

Мертвая девочка, казалось, улыбалась.

«Ты можешь стать мной, — говорили ее высохшие губки, — ты можешь стать кем угодно, ты можешь жить вечно, так почему же ты смотришь на меня так, словно я страшнее Демона Гор?»

«Страшнее, — подумала Соня, — ибо ты — это ты, а я — это я. Мне нравятся мои руки, мне нравится то, что меня зовут Рыжей, мне нравятся, когда мои волосы падают на мои плечи и мои пальцы натягивают тетиву лука в погоне за дикой уткой. Даже если старость согнет мои плечи — мое всегда останется моим. Я не хочу вечной тоски по себе, не хочу одежды с чужого плеча, силы чужих рук, молодости чужого тела. Нет, такое бессмертие не по мне. Сгинь!» — девушка закрыла глаза.

Рука Хобра мягко легла ей на плечо.

— Эту девочку присмотрела Каисса, — тихо сказал он, — старая дура совсем спятила. Она могла бы выбрать что-нибудь и получше. Дети гор редко доживают до десятой весны. Это дочь вождя, и лишь потому ее тело здесь. Я думаю, Каисса ищет смерти, — задумчиво проговорил воин, — она прожила слишком много жизней.

— А ты? — сбросив его руку со своего плеча, спросила Соня.

— Я? — Хобр, казалось, вздохнул. — Мы не считаем наших тел. Пойдем, я покажу тебе Тису.

Глава седьмая

Почему там так холодно? — укладываясь на принесенной Хобром подстилке, спросила Соня. В пещере с каменным истуканом она чувствовала себя как дома, тем более что с некоторых пор вхожи к священному идолу была лишь она сама да ее страж и наставник Хобр.

— Холодный огонь бережет тела, — сказал, присаживаясь рядом, пещерный воин, — тебе надо выпаться. Обряд Обретения — праздник для всех. Ты должна быть сильной, иначе демон, которого вы привели с собой, ускользнет. Горный народ будет недоволен. Слишком многие ждут своей очереди, слишком многие считают, что Рыжая Луна недостойна нового тела и ее место — на дороге теней.

— Что это за дорога? — спросила Соня, подумывая, не проще ли напасть на сидящего к ней боком воина сейчас, когда рядом никого нет, чем дожидаться нелепого обряда, на который соберутся все пещерные жители. Правда, на праздник могли привести и остатки ее маленького отряда. Но

от Рахмата никакого толку, шайман Айри опять займется дурацкими заклинаниями, Хумаз и вовсе не Хумаз, а Сет знает кто. Вот разве что Заир с Зуриабом... Живы ли они? Девушка покосилась на висящий на поясе Хобра узкий нож. Она уже знала, что выход из пещеры сторожат сразу трое воинов, но искушение было сильно.

— Дорога теней? — задумчиво переспросил воин, и рука его как бы невзначай легла на рукоять ножа.

«Заметил», — с досадой подумала девушка.

— Дорога теней начинается за водопадом, — сказал Хобр, — она петляет в горах, как мысли священного Махти. Люди уходят в камень и остаются в нем навсегда. Так гласит легенда.

— Неужели никто не ходил по ней? — спросила девушка, подумав, не эта ли дорога ведет к Храму Сновидений и не про эту ли дорогу говорил Айри.

— Почему? — Воин повернулся и внимательно посмотрел на девушку. — Ходил. Но никто не возвращался. А однажды в пещеры пришел такой же, как вы, бледный человек и рассказал о страшном волке, чьи клыки так крепки, что прогрызают камень, а глаза так остры, что видят сквозь горы даже песчинку в струе водопада. Этот зверь охраняет дорогу теней, и горе тому, кто встретит его на пути. Бледный человек засмеялся, когда я вызвался победить зверя. А еще он сжег Лога, когда тот осмелился усомниться в его словах. Он взмахнул рукой, и маленькое солнце вспорхнуло с его ладони.

— Это был маг? — чувствуя, как забилося сердце, спросила Соня.

— Кто это — маг? Спи, — жестко сказал Хобр, — я рад, что ты выбрала Тису. Спи как можно крепче, и завтра твои воины будут гордиться тобой.

«Они живы, — подумала Соня, — а я нашла дорогу к храму. Будет глупо, если я погибну на пути...»

Завтра.

Все решится завтра.

* * *

К бою с демоном ее готовил все тот же Хобр. Он сам выбрал оружие — короткий меч, арбалет, длинную пику, с которой, как объяснил воин, пещерные люди охотятся на священного Махти. Опробовав пику, Соня покачала головой:

— Нет. Она слишком тяжела.

Отказалась девушка и от арбалета, предпочтя более привычный лук. Недовольно сморщившись, Хобр приказал принести отобранное у ее маленького отряда оружие. Лук Зуриаба Соня отложила в сторону сразу — слишком большой. Луки Рахмата и погибшего Маммета никуда не годились. Зато оружие Заира оказалось в самый раз. Соня улыбнулась, достала из колчана стрелу. Натянув тетиву, направила кончик стрелы прямо в грудь пещерного воина:

— Я могу тебя убить, — сказала она, хотя все не собиралась убивать. По крайней мере сейчас, когда рядом стояло с десяток вооруженных «ящериц», а ее маленький отряд был неизвестно где. Еще засыпая, Соня решила, что бежит с «помощью» демона. Если только он и в самом деле

так страшен, как о нем говорили Хобр и шайман Айри.

— Положи,— безо всякого страха сказал воин, отводя рукой кончик стрелы,— запомни: когда ты убьешь того, кого зовешь Хумазом, ты убьешь только тело. Демон пролезет наружу и будет ужасен, но ты не бойся. Наши заклинания остановят его. Мы предложим ему Тису, и в тот момент, когда крыло демона коснется ее лица, ты должна быть рядом.

— Я помню,— кивнула девушка,— я закрою глаза, и кто-то из ваших воинов, а может быть, сам демон снесет мне голову. Я вселюсь в Тису так же, как демон вселился в Хумаза. Одного не пойму: я буду в ее теле вместе с демоном гор?

— Наши заклинания остановят его,— сказал Хобр.

— Как он выглядит? — спросила девушка.

— У него тело тигра и крылья летучей мыши. Священный зверь Махти лишь тень по сравнению с ним.

«Да, Халлета убил демон»,— вспомнив рассказ Хумаза, подумала Соня.

— Я хочу, чтобы мне вернули кинжал,— подумав, сказала она.

Пещера, где Соне предстояло обрести новое тело, была небольшой, но зато походила на арену цирка. Стены пещеры ярусами поднимались вверх, площадка внизу была ровной, как озерная гладь при тихой погоде, и только в самом центре ее стоял невысокий каменный столб, исписанный многочисленными письменами.

— Имена тех, кто ждет своей очереди. Мое первое,— прошептал, выталкивая девушку на каменную арену, Хобр.

Соня вышла, вынула из ножен короткий меч.

— Я готова.

Тотчас раздались громкие крики. Все ярусы пещеры были заняты многочисленными зрителями, которые, завидев наглую чужеземку, поспешили выразить свое неодобрение. На арену посыпались мелкие камушки, один из них больно щелкнул по лицу.

«Ящерицы будут рады, если демон расправится со мной»,— подумала девушка, прикрывая лицо рукой, так как град камней становился все сильнее. Еще один камень—уже достаточно увесистый—саданул девушку по ноге.

Она обернулась Хобру:

— Останови их!

Воин вскинул руку:

— Тихо! Сегодня мой день, и первый, кто бросит камень, будет иметь дело со мной!

Шум голосов стих. Последний камень прокатился по полу в полной тишине. Большой, идеально круглый, с белыми крапинками хрусталя. Сама не понимая зачем, Соня подняла этот камень и зло швырнула в зрителей. Кто-то глухо вскрикнул. Раздался возмущенный гул.

— Зачем ты позволяешь ей оскорблять нас? — крикнули с верхних ярусов, но Хобр снова предостерегающе поднял руку:

— Это *ваш* камень. Я отдал этот день Рыжей Луне по праву. Разве не вы первые оскорбили ее?!

Ответом ему была зловещая тишина. Пещерный народ смирился, но и только. Соня обвела взглядом пещеру и наконец увидела тех, кого до сих пор тщетно искали ее глаза. Спутники девушки сидели в дальнем углу пещеры на нижнем ярусе, связанные веревками и окруженные целым десятком вооруженных воинов. Зуриаб зло покусывал губы и подслеповато шурился — он так и не привык к темноте. Айри, по обыкновению, что-то бормотал себе под нос — казалось, происходящее вокруг его не интересует вовсе. Лицо Заира было в крови, а Рахмат испуганно косился на одного из стражей и что-то жевал. Не было только Хумаза.

Соня решительно тряхнула головой и направилась к ним.

Никто, даже Хобр, не посмел остановить ее.

— Я знаю путь к храму, — шепнула она, склонившись к шайману, прежде чем стоявший рядом воин успел схватиться за меч.

— Отойди! — Воин не понимал их языка, и это было хорошо.

— Убей человеческое тело, и демон напустит на пещерное отродье такого страха, что они забудут, как их зовут, — быстро прошептал Айри, — я знаю одно заклинание. Видишь, их лица разрисованы?

Соня кивнула.

— Эти рисунки оберегают от демона, но мое заклинание уничтожит оберег. Будет паника. Зуриаб перетер веревки и в нужный момент развяжет нас. Мы сбежим.

— Они убьют нас, как только госпожа обретет новое тело, — перестав жевать, пожаловался Рахмат.

— Не убьют, — ободряюще улыбнулась Соня. Ударили барабаны.

Хумаза втолкнули в пещеру остриями нескольких копий. Трусливый степняк упирался как мог. Он был бледен, гол и жалок. Жирные складки его тела покрывали непонятные рисунки и знаки, волосы на голове свалились в бесформенный ком, на правой ноге степняка болтался обрывок веревки. «Не очень-то здесь обходительны с демонами», — подумала Соня. Хумаз испуганно шмыгнул носом, отвернулся от девушки, встал на четвереньки и попытался бежать прочь. Воины даже не стали опускать копий. Ударом ноги один из них швырнул бедолагу прочь. По пещере пронесся веселый шепоток. Некоторые зрители засмеялись.

— Я — не демон, — жалобно сказал, вставая с колен, Хумаз. Так же как и Соня, он говорил на языке пещерных жителей, но от страха отчаянно запинаясь. — Я — не демон, — чуть громче повторил он.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал пнувший степняка воин и угрожающе выставил копьё.

— Дайте хотя бы меч. — Хумаз повернулся к Хобру, но тот лишь пожал плечами:

— Демон хитер. Оружие ему ни к чему.

Хумаз испуганно съежился.

Соня с презрением смотрела на своего противника. Сражаться? С ним? Да она убьет его одним ударом кулака!

— Начинайте!

Громкий окрик Хобра подстегнул девушку. Она выхватила короткий меч, шагнула к трусливому

воину. Увидев, что Соня готова драться, Хумаз за-
травленно огляделся и с невероятной прытью по-
бежал по кругу арены, норовя спрятаться за ка-
менный столб. Сидящие, а вернее, висющие на стенах
зрители заулюлюкали. Вниз снова полетели камни.
Но на этот раз они предназначались Хумазу. Круп-
ный булыжник едва не сбил бедолагу с ног, второй
пришелся по ноге, и Хумаз, взвывая, запрыгал по аре-
не, проклиная Сета, пещерных лягушек, но пуще
всех покорителя гор Тахата Саббидзарра, посла-
вшего его на верную смерть с рыжей дурой, кото-
рая только и умеет рассказывать сказки, стрелять
из лука и размахивать своим поганым ножом.

— Убей его! — пронеслось над ареной.

Теперь симпатии зрителей были на стороне Сони.
Так же как и в степи, здесь не любили трусов.
Поняв, что спасения не будет, Хумаз метнулся к
краю арены и неожиданно вцепился зубами в ногу
опрометчиво севшей на нижней ярус женщине.

— Убей его!

Женщина взвизгнула, ухватившись длинными
руками в выступ над головой, полезла вверх. Бо-
сая пятка врезала Хумазу в лоб. Повалившись на
пол, он покотился по каменным плитам арены.
Соня стояла совсем рядом, но лишь безразлично
смотрела, как несчастный корчится от боли.

— Я... я — не демон. — Хумаз чуть не плакал.

Тахат Саббидзар знал, кого дать ей в спутники.

— Это не демон. — Соня отпустила рукоять ме-
ча, и он со звоном упал на каменный пол.

— Рыжая Луна недостойна! — тотчас пронесся
по пещере ехидный шепоток.

— Возьми! — Соня подпихнула меч под нос
степняку.

Увидев лежащее перед ним оружие, Хумаз за-
был о боли.

— Госпожа Соня хочет убить демона? — при-
подняв голову, спросил трусливый воин, и рука
его потянулась за мечом.

— Если ты возьмешь меч и бросишься на тех,
кто охраняет выход, я освобожу остальных, — шеп-
нула по-гиркански Соня, — ты сделаешь это?

— Да, да! — с жаром сказал степняк. — Госпо-
жа Соня позволит мне взять оружие?

Он все еще не верил в свое счастье.

— Бери, — безразлично морщась, сказала Соня.

— Она договаривается с демоном! — крикнул
кто-то из зрителей.

— Рыжая Луна обманула тебя, Хобр, — вторил
первому тонкий женский голос.

Хумаз встал с мечом в руке. Жирное брюхо степ-
няка мерзко подрагивало. Но меч в руке лежал
твердо.

— Благодарю, госпожа.

— Не будь трусом, Хумаз!

— О да! — Степняк усмехнулся и вдруг ударил,
целя девушке в обнаженную грудь.

* * *

Ее спасло лишь то, что она верила Хумазу не
больше чем шадизарской гадалке. Расчет был прост.
Если Хумаз всего лишь трусливый степняк, тогда
он поможет из страха за свою шкуру. Если же де-
мон... Какая разница, будет у него в руке меч или

нет? Соня ждала подлого удара и успела отскочить в сторону еще прежде, чем меч Хумаза достиг ее груди.

— Тварь! — прошипел степняк, увидев что промахнулся, и его зрачки блеснули кровавым светом.

— Демон! — закричали вокруг.

Но теперь уже Соня и сама видела, что стоящий перед ней жирный слизняк вовсе не тот, от кого с такой радостью избавился покоритель гор Тахат Саббидзар. Живот Хумаза подобрался, узкие плечи, казалось, стали шире, рука крепко сжимала меч, а на пухлых губах играла издевательская усмешка. Соня выхватила из ножен на поясе кинжал.

— Госпожа Сония хочет убить демона?

Хумаз взмахнул мечом, и меч, описав замысловатую дугу, оставил на щеке Сони кровавый след. Она снова уклонилась от удара, но во второй раз сделать это оказалось значительно трудней. Выбитый из рук девушки кинжал отлетел под ноги связанного Зуриаба. Тот попытался пихнуть Соне оружие, но кто-то из воинов опередил его; кинжал вновь вылетел на самую середину арены. К сожалению, неудачно. Нога Хумаза тут же опустилась на лезвие:

— Что дальше, гос-спожа?

Степняк разговаривал почти так же, как во сне, когда Соня летала на крылатом чудовище, а голова Хобра требовала убить голову Хумаза. Разве что наяву у степняка не было никаких змеиных языков.

— Я убью тебя! — с ненавистью прошептала девушка, вспомнив, как крал их скудные запасы пищи Хумаз, как трусливо поджимал он хвост всякий раз, когда подозрение падало на него.

— Так убей, — расхохотался степняк, — ты собираешься свернуть мне шею? А может быть, ты надеешься на чары своего глупого шаймана, чье место в желудке Сета? Он не поможет тебе!

Раньше Хумаз разговаривал не так.

Оружие. Нужно хоть какое-то оружие. За спиной Сони болтался бесполезный лук, кинжал по-прежнему был прижат к полу ногой Хумаза, а собравшиеся в пещере зрители и не думали хоть чем-нибудь помочь. «Я знаю, почему горный народ так мал, — вдруг подумала девушка, — интересно, сколько их погибло, сражаясь один на один, когда прочие наслаждались зрелищем битвы?» Она покосилась на стоящего у выхода Хобра. «Ради своего сына...» Воин был бледен. Да. Он едва заметно кивнул девушке, взял из рук стоящего рядом стража копьё.

— Держи! — Хобр метнул Соне копьё, но рука Хумаза проворно сцапала его в воздухе, а еще через мгновение копьё просвистело над головой Сони и, ударившись о камень, переломилось пополам.

Пещера ахнула.

Прокатившись по полу Соня сбила с ног не ожидавшего столь наглого нападения степняка, а когда он попытался дотянуться до девушки мечом, она ловко перехватила руку и впилась зубами в сжимающие рукоять пальцы. Может быть, демон и не чувствовал боли, но тело Хумаза чувствовало. Паль-

цы разжались, меч выпал. Соня изо всех сил лягнула степняка коленом в жирное брюхо. Облапив девушку, Хумаз навалился на нее всем телом, и они покатались по каменному полу прямо на зрителей. Раздался истошный визг. Как раз в этот момент Соня была наверху и тянулась пальцами к глазам противника, которые пылали в темноте, как раскаленные угли. Смердный запах, шедший изо рта Хумаза, привел девушку в исступление. Теперь она окончательно поняла, что перед ней лишь оболочка: степняк сгнил, как трухлявый пень, но демон, который жил внутри, мешал несчастному умереть.

— Я... Я тебе помогу,— прошептала она, чувствуя, что еще немного, и железные клещи Хумаза разорвут ее в клочья.

— Мне?

— Тебе,— прохрипела Соня, добравшись-таки до горящего глаза и надавив на него с такой силой, что в лицо ей брызнула вонючая жидкость. Хумаз взвыл. Железные клещи разжались. Девушка скатилась с жирного тела и в два прыжка добралась до лежащего на каменном полу меча. Тут же подобрала и кинжал. С мечом в одной руке и кинжалом в другой Соня почувствовала себя увереннее. Но и Хумаз уже успел подняться с пола и прихватить обломок копья. Его тело странно раздалось вширь, плечи сгорбились, ступни ног все больше походили на лапы огромного зверя. Человеческая кожа лохмотьями сползала с прорастающего сквозь нее демона. «А мне сказали, демон появится, когда я убью Хумаза»,— подумала девушка, косясь на

шаймана, который раскачивался из стороны в сторону и, как обычно, что-то бормотал. Шайман раскачивался, а Хумаз все больше терял человеческое обличье. Может быть, действовало заклинание? Или, потеряв глаз, демон разъярился так, что оказался не в силах удержать себя в человеческом теле? И то и другое было вероятно. Во всяком случае, оберег, о котором говорил шайман, уже не имел силы, и Соня со злорадством видела, как перепуган маленький пещерный народец. Люди вжимались в каменные стены, некоторые вскарабкались на потолок и теперь висели вниз головой, напоминая больших летучих мышей. Женщины с визгом бежали к выходу мимо когтистых лап. «Глупо»,— подумала девушка, и в то же мгновение лапа демона гор отшвырнула бегущих к стене. Два или три тела остались лежать на полу без движения, остальные замерли, глядя на чудовище, которое, казалось, потеряло к ним всякий интерес. Не интересовала его и Соня.

Демон смотрел на Хобра. Воин стоял перед его раскрытой пастью и держал на руках сморщенное тело Тисы.

— Возьми! — громко сказал он и бросил тело прямо в морду зверю.

— Отец! — невесть откуда выскочил невысокий юноша с копьем в руке, ткнул им в оскаленную пасть, схватил за ногу свою мертвую возлюбленную и попытался утащить ее за собой, но лапа демона плотно прижала шуплое тельце к камням.

— Возьми их! — Юноша показал на убитых демоном женщин. — Зачем тебе Тиса, когда ты можешь

выбрать любую, возьми их,— умолял он, между тем как клыкастая морда все ближе склонялась к нему. Но юноша, казалось, не замечал демона, он видел лишь мертвую возлюбленную и... Соню.

Их взгляды встретились.

— Это все из-за тебя! — с ненавистью крикнул Квансуф. («И этого юнца мне пророчили в мужа? Да как он смел лизать мою пятку?» — подумала Соня.) — Ты должна была просто отрубить ему голову! Но ты разбудила его злость. Я убью тебя! — взвизгнул Квансуф и, выпустив ногу возлюбленной, вновь ухватился за копьё. Шелкнули огромные клыки, ноги бедняги взлетели в воздух. В следующее мгновение он целиком исчез в пасти демона. Вместе с копьём.

— Свершилось! Квансуф обрел тело! — крикнул визгливый бабский голос под самым ухом Сони.

Тело? Девушка усмехнулась. Что ж, если так, то Квансуфу крупно повезло.

— О! Великий Махти, Квансуф обрел тело,— провозгласило еще несколько испуганных голосов, и к, своему изумлению, девушка увидела, как опущенное чудовищем тельце Тисы вдруг вздрогнуло, повело рукой по каменному полу, словно Тиса была слепа, нащупало коготь демона, погладило его ладонью, пытаясь понять, что это...

— Великий Махти! — в тон остальным пробормотала Соня. Неужели рассказ Хобра о том, что для обретения нового тела ей нужно сунуть голову в пасть демона, оказался правдой?

Наверное, Тиса и в самом деле была прекрасна, так как ее пробуждение разбудило и находящихся

в пещере воинов. Только теперь они вспомнили, что у них есть оружие, а все разрастающееся чудовище грозит заполнить собой небольшую пещерку и если не разорвать в клочья, то раздавить находящихся в пещере людей. Сразу несколько копий вонзилось в кожистый бок демону, не причинив ему никакого вреда. Уже не человеческая голова издала страшный рык и обратила свой взор на Хобра.

— Нет!

Воин побледнел и, начертив ладонью обороняющий знак, отступил к выходу. Демон снова угрожающе зарычал. Сидящая у его ног Тиса заплакала. Увидев это, Хобр бросился к ней, схватил за руку и поволок к выходу, уже не желая участвовать в схватке, а желая лишь одного — бежать. «Самое время», — презрительно подумала Соня. Уже не раз в своей жизни она видела, как давали деру записные красавцы и храбрецы. По крайней мере Хобра можно было понять. Он спасал сына. Или теперь уже дочь?

Страшный скрежет заставил девушку вздрогнуть. Разорвав тигриную спину чудовища, взметнулись в разные стороны два гигантских крыла. Они были настолько велики, что ударились о потолок. Подогнув их, демон начал неуклюже поворачиваться, сметая крыльями облепивший стены народец.

— Бежим.— Кто-то дернул девушку за рукав. Обернувшись, она увидела Зуриаба.— Скорее! — крикнул воин.— Айри сказал, бесполезно драться с Демоном Гор. Демон умирает, а потом возвращается вновь. Я развязал веревки. Пещерным тварям не до нас. Пора.

— Бежим,— услышала Соня запыхавшийся голос Заира,— эта тварь растет так быстро, что скоро мы не сможем пробраться к выходу. Мы попросту застрянем...

— Уже,— хрипло прохрипел позади него шайман. Все трое обернулись на крик.

Шайман был намертво прижат к стене кожистым брюхом и тщетно пытался отодвинуть его от себя хотя бы на дюйм. Лицо Айри побагровело с натуги, он отчаянно пыхтел, с толстых губ его сбежала слюна.

— Так тебе и надо,— проворчал, упираясь спиной в стену, а руками в мерзкое брюхо, Зуриаб,— по крайней мере он выдавит из тебя украденное мясо.

— И птейонскую дыню,— злорадно добавил, впрягаясь в работу, Заир. Брюхо не поддавалось. Оно мерно подрагивало — по всей видимости, переваривало только что съеденного Квансуфа.

— Не так!

Соня взмахнула мечом и ткнула чудовище в живот. Брюхо оказалось на удивление мягким. С хрустом разошлась кожа, рука с клинком чуть ли не по локоть ушла в толстый слой жира. «Пф!» — Из внутренностей демона пахнуло падалью, и на Соню полилась черная, воняющая тиной и тухлятиной кровь.

— Вылез?

Плюясь во все стороны и поминая Сета, Айри выбрался из-под мерзкого брюха и, поскальзываясь на растекшейся по полу крови, побежал к выходу. Заир бросился за ним. Невесть откуда выскочил Рахмат:

— Куда?

— К Сету,— указал на сверкающие пятки шаймана Зуриаб.

Они выбрались из пещеры и по темному ходу побежали туда, где, как им казалось, слышался шум водопада.

— Здесь только что был маг,— на бегу рассказывала Соня,— он пугал волком и не советовал ходить по дороге теней. Он даже убил того, кто не поверил ему.

— Где начинается эта дорога? — задыхаясь от бега, спросил Айри.

— Внизу. Надо искать ход в водопаде.

— Чем же так страшен этот волк? — поинтересовался бегущий за спиной Сони Зуриаб.

— Он сторожит эту дорогу и имеет какой-то жуткий вид. Маг говорил, что волк может видеть сквозь скалы.

— А бегать сквозь них он не может? — опасливо поинтересовался Рахмат.

Единственного встретившегося им на пути пещерного воина Заир попросту сбил с ног.

Ход оказался нескончаемым. По мнению уже изрядно уставшего Айри, больше всего он походил на кишки старого барана — тонкие длинные и извилистые. Он то нырял вниз, и беглецы скатывались по скользкому полу, чуть не сворачивая шеи, то изгибался крутой петлей, а то и вовсе взбирался вверх, наподобие колодца, и тогда приходилось выстривать пирамиду из собственных тел, чтоб хоть

один мог дотянуться до верхнего края. Как правило, верхним оказывался Заир — он был легче других, к тому же лазал по скалам не хуже пещерных жителей. Каждый раз оказываясь на спинах пыхтящих, обливающихся потом товарищей, Заир интересовался, что делать, если он вдруг увидит Охранника пути — то ли волка, то ли пса, о котором рассказывал Хобр. Поначалу ему давали дельные советы. Зуриаб вспомнил, что если ухватить волка за язык, тот не сможет кусаться, на что Заир резонно заметил, что *этот* волк несколько необычен. Следующим советчиком оказался Рахмат. Он предложил Заиру при встрече с волком кричать как можно громче. «Зверюга испугается и убежит», — уверенно сказал он. Соня не сомневалась, что при первом же крике Заира убежит не волк, а сам Рахмат. Последний и самый дельный совет дал шайман. Он уже который раз стоял в основании живой пирамиды, удерживая на могучих плечах копошащихся друзей. Спина Айри взмокла от пота, ноги дрожали, и, судя по ответу на дежурный вопрос Заира, живот подводило от голода.

— Сожри его! — рявкнул шайман. После этого ответа расспросы, что делать при встрече с чудовищным волком, прекратились.

О водопаде и дороге теней уже не вспоминали. Лишь бы выбраться. Однако, пройдя с полсотни шагов, Заир вдруг остановился, поднял вверх руку:

— Я слышу.

Остановились и остальные.

— Волка? — испуганно спросил Рахмат. Он почти ничего не видел в темноте и вздрагивал от

каждого шороха. Если бы Соня была демоном и выбирала новую жертву, то после Хумаза следующим в ее списке непременно оказался Рахмат.

— Нет. Воду, — прислушиваясь к одному ему слышному звуку, коротко сказал Заир.

Вскоре они вышли к водопаду.

— Ну и где твоя дорога? — Шайман Айри грел ноги в теплом озерце у подножия водопада и лениво почесывал мокрую спину.

— По-моему, этой дорогой мы и пришли. Вернее, вернулись, — проворчал Зуриаб, — сейчас появятся пещерные твари, и мы снова попадем в плен.

— Тоже мне, дорога теней, — мрачно вторил ему Рахмат.

Ее маленький отряд совсем пал духом. Когда ход закончился стеной падающей воды, их радости не было предела, но, когда они выяснили, что дорога через водопад — одна-единственная и как раз та самая, по которой они только что шли, расстроился даже Зуриаб. Некоторое время все молчали. Айри вдруг перестал давать дельные советы, ссылаться на свои сны и бормотать непременно в таких случаях заклинания. Рахмат обхватил голову руками и молча застонал. Пожалуй, только Заир держался молодцом.

Ничего нового о дороге теней Соня сказать не могла. Разве только предположила, что все это выдумки пещерного народа.

— Это магия! — наконец философски изрек Айри и снова умолк, видимо позволяя остальным оценить глубину его мысли.

Оценивать ее никто не собирался.

Шайман насупился, ковырнул ногой скользкий валун.

— Нужна жертва,— задумчиво сказал он.

Эту мысль оценили все.

— Кому? Тебе? — зло спросил Рахмат и на всякий случай отодвинулся подальше.

— Спроси его: какая? Жирный баран с заклинаниями вместо мозгов? — усмехнулся Зуриаб.

— Когда нечего есть, едят самого толстого,— недвусмысленно намекнул Заир.

Айри насупился еще больше.

— Дело шаймана — сказать,— проворчал он,— обычно в таких случаях бросают жребий.

— А потом? — присев рядом, спросила Соня.

— Потом убивают жертву, бросают кости и спрашивают совета у милостивых богов.

— А нет ли способа попроще? — подал голос Зуриаб.

— Есть,— проворчал Айри.

— И какой?

— Идти...

Обратно шли в полном молчании. Однако, когда по дну каменного коридора побежал веселый ручеек, все заметно повеселели.

— Ну, теперь жди волка! — весело сообщил Заир.

— Да отсохнет твой поганый язык,— не менее живо отозвался Рахмат. Соня цыкнула на развеселившихся спутников, и те примолкли. Ручеек под ногами хоть и вселял надежду, но настораживал девушку. Ничего подобного на пути к во-

допаду она не помнила. Но ход-то был единственным! Или дорога теней имела несколько ответвлений, оставшихся в темноте незамеченными? Своими сомнениями Соня вполголоса поделилась с шайманом. Тот угрюмо почесал брюхо, пожевал губами и изрек:

— Нам, смертным, не уразуметь путей, уготованных Великим Небом.

Глубокомысленное изречение шаймана ничего для девушки не прояснило. Похоже, Айри и сам не очень хорошо понял, что сказал. По крайней мере он осмысливал собственную фразу довольно долго, звучно шлепая по ручью следом за девушкой, потирая брюхо и повторяя ее шепотом, то так, то этак меняя последовательность слов. Когда «Великое Небо» поменялось местами со «смертными» и смысл сказанного в корне изменился, шайман притих. Зато оживился Заир.

— Свет! — завопил он так неожиданно, что перетрусивший Рахмат чуть не рванул назад. — Я видел свет!

— Где? Когда? — наперебой затормошили его. Заир тыкал пальцем в крошечную мглу хода:

— Там. Солнечный свет! Это выход!

Рахмат испуганно вскрикнул.

— Чего орешь прямо в ухо? — обиженно поинтересовался Заир. — Думаешь, вру?

Рахмат затряс головой, ткнул пальцем в собственную ногу:

— Меня кто-то кусил.

— Волк,— убежденно сказал Зуриаб. Рахмат вздернул ногу и согнулся, пытаясь осмотреть ме-

сто укуса. Страх лишил его способности соображать. Убедившись, что след зубов на щиколотке мало похож на укус волка, он потер больное место ладонью и пожаловался:

— Жжет. Какая-то тварь...

Соня вспомнила рассказ Хобра: «Тису укусила пещерная крыса. Она умерла от яда».

— Ну-ка, покажи,— приказала девушка степняку. Тот попытался согнуть ногу, застонал и в ужасе выпучил глаза. В темноте белки вокруг его зрачков казались огромными.

— Не могу,— прохрипел он,— не сгибается...

Только теперь до остальных дошло, что шутки кончились. Отпихнув Соню, к Рахмату придвинулся Айри. Присев на корточки, шайман долго разглядывал щиколотку сородича, потом поднялся, выудил из котомки плетеную веревку и обмотал ногу Рахмата.

— Что это? — жалобно поинтересовался тот.

— Противоядие,— подтверждая догадку Сони, коротко ответил шайман. Рахмат заскулил.

— Убить надо,— негромко предложил Зуриаб.

— Кого? — оборвав скулеж, жалобно спросил укушенный.

— Ну эту, ядовитую...

Рахмат несколько успокоился, а Айри махнул рукой:

— Найдешь ты ее в такой темноте. Их тут немерено, как семечек в спелой дыне. Идти надо. Солнечный свет убивает яд пещерной крысы.

— Откуда ты знаешь? — Голос Рахмата дрожал. Шайман пожал плечами:

— Легенды...

Переждав, пока Рахмат успокоится, отряд двинулся вперед. Теперь шли быстрее, но свет впереди так и появлялся. Рахмат совсем пал духом. Он принялся ныть и обвинять Заира во лжи. Унять его Соне не удавалось.

Понимая, что жизнь сородича под угрозой, Заир стойчески терпел, и часто так далеко отрывался от отряда в поисках выхода, что девушка теряла из виду его шуплую фигурку. Когда он исчез в очередной раз, Соня твердо решила урезонить Рахмата. Однако урезонивать ей не пришлось. Заир вывернул из-за крутого поворота впереди с радостным воплем:

— Я же говорил! Выход!

Зуриаб хлопнул его по плечу, Соня шагнула вперед, но чья-то рука отшвырнула ее к стене. Девушка ударилась затылком о каменный выступ. Сквозь застилающий глаза туман боли она разглядела бегущую к выходу человеческую фигуру. Человек бежал огромными прыжками, странно подволакивая ногу.

— Стой, Рахмат! — закричала девушка, но обезумевший от ожидания степняк и не подумал остановиться. Заир опомнился первым. Придерживая лук на плече, он рванул следом за Рахматом. Соня — за ним. Солнечный свет, вырвавшийся из-за поворота ей навстречу, ударил по глазам. В круглом сиянии выхода покачивалась фигура Рахмата. Обеими руками степняк держался за стены. Выйти он почему-то не спешил. Соня расслышала вырывающееся из его рта странное бормотанье.

ние. Заир подбежал к нему. Рахмат оглянулся, отлепил одну руку от стены:

— Не подходи! — прохрипел он. — Мое! Все — мое!

Словно желая показать, что именно принадлежит ему, Рахмат широко повел рукой в сторону света, шатнулся и вдруг исчез.

— Упал... — оглянувшись на девушку, растерянно пробормотал Заир.

Соня подошла к выходу, взглянула вниз. Ее глаза болели от солнечного света. Дорога теней обрывалась в пропасть. Под скалами, далеко внизу, росли желтые от палящего зноя кустики, голубела полоска ручья. Тело Рахмата лежало возле воды, на камнях, широко раскинув неподвижные руки.

— Вот и жертва, — произнес над ухом девушки голос шаймана.

Со скалы спускались весь день, под нещадно палящим солнцем. Спуск вытянул из путников последние силы, однако, поругивая жару и обливаясь потом, они завалили тело Рахмата камнями и двинулись дальше.

Глава восьмая

Легкий ветерок принес прохладу, но всего на миг. Затем Соня почувствовала смрад, словно где-то рядом находился отстойник для сдохшей скотины. Шайман резко остановился, потянул носом.

— Ну и вонь... — скорчив презрительную гримасу, начал было Заир, но шайман махнул рукой, и, почувстввав неладное, маленький степняк настороженно смолк. Зуриаб потянул из ножен меч.

— Пес! — коротко выругался шайман. Заир принял его высказывание на свой счет:

— А что такого я сказал?!

Айри отмахнулся от его возмущенного возгласа, как от назойливого комара:

— Пес Демона. Идет за нами.

Соня оглянулась. Ущелье по-прежнему было пустынным: ни шороха, ни звука. Чахлые кустики горнодела жались к безмолвным серым камням, высокие скалистые стены вздымались высоко над головой, в просвете между ними виднелись голубые осколки неба. Девушка пожала плечами:

— Никого...

И тут она увидела Пса. Он появился из-за дальнего поворота. Животное бежало легкой трусцой, чуть наискось, склонив к земле тяжелую косматую голову. Шерсть на его загривке топорщилась серыми клочьями, мягкие лапы бесшумно отталкивались от земли, длинный красный язык свешивался из пасти, почти задевая камни. Размерами Пес чуть превосходил ванахейского белого волка. Справиться с такой собакой не составляло труда. Соня усмехнулась, вытащила кинжал.

— Не надо,— послышался сзади голос Айри. Девушка покосилась на шаймана.

— Пес охраняет сны Демона,— пояснил тот.

— И? — Соня не выпускала из рук кинжала, по-прежнему глядя на приближающееся животное.

Теперь девушка видела его мертвые пустые глазницы. Бока Пса ходили ходуном, из клыкастой пасти по языку стекала слюна. Он выглядел голодным и усталым. Кончик длинного хвоста скользил за ним по камням, изредка задевая кустики горнодела, но не причиняя хрупкому растению никакого вреда. Иногда слепой зверь терял тропу и задевал плечами каменистые стены ущелья. Из одного плеча уже сочилась кровь, мутными каплями сползала к лапе и терялась в густой, спутанной шерсти. Не добежав до путников с десятков шагов, Пес что-то учуял, остановился и поднял голову, настороженно втягивая носом воздух.

— Что-то мне не по себе,— прошептал за Со-
ниным плечом маленький Заир. Пес повел голо-

вой. Пустые провалы глазниц устремились на людей, верхняя губа приподнялась, обнажая гладкие белые клыки, из пасти вырвалось едва различимое ворчание, хвост скользнул под задние лапы и прижался к впавшему животу.

«Большая голодная собака,— оглядывая насторожившегося зверя, подумала Соня.— К тому же трусливая. Если это Охранник, о котором рассказывал Хобр, то страхи пещерных жителей были весьма преувеличены».

Айри был прав, марать кинжал о столь жалкое создание не стоило. Девушка нагнулась, нащупала на тропе булыжник потяжелее, покачала его в руке и метнула на дорогу перед Псом:

— Пшел прочь!

Подскакивая и громыхая, камень полетел под мохнатые лапы. Пес отскочил, прижался к скале и, затравленно мотая слепой мордой, завыл. Соня швырнула в его сторону еще один камень. Все с тем же успехом. Зверь не уходил.

— Упрямый,— с неожиданным одобрением сказал Зуриаб. Степняк уже успел спрятать меч и теперь наблюдал за собакой с какой-то странной улыбкой.

— У меня когда-то был почти такой же пес,— негромко сказал он,— чуть поменьше.

— Это ты про Атара? — вмешался Заир. Зуриаб кивнул и вдруг, махнув рукой, полез в котомку. Прежде чем девушка успела что-либо сообразить, на тропинку перед мордой Пса плюхнулся здоровенный кусок сушеного мяса — почти половина всех запасов пищи.

— Вендийский шакал! — кидаясь за мясом, взвыл шайман, однако Пес оказался быстрее: кусок исчез в клыкастой пасти, за миг до того, как Айри успел ухватить его пальцами. Кончик хвоста качнулся из стороны в сторону. Очутившийся на четвереньках перед зверем шайман зарычал.

— Куси его! — в отместку за совет в пещерном ходу перед водопадом азартно выкрикнул Заир.

Не утруждая себя объяснениями, Соня приложилась пятерней к его затылку, и степняк заткнулся. Девушке не понравился поступок Зуриаб. Она любила животных, да и зверюга выглядела несчастной, но отдавать невесть кому последние остатки еды — это слишком! Однако ругать Зуриаба было бессмысленно. Сделанного не вернешь, а толку от пустых слов — никакого. Поэтому Соня повернулась к шайману и, презрительно поглядывая на облизывающегося Пса, произнесла:

— Хорош охранник! Видать, Демон его совсем не кормит.

Шайман озадаченно почесал голову:

— Эта прожорливая тварь не нуждается в пище. Так говорят легенды.

— Ага, — засмеялся Заир. — Верно. Демон тоже так считает, а бедная псина не жвавши бегаёт. Вот и забыла, чего ей полагается охранять. — Он подошёл к шайману, запрокинул голову, взглянув на него в лицо, и ехидно добавил: — А ты случайно не заблудился? Пастухов тут никаких нет? Уж больно Демонов пес на пастушьего смахивает...

— Пусть отсохнет твой змеиный язык! — Шайман протопал мимо Сони и Заира, на миг задержался возле Зуриаба, окатил его злым взглядом, глотнул и закончил: — Заодно с рукой, что накормила эту шелудивую тварь!

Дальнейший путь они продолжали уже впятером. Поначалу Пес плелся в нескольких шагах позади отряда, потом решил приблизиться, а после того, как Зуриаб отыскал плоский камень с углублением и налил туда воды, благодарный зверь отважно протолкался мимо Сони и занял место у левой ноги Зуриаба. Всем видом животное показывало, что отныне Зуриаб является его другом и покровителем. Соню Пес воспринимал равнодушно, на Заира порывался, судя по всему забавляясь мгновенным испугом степняка, а шаймана ненавидел. Стоило Айри приблизиться, как шерсть на загривке Пса поднималась дыбом, лапы упирались в землю, словно для прыжка, а из пасти раздавалось грозное рычание. Помимо прочего собака норовила досадить шайману любыми доступными способами. Едва Айри закрывал глаза, собиравшись вздремнуть, Пес начинал звучно зевать, грызть камушки или нахально цеплять зубами котомку шаймана. Разъяренный Айри вскакивал, осыпал зверюгу последними ругательствами (подобных Соне не доводилось слышать даже в порочном Шадизаре), но поделать ничего не мог.

При малейшей угрозе злобное животное кидалось к Зуриабу. Меч степняка тут же выныривал из ножен, одним видом охлаждая пыл шай-

мана. В конце концов Айри не выдержал. На привале он тихонько подсел к Соне. Девушка дремала, откинув голову к скале и удобно вытянув ноги. Стенания шаймана доносились до нее сквозь пелену дремы.

— Это демон,— жаловался Айри на Пса.— Не знаю какой, но точно демон! Его надо прогнать. Иначе я не увижу пути. Я же совсем не сплю!

Девушка пошевелилась, сквозь прищуренные веки поглядела на шаймана. Тот сидел на корточках, покачиваясь и обняв голову руками. Вид у него был действительно утомленный. Соня не верила, что шайман видит дорогу во сне, но кто его знает...

— Не многовато ли демонов? — потягиваясь, поинтересовалась она. Айри поднял глаза к закатному небу:

— Горы. Всякое бывает.

— Ладно,— решила Соня.— Спи. Этой ночью будет дежурить Зуриаб. Он присмотрит за Псом. А утром решим, как поступать дальше.

Довольно бурча, шайман поплелся в свой угол.

Однако утром решать ничего не пришлось. Отправившийся за хворостом Заир вернулся в ущелье с истошным воплем:

— Войско! Там войско!

Сон мигом улетучился. Соня вскочила и, на ходу завязывая пояс, побежала за указывающим дорогу Заиром. Следом, поругиваясь и огромными прыжками преодолевая валуны, кинулся шайман, за ним, так и норовя прихватить зубами мель-

кающие пятки, неся Пес, а последним бежал Зуриаб.

— Там,— задыхаясь, через плечо рассказывал на бегу Заир,— равнина... Войско... Идет сюда...

Перед невысоким плоским выступом он неожиданно плюхнулся на живот и дернул Соню за рукав. Девушка шлепнулась животом на камни. Рядом, пыхтя, отдаваясь, стелая на недосып и Демоново войско, рухнул шайман.

— Гляди, госпожа Соня! — Заир ткнул пальцем вперед. Соня осторожно высунулась из-за валуна.

Ущелье, в котором они ночевали, оканчивалось небольшим плато. Плоские каменные ступени сбегали на обширную равнину, лишь по краям обрамленную горами. В утренней рассветной дымке их дальние пики казались темно-синими, как зубья кхитайского дракона. По равнине клубился туман. Сначала девушка слышала звяканье оружия и только затем различила изредка появляющиеся в туманных прорехах острия копий. Она присмотрелась. Копья колыхались над всей равниной. Острые наконечники поблескивали в лучах восходящего солнца, разбрызгивая блики по круглым шлемам невидимых за туманом воинов. Извиваясь, как уж, девушка отползла за валун и задумалась. Она не представляла, откуда могло взяться это воинство. Подобное вооружение и шлемы были у аквилонцев, но в последнее время аквилонцы появлялись на востоке редко и небольшими отрядами, по равнине же двигалась армия, достойная туранского владыки. Но Соню беспокоило не их вооружение

или происхождение. Девушка лихорадочно искала возможность спасти свой маленький отряд, а главное — собственную шкуру. Сражаться с целым войском было самоубийством, пытаться скрыться в ущелье — безумием. Судя по всему, неведомая армия направлялась именно туда.

— Сет их заberi, свалились на мою голову! — сквозь зубы выругалась Соня и снова высунулась из-за камня. Туман уже немного рассеялся. Чужаки шли ровными рядами, плечом к плечу. Ноги в кожаных сандалиях, наподобие кешанских, четко отбивали шаг, плетеные наколенники топорщились острыми железными шипами, короткие юбки едва прикрывали мускулистые ноги, на головах черными башнями возвышались остроконечные шлемы. Пояса неведомых воинов украшали ножны тяжелых мечей, сбоку от них в ременных петлях удобно располагались боевые топоры, за плечами покачивались луки. Грудь каждого бойца была прикрыта шипастым щитом без каких-либо знаков отличия, а в свободной руке, острием вверх, красовалась пика.

— Воинство Демона. — Айри вытащил из-за пазухи амулет с блестящим камушком внутри и, лихорадочно вертя его в пальцах, принялся шептать заклинания.

— Что будем делать? — Заир не сводил с Сони вопрошающих глаз, а Зуриаб, одной рукой удерживая пса за косматый загривок, другой вытащил меч. «Они стали отличными воинами», — как-то мельком отметила Соня и снова поглядела на надвигающееся войско. Первые ряды уже заполони-

ли нижние ступени, ведущие в ущелье. До валуна, где пряталась девушка, врагам оставалось сто, а то и пятьдесят шагов. Останавливаться янычары явно не собирались. Перебарывая страх, девушка встала во весь рост. Непредвиденное появление на пути рыжеволосой незнакомки никого из чужаков не смутило. Сверкающие в узких прорезях шлемов глаза не изменили выражения, ни одна голова не повернулась в сторону девушки, ни один воин не сбился с шага.

Высокий темноволосый ратник, чьи длинные кудри выбивались из под шлема, прикрывая широкие смуглые плечи, шагнул на плато, очутившись в нескольких шагах перед Соней. Тяжелая стопа чужака с хрустом вмяла в камень чахлый кустик горнодела, не заметив, переступила через расколовшуюся древесину.

— К бою, великие воины Тахата Саббидзара, покорителя гор и светоча знаний! Да пребудет с вами милость Великого Неба! — После этого выкрика Соня застыла, недвусмысленно положив ладонь на рукоять кинжала. Она надеялась обмануть противника. Мысль о затаившейся в камнях армии могла остановить кого угодно. Но не странных чужаков. Под размеренный гул шагов на плато взобрались новые воины. За первыми рядами — второй, третий. От них пахло потом, кровью и каким-то странным, свойственным только большой армии, духом. От знакомого запаха и предчувствия битвы у Сони закружилась голова. Кровь прилила к щекам, а пальцы сами обхватили резную рукоять кинжала и потянули его из ножен.

Темноволосый ратник шел на девушку, не сводя взгляда с ее раскрасневшегося лица. На покрытых горной пылью плечах воина блестели капельки пота, из-под наколенника выглядывала красная полоска недавнего шрама. Соне показалось, что под решетчатым забралом чужака мелькнула зловещая ухмылка. Уловка девушки не сработала — он был опытным бойцом. Прекрасно понимая, что узкое ущелье не вместит в себя большую армию, чужак предвкушал победу.

А из тумана равнины за его спиной выдвигались все новые и новые ряды. Первый ряд воинов оказался прямо перед девушкой. Почти все противники на голову выше Сони, с широкими плечами и мышцами, шарами перекатывающимися под бронзовой кожей.

— Назад, госпожа Сония! Назад! — высунувшись из-за камня, громко зашептал Заир. — Даже если они не станут драться, они нас попросту затопчут, как стадо обезумевших гирканских кобылиц...

— Заткнись! — Соня вытащила кинжал, сглотнула ком в горле и сама шагнула к темноволосому. — Ты, аквилонский пес! Не знаю, чья воля забросила сюда твою шакалью стаю, но я никогда не пятилась от тебе подобных!

Темноволосый словно не заметил ее угроз. Соня пригнулась, готовясь к прыжку. «Раз, — мысленно сосчитала она — два...» На счет три она собиралась прыгнуть навстречу неминуемой гибели. Быстрый клинок Тахата успел бы нарисовать немало кровавых улыбок на шее врагов, прежде

чем она испустила бы дух. Но, увы, счета три не последовало. Заир пулей выскочил из-за камня и рванул девушку за рукав, заставляя повернуться спиной к противнику:

— Это не люди! Это ожившие трупы!

Соня шагнула назад. Ей доводилось слышать о стигийских магах, служителях змеебога Сета, которые колдовством превращали молодых и сильных мужчин в бесчувственных идолов смерти, но увидеть армию мертвых ей пришлось впервые. Да, это уже были не высохшие мумии в пещере Ожидания.

Животный страх гнал ее прочь, однако природное упрямство и гордость мешали повернуться спиной к врагам и припустить наутек. Краем глаза она заметила, как из-за валуна выскочил Зуриаб. Держа меч перед собой, степняк бросился к девушке, надеясь закрыть ее своим телом. В полной тишине, словно исполняя одним им слышную команду, мертвые воины опустили пики остриями вперед. Железные зубья мелькнули в локте от Сониного лица и неуклонно поползли на девушку, грозя вонзиться ей в грудь. Зуриаб глупо отмахивался от них мечом, все еще придерживая за холку дергающегося Пса. Из-за этих рывков ни один удар степняка не достигал цели.

— Да отпусти ты его! — рывкнула Соня. Зуриаб послушно разжал пальцы. Пес взвизгнул и, виляя хвостом, прыгнул прямо на обнаженные острия пик. Зуриаб страшно закричал, Соня дернулась, не желая видеть мучений глупого животного, однако пики прошли сквозь косматое собачье тело,

не оставив на нем никаких следов. По-щенячьи повизгивая, Пес приземлился посреди воинства на все четыре лапы и заскакал, радостно размахивая хвостом и пытаясь лизнуть в лицо каждого встречного. Воины, не останавливаясь, проходили сквозь собаку.

Теперь Соня видела, как при соприкосновении с косматой шерстью исчезают шипы наколенников, а плоть неведомых ратников тает, оставляя лишь призрачный, словно нарисованный туманом, след. Она еще пятилась, но навеванный молчаливыми врагами ужас унимался.

— Пес их знает,— вдруг произнес у нее над ухом голос шаймана. Она скосила глаза. Айри смотрел на радостно повизгивающего Пса, его губы шевелились.

— Ну! — поторопила Соня.

— Пес охраняет сны Демона,— забормотал шайман,— он никогда не видел никого другого... Он знает только сны.

Соня расхохоталась. Неужели все оказалось так просто?! Войско мертвых — просто сон Демона?

Резким движением девушка оттолкнула Зуриба и шагнула вперед, грудью на темноволосого воина. Легкий холодок обдал ее тело, кожу слегка защипало и... страшный противник исчез. За ним — следующий, и еще один. Призрачное воинство таяло, превращаясь в белесый туман, и утекало в глубь ущелья. Заир устало опустился у Сониных ног, наигравшийся Пес подошел к Зурибу, ткнулся слепой мордой в его колени и тихонько заскулил. Вылезшее из-за гор солнце озарило опустев-

шую равнину, высветило побитую временем каменистую дорогу.

— Блуждающий Путь,— указывая на нее, удовлетворенно сказал шайман.— Единственная тропа к Храму Сновидений.

Блуждающий Путь оказался обыкновенной старой дорогой. Время ее не пожалело — местами гладкие булыжники были покрыты травой, а то и вовсе исчезали под слоем земли, напоминая о себе лишь выползшими из-под травяных наростов щербатыми углами. Заир обломил ветку горнодела и шел первым, опираясь на нее, как на посох, следом шествовал Зуриаб с собакой, затем Соня. Замыкал шествие шайман. Он постоянно что-то бурчал себе под нос. Иногда чуткое ухо девушки разбирало изощренные гирканские ругательства. Касались они в основном Пса и Зуриба. Первого шайман называл отродьем горного шакала, второго, с издевкой,— щедрым покровителем шакальих кишок. Очевидно, он до сих пор не простил Зурибу отданного собаке мяса.

Соня почувствовала опасность задолго до поворота. Выросший на пути валун, высотой примерно с десять локтей, невесть почему возбудил у девушки подозрения. На всякий случай она обхватила рукоятку кинжала и покосилась на Пса. Животное не подавало никаких признаков волнения. Подметая дорогу хвостом, Пес трусил возле ноги Зуриба, принохивался, а время от времени поднимал слепую морду, словно надеясь увидеть лицо нового хозяина. Его поведение несколько

успокоило Соню, но полностью совладать с предчувствием опасности девушка не смогла. Заир уже поворачивал за валун, когда окрик Сони заставил его остановиться. Нетерпеливо постукивая веткой по ноге, Заир поинтересовался:

— Что хочет госпожа Сония?

Внятных объяснений у девушки не нашлось. Заир понял, ободряюще улыбнулся:

— Госпожа может не волноваться. У Заира нюх, как у степного волка...

— И что же чувствует Заир? — перебила девушка. Степняк шумно вдохнул, раз, другой:

— Заир чувствует свежесть прекрасного вечера, госпожа.

— И больше ничего?

— Ничего, госпожа.

Соня махнула рукой:

— Хорошо, но теперь я пойду первой.

Возражать никто не стал, только Айри потребовал, чтоб Заир встал между ним и отродьем блудливой демоницы, как он окрестил Пса. «Иначе, — пригрозил шайман, — я найду проклятие на эту шелудивую тварь и сверну ее жирную шею!» Шея у пса была отнюдь не жирной, а при последнем высказывании шаймана Зуриаб весьма выразительно прикоснулся к рукояти меча, но Заир быстро пристроился между ними, прекратив нелепый спор.

Убедившись, что ее спутники готовы продолжить путь, Соня повернула за скалу.

Предчувствия ее не обманули. Увиденное заставило девушку вскрикнуть. Зуриаб тут же очу-

тился рядом, с обнаженным мечом в руке, у другого плеча вырос Заир.

— Что это, госпожа? — пристально вглядываясь в выросшую на пути преграду, прошептал маленький степняк. Соня тряхнула головой. То, что распласталось перед ней на дороге, не было зверем. Оно даже не походило на пещерных тварей, хотя громадные кожистые крылья напоминали о священной Махти.

Только у лежащего на пути страшилища крылья были больше и словно вырастали из земли двумя острыми черными шатрами.

— Демон Гор, — из-за Сониного плеча сказал шайман. В его голосе звучала растерянность. — Но легенды говорят — его невозможно убить...

Соня больше доверяла собственным глазам, нежели легендам. Крылатое создание было явно мертво. Пыль покрывала окоченевшие тигриные лапы с изогнутыми когтями, напоминающими кинжалы ассирийских убийц, на изломе левого крыла белели прорвавшие кожистую перепонку кости, а с оскаленной морды тупо таращились мертвые глаза-щелочки. Соня огляделась. Чудовище лежало, одним боком привалившись к валуну, неуклюже уложив на каменный выступ клыкастую голову. В тени, под изломами крыльев, покачивались нетронутые кустики горнодела, а пролегли под брюхом Демона Блуждающий Путь не сохранил никаких следов боя — ни вывороченных камней, ни крови. Казалось, кто-то нарочно уложил на дороге страшный труп, чтобы отпугивать случайных путников.

Заир закинул за плечо лук, обернулся к шайману.

— А-а, твои легенды! — Он пренебрежительно махнул рукой, потом маленькие черные глазки весело сверкнули, и, подражая шайману, он тягуче пропел: — «Пса не кормить, Демона не убить», — потом, ухмыльнувшись, язвительно поинтересовался: — Может, Демон Снов перепутал? Не кормил свою тварь, вот бедняга и сдох?

Оценив шутку, Зуриаб потрепал Пса по холке, расхохотался:

— Этак у Демона все воинство вымрет с голоду!

— Великое Небо, покарай этих неразумных кобыльих детей! — Что-то сообразив, шайман оборвал мольбу, шагнул к Зуриабу и, ткнув заскорузлым пальцем в повизгивающего Пса, приказал: — Выпусти-ка это мерзкое шакалье отродье!

Вместо покорного исполнения приказа степняк сжал косматую собачью холку.

— Выпусти! — настаивал Айри. — Демон Гор умеет хорошо притворяться. Путь этот вонючий хвостатый надсмотрщик чужих снов проверит Демона.

Соня подавила смешок. Шайман не терял надежды избавиться от ненавистой собаки. Однако его предложение не было лишено смысла.

— Выпусти Пса, — негромко приказала девушка Зуриабу. Глубоко вздохнув, тот разжал кулак. Обретшее свободу животное вильнуло хвостом и благодарно шлепнуло языком по хозяйской щеке. Зуриаб подтолкнул Пса к мертвой твари:

— Иди...

Пес радостно заколотил хвостом по камням и плюхнулся на спину, подставляя Зуриабу беле-сый мохнатый живот. По привычке степняк почесал подставленное брюхо. Губы Пса растянулись в блаженной улыбке.

— Ты что делаешь?! — задохнулся от ярости Айри. Пес неохотно приподнял голову и заворчал. Он был вполне доволен происходящим. Полному счастью мешали только шайман и блохи. Первого он решил проигнорировать, а расправиться со вторыми было легче легкого. Животное задра-ло лапу и, сунув морду к брюху, занялось блошиной охотой. Забыв о страхе, шайман подскочил к Псу и носком сапога пнул в косматый бок:

— Пш-ш-шел!

Оскорбленное животное вскочило. Шерсть на его загривке поднялась дыбом, верхняя губа вздернулась, обнажая клыки, задние лапы согнулись. Зуриаб не успел схватить любимца — пес прыгнул. Мохнатые лапы с хрустом приземлились на грудь шаймана. С диким выкриком Айри отшвырнул животное, склонился за камнем, но, неудачно подвернув ногу, покатился по наклонной тропе прямо к Демону. Пес сиганул за ним. На несколько мгновений обоих скрыла пыль.

— Убьет! — взвизгнул Зуриаб и побежал за собакой. Судя по всему, он беспокоился за Пса, Соня же полагала, что худо придется шайману. Ей доводилось видеть ванахеймских белых волков, которых привозили в Шадизар для собачьих боев. Несмотря на сравнительно небольшие размеры, эти

волки обладали невероятной силой, ловкостью и выносливостью. По смекалке же им не было равных. Слепой Пес, как Соня уже успела убедиться, во многом превосходил ванахеймского волка.

Когда осела пыль, девушка разглядела Пса. Зверь стоял под валуном, рядом с Демоном, передними лапами вдавливая поверженного шаймана в кожистое перепончатое крыло чудовища. Громадные клыки клацали над горлом Айри. Пес промахивался исключительно благодаря Зуриабу. «Защитник и покровитель» оттаскивал разбушевавшегося любимца от шаймана, обхватив поперек брюха обеими руками. Как и ожидалось, мертвый Демон не обращал на эту возню никакого внимания. Покачив головой, Заир повернулся к Соне:

— До чего упрям наш Айри, госпожа Соня! Он так хотел проверить, мертв ли Демон... И надо же — проверил!

Все еще удивленно покачивая головой, он двинулся к Зуриабу. Тот уже тащил рычащего Пса за холку, попутно почесывая косматую спину. Понемногу животное успокаивалось. Опасливо поглядывая на Пса, Айри встал, отряхнул с одежды пыль.

Соня подошла к нему:

— Что же случилось с твоими легендами, Айри?

Шайман уверенно ткнул пальцем в тигриную морду на камне:

— Это — не Демон. Он просто похож. Крылья, тело тигра...

Его рассуждения прервал крик Заира. Пока шум да дело, шустрый степняк успел влезть на валун, а оттуда на спину чудовища. Приплясывая на

выпирающем из шерсти чешуйчатом хребте, он указывал куда-то вдаль и, потрясая оружием, радостно вопил.

Как вскоре выяснилось, с валуна Заир увидел Храм Сновидений. Валун оказался мал для всех, поэтому на него влезали поочередно, чтоб полюбоваться открывшимся зрелищем. Судя по лицам спускавшихся, Храм их разочаровал. Соня влезла на камень последней. Девушка вскарабкалась на самый верх, закрыла глаза, разогнулась и, предвкушая невиданной красоты зрелище, медленно разомкнула ресницы...

Никакого Храма она не увидела.

Дорога тянулась еще с милю, а затем, сделав петлю, упиралась в ворота какого-то сооружения, больше всего напоминающего разгромленный постоялый двор.

С валуна были видны провалившиеся крыши хозяйственных пристроек, покосившиеся створы ворот и обломки башен главного здания. Лучи солнца плясали на мраморных ступеньках перед портиком здания, и, пожалуй, это оказалось единственным красивым во всем Храме.

Соня на животе съехала с камня. Ее встретили недоумевающие взгляды спутников. Айри предусмотрительно отвернулся. Две пары вопрошающих глаз уставились на губы девушки, словно ожидая заветного слова, способного превратить жалкие лачуги впереди в сказочный Храм Сновидений. «Слава Богам, хоть Пес слеп!» — Соня резко дернула шаймана за плечо:

— Это — Храм?!

Айри кивнул.

— Слушай, Айри,— начал Заир,— во имя Великого Неба, если ты не знал дороги...

— Я привел вас! Это Храм! — перебил его шайман.

— Это?! — остановить Заира было нелегко. Сокровища, ради которых маленький степняк не раз рисковал жизнью и которые были так близко, ускользали из его рук. Простить подобный обман Заир не мог.

— Это больше похоже на хижину базарного попрошайки! — закричал он. — Или на останки Вилайетского беззубого кита, застрявшего в пустыне!

Шайман вяло отругивался, Заир распалялся все больше. Обычно разнимающий спорщиков Зуриаб на сей раз не стал вмешиваться. Он ногой спихнул с каменного выступа плоскую голову мертвого Демона, присел, обнял Пса за шею, и, устремив взгляд на Соню, задумчиво проговорил:

— Что будем делать?

Соня оглядела свой отряд. Ей было жаль напрасно потерянного времени. Пока они ползли по пещерам, дрались с тварями, проходили сквозь миражи Демона, приручали собак, изгоняли нечисть и все прочее, она сто раз успела бы обшарить тот высокий заснеженный пик и отыскать логово Мага. Столько усилий — и все зря! Из-за лживого, трусливого шаймана...

Девушка старалась не поддаваться гневу. Не отвечая на вопрос Зуриаба, она села на корточки и,

мысленно считая удары, принялась втыкать кинжал в расщелину между камнями. Изредка девушка промахивалась, и закаленное лезвие высекало искры из каменных преград. Тогда Соня начинала счет сначала. За этим занятием она не заметила подошедшего Айри. Очнувшись, только когда рука шаймана легла на ее плечо, а голос произнес:

— Великое Небо видит, Айри не солгал! Это Храм Сновидений!

Соня с детства не любила чужих прикосновений. Жизнь среди хауранской знати лишь закрепила эту ненависть. Она резко встала, отшвырнула руку шаймана.

— Ты считаешь меня глупее шадизарской ослицы? — наступая на Айри, прошипела девушка. — Это — Храм Сновидений, где луноликая красавица усыпляет Демона своими песнями? Я еще не ослепла и могу отличить постоянный двор от Храма!

На миг лицо шаймана исказилось, пухлые губы шевельнулись, будто желая возразить, но так ничего и не произнеся, шайман повернулся спиной к девушке, взял котомку и двинулся прочь. Соня оторопела. Потом выкрикнула:

— Иди-иди! И больше не показывайся мне на глаза!

После вспышки ярости она чувствовала себя уставшей. Шлепнувшись на камень рядом с Зуриабом, она потянулась к котомке, вытащила флягу с водой и припала к ней губами. Зуриаб грустно посмотрел вслед уходящему шайману.

— Может быть, я недостоин высказывать вслух свои мысли, госпожа Соня,— осторожно начал он.

Запыленные руки степняка мяли штаны на коленях, выдавая его волнение. Девушка махнула рукой, опять припала к фляге:

— Да говори уж...

— Никто из нас не видел этого Храма,— произнес Зуриаб,— кроме Айри...

Соня поперхнулась, однако за нее ответил Заир. Маленький степняк наблюдал за уходящим шайманом с валуна. Услышав слова Зуриаба, он съехал с камня и, подбоченившись, встал перед приятелем:

— Ты к чему клонишь?!

— Это вполне может быть Храмом Сновидений,— завершил Зуриаб.

— Да?! — Хором воскликнули Заир с Соней.

— Где же бассейны с алмазами? — начала Соня.

— Где золотые ворота? — поддержал Заир. Наперебой они принялись перечислять, какими достоинствами должен обладать Храм. Соня почти дословно вспомнила рассказанную Тахатом легенду, Заир черпал сведения из собственных представлений о роскоши и богатстве. Зуриаб дослушал все. Дождавшись, когда Соня в бессилии снова рухнет на камень, он потянулся за котомкой. Вскинул ее на плечо, свистнул собаке.

— Ты куда? — удивился Заир.

— За шайманом,— спокойно ответил Зуриаб.— Хочу посмотреть, что скрывается в том доме. Если Айри соврал, я убью его, если же нет...

Он пожал плечами и двинулся по дороге, вслед за шайманом. Соня проводила его недоумевающим взглядом. Зуриаб оказался мудрее, чем она думала.

Человек с собакой повернули за валун, скрылись из виду.

— Туда им и дорога,— пробормотал Заир. Вид у степняка был несколько сконфуженный. Он нервно почесал затылок, отгоняя сомнения, топнул ногой: — Все, госпожа Соня! Пойдем обратно. Выберемся отсюда и будем снова искать Храм Сновидений. Ведь где-то он должен быть.

Не слушая, девушка еще смотрела на опустевшую дорогу. Зуриаб уже давно скрылся из виду, а предложение Заира звучало достаточно убедительно, но... Искаженное лицо шаймана стояло у нее перед глазами. Что хотел сказать Айри? Возразить? Пожалуй, нет. Оскорбить? Но почему тогда промолчал?

Заир ткнул ей в руки котомку:

— Пошли, госпожа.

Девушка очнулась от раздумий. Зуриаб был прав — нужно войти в этот «храм».

— Здесь пока еще приказываю я! — выхватив котомку из рук степняка, рыкнула она. Заир испуганно сморгнул:

— Что ты, госпожа Соня? Заир не хотел тебя обидеть. Заир — маленькая мышь...

Договорить ему не удалось. На сей раз кричали страшно и громко. Где-то там на дороге, за валуном, куда только что ушли шайман с Зуриабом. Более не раздумывая, Соня бросилась на крик. Завернула за валун, обогнула громоздкое тело Демона, выбежала на равнину. Черная тень скользнула над ней, на мгновение скрыв солнце. Инстинктивно Соня прыгнула в сторону и прыгну-

лась. Что-то чиркнуло по камням совсем рядом. В лицо девушке брызнули искры.

— Берегись, госпожа! — Стрела с ярким оперением впиалась в расщелину перед ее носом. «Молодец, Заир,— мысленно похвалила степняка Соня.— Не растерялся. Но какая тварь напала на меня?» Раздумывать над этим оказалось некогда. Над головой девушки раздался грозный рык. Она упала на камни. Мимо просвистела еще одна стрела Заира. В этот раз степняк хорошо прицелился. Тварь над Соней завизжала, хлопая громадными крыльями. Черная тень на земле дрогнула, ветер ударил девушке в лицо, пыль забилась в рот. Отплевываясь, она повернула голову. По камням, рядом с ее лицом, тянулись три глубокие рваные борозды от когтей. В каменных разломах застряли клочки темно-желтой шерсти. Хлопанье крыльев и визг стихли вдали. Девушка осторожно перекатилась на спину. Высоко в небесной синеве кружилась огромная птица. Солнце мешало рассмотреть врага как следует. Соня прищурилась.

— Госпожа! — Потрясая луком, стоящий на валуне Заир пытался привлечь ее внимание. Но Соню интересовала птица. Распластав крылья, она шла на снижение. Теперь девушка видела желтое брюхо, четыре кошачьи лапы с чудовищными когтями, вздувшиеся на шее летучего противника сухожилия, плоскую морду с узкими зелеными прорезями хищных глаз. «Демон Гор! Живуче Сетово отродье!» — помятуя о развороченных Демоном камнях, Соня выхватила кинжал. Бросок, прыжок в сторону, подальше от чудовищных когтей, а уж

там... Сдаваться она не собиралась. Стрела Заира опередила ее, вонзившись в желтое брюхо чудовища. Боли Демон не любил. Изогнувшись в воздухе, он дотянулся зубами до желто-зеленого древка. Обломки стрелы полетели в каменные завалы, страшные когти чиркнули по земле в нескольких шагах от девушки. «Похоже, шайман не солгал,— глядя на поднимающуюся в небо тварь, с неохотой признала Соня.— Тот, дохлый, Демон помельче этого. Возможно, он впрямь ненастоящий, как войско. Хотя шайман изворотлив, как детеныш хорезмской гадюки. Он и обычного пса окрестил Охранником снов Демона, и постоянный двор назвал Храмом Сновидений, лишь бы не быть уличенным в незнании».

Убедившись, что чудовище разворачивается для атаки, девушка скосила глаза на Заира. Хитрый степняк спрятался под крыло «ненастоящего» Демона, проковырял в коже дыру и из-под этого надежного прикрытия целился в атакующую тварь. Неожиданно он опустил лук и что-то закричал. Из-за шума крыльев над головой Соня не расслышала его слов. Оторвав голову от земли, она бегло огляделась и ахнула. По дороге, даже не думая прятаться от страшного врага, ей на выручку бежал Зуриаб. Полы изодранной рубахи степняка развевались, как крылья, на плече темнела корка засохшей крови, а рядом огромными прыжками мчался Пес. Ни меча, никакого другого оружия у Зуриаба не было. А что хуже всего — стрелы Заира не могли его прикрыть. «Преданный дурак!» — с досадой подумала Соня. Летучий гад заметил

новую жертву. Заурчав, как довольный кот, он быстро развернулся, поджал лапы и, сложив шатром кожистые крылья, спикировал на бегущего Зуриаб. Заметивший опасность степняк припустил с удвоенной силой. Бесполезно. Демон уже почти накрыл его своим телом. Тигриные лапы распрямились, выбрасывая смертоносные когти. Соня вскрикнула. Степняк упал ничком на землю. Крылья чудовища распахнулись, пасть раскрылась в торжествующем реве, и в этот миг Пес прыгнул. Неизвестно, куда целил слепой зверь, но его челюсти сомкнулись на нежном брюхе Демона. Забыв о добыче, крылатый гад взвился вверх. Болтая всеми четырьмя лапами, Пес оказался в воздухе.

— Держись, Атар! Держись! — вскакивая на ноги, закричал Зуриаб. Ему с валуна что-то вторил Заир. Крик хозяина подбодрил Пса. Все еще удерживаясь зубами за мягкую шкуру противника, он подобрал лапы и принялся по-кошачьи драть когтями желтое тигриное брюхо Демона. Тот извивался, пытаясь дотянуться до источника боли, но мешали собственные крылья. Понимая, что убить Пса, можно лишь сложив крылья, Демон рухнул на камни. Рыча и завывая, противники покатались по земле. Спотыкаясь, Зуриаб побежал к ним. «Стой!» — крикнула Соня, только теперь заметив, что уже сама бежит к сражающимся.

— Я не могу стрелять, госпожа! — долетел до нее крик Заира. Маленький степняк приплясывал на валуне, то поднимая, то опуская лук. Стрелять в это мелькание лап, оскаленных клыков и

клочьев выдранной шерсти впрямь было бессмысленно. На бегу Соня подняла руку с растопыренными пальцами. Этот жест знал любой лучник. «Жди» — означал он. Заир опустил лук.

Соня подбежала к месту схватки почти одновременно с Зуриабом. На всякий случай она держала наготове кинжал, но разглядеть что-либо в мечущемся по земле облаке пыли было невозможно. Изредка девушка видела промелькнувшую лапу, крыло или хвост, но помочь Псу не могла. Зуриаб в бессильной злобе размахивал стиснутыми кулаками.

— Кинжал! — закричал он, увидев в руках девушки оружие. — Дай кинжал!

Рукоятью вперед кинжал полетел к Зуриабу. Едва сцепив пальцы на оружии, степняк прыгнул в рычащее месиво и исчез в пелене пыли. Соня склонила голову. Она не верила, что Зуриаб одолеет Демона, но смерть в бою, рядом с другом — лучший выбор для настоящего воина.

Внезапно рычание перешло в пыхтение, потом в сдавленный стон, затем в тонкий вой, оборвавшийся на самой высокой ноте. Соня шагнула вперед. В клубах оседающей пыли она разглядела вывороченные камни, полосатый бок Демона, разодранное крыло. Чудовище лежало на спине, неестественно изогнув шею. На желтом, залитом кровью брюхе зияла рваная дыра. Из дыры шел пар, выползали зеленоватые, измазанные слизью и кровью кишки. Демон, без сомнения, был мертв. В сжатых челюстях чудовища застряли клочья собачьей шерсти, обрывки кожи. Из глаза торча-

ла резная рукоять кинжала. По резьбе тягучими каплями сползала черная, похожая на кровь, жидкость. «Отличный удар!» Соня огляделась. Зуриаб сидел на корточках, в трех метрах от поверженного чудовища и гладил косматую голову Пса. На собачьей шее и вдоль боков тянулись рваные ссадины, возле носа виднелся глубокий след когтя, одна лапа подкашивалась, но Пес стоял и даже пытался вилять хвостом. Соня покачала головой. Похоже, она недооценивала силу четвероногого Охранника Снов. Заботливо осматривая раны лохматого друга, Зуриаб что-то шептал на непонятном девушке языке.

Соня вернулась к Демону, вырвала кинжал из мертвого глаза и, старательно обтерев лезвие о землю, ткнула за пояс, после чего приступила к исследованию мертвого чудища. «Из этих когтей вышли бы недурные ножи,— разглядывая мощные лапы Демона, подумала она.— В Заморе я получила бы за них не меньше пуда серебра, а в Шеме...»

Ее раздумья прервал взволнованный голос подоспевшего Заира.

— Где шайман? — вопрошал он. — Где шайман?

Убедившись, что жизни его любимой собаки ничто не угрожает, Зуриаб приступил к рассказу об исчезнувшем шаймане. По словам степняка, он нагнал Айри почти у ворот Храма. Шайман ему не обрадовался. Обозвал сыном шакала, приказал держаться подальше вместе с дурацким Псом и потопал к воротам. Откуда появился Демон, Зу-

риаб не заметил. Чудовище рухнуло на шаймана, словно возникнув из воздуха. Не успев даже вскрикнуть, Айри упал замертво. Когти Демона разорвали меховую накидку шаймана, пропороли грудь и живот. Из ран выперли обломки ребер, по камням расползлись кишки. Зуриаб закричал, надеясь, что спутники услышат его предупреждение, и выхватил меч. Это была глупая попытка — одним движением лапы чудовище выбило оружие из его руки и взмыло в воздух. Зуриаб помнил, что Демон не оставляет живых, и, готовясь к смерти, уже попросил прощения за грехи у Великого Неба, когда крылатая тварь неожиданно оставила его в покое. Степняк проследил за его полетом и увидел Соню.

Рассказ был предельно точен и краток. Похоже, смерть сородича не слишком огорчала Зуриаб. Заир тоже не стал проливать пустых слез. Повздохал, подумал и сухо предложил похоронить Айри.

— Нехорошо как-то, — потирая ободранное тетивой плечо, сказал он, — все-таки шайман...

Возражений не последовало. Чуть передохнув и подкрепившись, путники двинулись вперед. Когда показались перекошенные ворота Храма, Зуриаб остановился. Дорога сохранила следы битвы — на плоских камнях темнели пятна засохшей крови, в пыли валялась котомка шаймана. Из ее распахнутой горловины высовывались какие-то веревочки, свернутый жгутом платок, крышка фляги. Справа от котомки покачивались переломанные кусты горнодела, а неподалеку, в расще-

лине между камнями, рукоятью вверх торчал меч Зуриаба. Лезвие крепко засело в трещине. Втроем раскачивая рукоять, путники вытащили меч. На закаленном лезвии виднелись зазубрины, плоские бока меча изуродовали длинные царапины от когтей Демона. Соня погладила сталь и размахнулась, собираясь выбросить искалеченное оружие. Зуриаб перехватил ее руку.

— Этим сразишь только степного тушканчика, и то не с первого удара,— проведя пальцем по затупленному лезвию, пояснила девушка. Зуриаб выхватил меч из ее рук, сунул за пояс:

— Ничего. Все лучше пустых рук.

С этим Соня не спорила. Вернув себе оружие, Зуриаб раздвинул руками густые кусты горнодела, шагнул в проход и замер. Девушка заглянула через его плечо, поторопила:

— Ну?

Зуриаб непонимающе свел брови:

— Он был тут.

Соня покачала головой. Зуриаб ошибался. Наверное, он спутал место. На маленькой прогалине в кустах никого не было. Не осталось даже крови.

— Великое Небо видит, что я не лгу! — ударил Зуриаб себя в грудь. — Айри был мертв. Я столкнул его в эти кусты и побежал к тебе.

Девушка выразительно покосилась на что-то вынюхивающего в кустах Пса. Зверь стоял перед небольшим, поросшим горноделом валуном. Его губы нервно подрагивали. Соня шагнула к собаке.

За валуном, на обломанных ветвях горнодела, лежал шайман. Телогрейка на его груди была изодрана в клочья. Мех прилип к засохшей крови, скрывая раны, однако разбросанные в стороны руки слабо подергивались. Соня склонилась над раненым. Раны шаймана оказались не такими уж глубокими, вывороченных ребер не было и в помине, но запавшие глаза и синева губ говорили о близости смерти. Девушка склонилась еще ниже. Прядь рыжих волос коснулась плеча раненого, скользнула по его шее. Шайман дернулся. Движение было странным, слишком быстрым и точным для умирающего. Веки Айри дрогнули.

— Пить,— хрипло попросил он. Соня вздрогнула. Голос шаймана показался девушке чужим. В нем появились несвойственные визгливые нотки. «Как у Хумаза перед "второй" смертью», — вглядываясь в лицо Айри, подумала она. Шайман открыл глаза, уставился на склоненную девушку.

— Явилась,— прохрипел он.— Поздно...

Слова принадлежали Айри, но выговор... Речь шаймана всегда отличалась тягучей напевностью, теперь же он говорил резко и отрывисто, словно никак не мог совладать с собственным голосом. «Демону нужно человеческое тело,— прошептал в Сониной голове настоящий голос Айри.— Только так он может войти в Храм».

Быстро выпрямившись девушка повернулась к стоящему в сторонке Зуриабу. Расширенные в ужасе глаза степняка не отрывались от груди шаймана. Взгляд Зуриаба говорил сам за себя. Уже не раздумывая, Соня вытащила из волос давно за-

битый подарок Тахата — отравленную заколку. Рыжие пряди заструились по плечам. Сжав смертоносную иглу в кулаке, девушка шагнула к Заиру, без объяснений отобрала у него флягу с водой.

— Прости мне, Великая Мать,— прошептала она и, присев рядом с умирающим, протянула ему флягу. Окровавленные губы шаймана припали к горлышку. Кадык на бычьей шее судорожно дернулся. Почти без замаха Соня вонзила отравленную иглу чуть ниже перекатывающегося под кожей шарика. Взвизгнув, шайман отбросил флягу. Его взгляд обжег Соню ненавистью. В темных зрачках вспыхнули уже знакомые зеленые огни. «Слава Небу, я не ошиблась. Это — Демон». Змеиным броском Соня выдернула из шеи бывшего шаймана отравленную иглу и отскочила. На губах того, кто некогда звался Айри, запузырилась кровавая пена, руки судорожно заколотили по камням, его тело затряслось, словно в лихорадке. Заир отпрыгнул подальше, Зуриаб поспешно прихватил Пса. Пузыри на губах мертвеца полопались, запрокинутый к небу подбородок заострился клинышком. В глубине рта показалось что-то черное, тонкой струйкой дыма потекло наружу.

— Ты-х-х,— прохрипело нечто, вытекающее из проколотого горла,— ты... поплатишься...

Тонкая струйка дыма облаком накрыла труп шаймана. Ее сердцевина сгустилась, принимая очертания огромной кошки. На спине кошки стали прорастать крылья, морда обрела желто-черный окрас, проявились горящие зеленые глаза.

— Мы же убили...— расслышала Соня чей-то шепот за спиной, то ли Заира, то ли Зуриаб. Определять говорящего, как и что-либо объяснять, не было времени. Выросшая из дыма лапа потянулась к девушке. Длинные изогнутые кинжалы когтей выползли из мягких подушечек, но половина туловища и хвост еще удерживали чудовище в теле мертвого шаймана.

За спиной Сони тонко тренькнула спущенная тетива. Стрела Заира прошла дымную завесу, пролетела сквозь шею чудовища и упала в кусты. Демон зло зашипел. Оставленная стрелой прореха на его шее мгновенно затянулась. «Живучий гад!» — Соня выбрала удачную позицию и прыгнула к чудовищу, со всего маху всадив ядовитую иглу в светящийся зеленый глаз. Из дыма вынырнули сразу обе лапы, быстрым кошачьим движением попытались схватить девушку.

Еще там, на равнине, упираясь носом в камни и наблюдая за полетом Демона, Соня отметила его слабые места. Тварь легко двигалась в любом направлении, но развороты вокруг оси получались у нее медленными и неуклюжими. К тому же броски Демона были одиночными, выносливости у него явно не хватало. Поднырнув под опущенные к ней лапы, девушка отскочила за спину Демона и ударила снова. Потом еще раз, едва увернувшись от разверстой пасти. С каждым ударом еще не обретшее форму чудовище содрогалось. Ключья дыма стали отрываться от расплывчатого силуэта. В боку громадной кошки появилась брешь, сквозь которую можно было разглядеть

степь и краешек луны; ухо расплылось рваными клочками тумана и потекло к дальним скалам, лапа, дрожа, стала таять. Пот тек по лицу девушки, плечи ныли, голова кружилась. Она уже почти теряла сознание, когда чьи-то теплые руки обхватили ее за плечи, оттаскивая от бесформенного облачка сизого дыма.

— Остановись, госпожа! — закричал ей в уши смутно знакомый голос. Только тогда Соня разжала затекшие пальцы, и отравленная игла выскользнула на землю. Уже падая, девушка увидела Пса. Весело гавкая, собака мчалась за летящим над землей, последним, уцелевшим от Демона, клочком тумана.

Сознание вернулось к девушке вместе с холодом и запахом вяленого мяса. Постанывая, Соня повернулась на бок и села. Луна плыла за облаками едва заметной белой тарелкой, ноги девушки оказались заботливо укрыты платком шаймана, а кустики горнодела возле нее обломаны почти у самых корней.

В небо тянулась полоска сизого дыма, в паре шагов потрескивал костер. Первым пробуждение Сони заметил Пес. Он подошел к ней и, радостно пофыркивая, лизнул в губы. Из пасти Пса пахнуло тухлятиной.

— Иди отсюда, — отпихнув собачью морду, беззлобно сказала девушка. — Воняешь.

— Это из-за Демона, — пояснил от костра голос Зуриаб. — Мы ему кричали, чтоб не трогал, а он сожрал.

Степняк подошел к собаке, бесцеремонно залез грязными пальцами в клыкастую пасть, раскрыл ее пошире и принюхался. Пес стойчески терпел.

— Точно, — разгибаясь, утвердительно произнес Зуриаб. — Съел, пакостник. Вот только не знаю, что это было — хвост Демона или ухо...

— Ухо, — уверенно отозвался от костра Заир. Маленький степняк сидел, вытянув ноги к огню, и осматривал уцелевшие стрелы. Хорошие он складывал в колчан, плохие с тяжелыми вздохами ломал об колено и отправлял в кусты.

— А еще мы похоронили шаймана, госпожа Соня, — сказал он, словно ожидая одобрения. Соня кивнула. Убила она Демона или нет, но отравленным телом шаймана он теперь вряд ли сможет воспользоваться. Тем более похороненным. Правда, оставались еще трое живых, вполне подходящих.

«Демон не может войти в Храм Сновидений в своем подлинном обличье, — подсказала память, — и Демона нельзя убить». Так говорил шайман. А если он не лгал? Если где-то в горных пещерах непостижимым образом клочки тумана вновь соберутся в единое целое и крылатое чудовище снова выйдет на охоту? Конечно, благодаря прозорливости Пса оно станет одноухим, но вряд ли от этого менее опасным.

Соня чертыхнулась, удерживая стон, поднялась с земли.

— Мы оставили тебе мяса, — донесся от костра голос Заира вперемешку с чавканьем.

— К Сету мясо! — буркнула Соня. В ночной темноте ей уже мерещился шорох громадных крыльев и шипение Демона. Уходящий вверх дым напоминал о призрачном чудовище. Она шагнула к костру, ногой разметала чадающие угольки:

— Вперед, дармоеды.

Глава девятая

Покосившиеся ворота Храма впустили путников с явной неохотой. Одна створа вросла в щель между камней и не поддавалась никаким усилиям, из-под второй пришлось выковырять с полмешка земли, прежде чем тяжелая дверь приоткрылась на локоть. Зуриаб орудовал мечом, как лопатой, и девушка была вынуждена признать, что ее совет выбрать столь нужное оружие был явно преждевременным. Однако дальше локтя створа не пошла. Заир первым проскользнул в образовавшуюся щель. За ним с трудом протиснулся Зуриаб, следом Пес. Последней в щель влезла Соня. Едва оказавшись во дворе Храма, девушка поняла, что ошибалась дважды. Постояльцев здесь отродясь не бывало. Мощенная булыжниками мостовая плавно переходила в мраморные плиты, окружающие высокий гранитный портик Храма. В центре круглой площади перед портиком возвышался толстый обугленный столб. С его вершины, растопырив крылья и грозно вытянув вниз тощую шею, смот-

рел огромный каменный гриф. Домики, выглядевшие издали хозяйственными постройками, на деле оказались капищами — небольшими навесами, под которыми на низких постаментах стояли каменные фигурки богов. Всего капищ было двенадцать. В каждом — по три божества. В каменных изваяниях Соня распознала древних богов Турана и змеиный лик Сета, светлый образ Неба и пышногрудую Иштар. Некоторые божества были ей незнакомы. Неведомый скульптор постарался на славу. Камни дышали жизнью. Глаза богов смотрели сквозь тела шагающих мимо людей, тонкие полоски губ скрывали презрительную насмешку над краткостью человеческой жизни. Соню жгли равнодушные надменные взгляды статуй. Стараясь не задерживаться возле капищ, она заспешила к Храму. Зуриаб стремился держаться поближе к девушке, Пес бесцеремонно обнюхивал постаменты, изредка задирая лапу, а Заир подолгу стоял у каждого капища, склонив голову к плечу и с искренним удивлением разглядывая темные каменные лики. Соня уже ступила на мраморный пол портика, когда услышала за спиной восторженный голос Заира.

— Госпожа Сония! — звал он. — Посмотри!

Соня нехотя спустилась с ведущей в Храм ступеньки. В незнакомом месте она предпочитала замечать все необычное. Однако в статуе, привлекавшей внимание степняка, ничего примечательного не было. Разве только то, что она стояла особняком от прочих. Это была умело вырезанная из камня фигурка молодой девушки. Незнакомка сидела,

склонив подбородок на скрещенные руки. Ее длинные волосы волнами стекали по плечам и окутывали согнутые ноги, сползая на постамент. Ровные дуги бровей над тонким носом с чуткими ноздрями говорили о благородном происхождении. Время источило работу мастера, покрыв изящные ступни сидящей выщербинами, а постамент мхом. Шея и грудь статуи скрывались в тени, лунные блики плясали лишь не округлостях бедер и колен.

Соня пожала плечами:

— Наверное, какая-нибудь богиня...

— Нет, смотри, госпожа Сония. — Заир потер пальцем мох на постаменте. Из зеленой поросли проглянули выбитые в камне слова. С трудом Соня разобрала древний язык: «...ной от смерт...» Заинтересовавшись, девушка принялась кинжалом отколупывать мох. Вскоре открылась вся надпись. «Бессмертной от смертного», — начиналась она. Дальше шли стихи, которые Соня перевела примерно так: «Твои глаза породили демонов, твои волосы сплели сети Сета, твои плечи скрыли солнечный свет. О прекрасная Да-йя, я слишком слаб. Что я могу? Нищий, я открываю свою котомку, вижу сияние рубинов и блеск золота, парчовые наряды и чистоту горного хрусталя, но лишь простой камень тронет твое сердце, о жестокая Да-йя. Вечность — имя его».

Девушка задумалась. Да-йей называли помощницу мага, которая, по слухам, получила от него дар бессмертия. На постаменте было четко сказано «вечность». Соне стало совестно. Неужели она зря обвиняла шаймана во лжи? Но возникшее было

раскаяние тут же сменилось привычной настороженностью. Если шайман не лгал, то где-то там, в глубине Храма Сновидений, под высоким портиком скрывался Маг.

От Мага не приходилось ждать хорошего — Соне доводилось встречать много колдунов, но ни один из них не вызывал у нее симпатий. Многие вовсе мнили себя богами и ни в грош не ценили чужую жизнь.

Девушка покрепче сжала рукоять ножа, мотнула головой Заиру:

— Приготовь лук.

Степняк завертел нечесаной башкой:

— Зачем? Здесь никого нет.

— Демон,— коротко пояснила Соня. Этого оказалось достаточно. Заир скинул с плеча лук, уложил стрелу в прицельный желоб, Зуриаб прихватил Пса за холку. Так они и вступили под портик Храма.

Их шаги отдавались в тишине Храма многократным эхом. Звуки гулко металась по полукруглым стенам, плыли под сводчатый потолок и исчезали в дыре в нем. Дыра имела форму семиплавниковой морской звезды. Проникающий в нее лунный свет озарял чашу Храма, выложенный огромными мраморными плитами пол с непонятными, похожими на кхитайские, иероглифами, исчерченные рисунками и цифрами известковые стены, возвышение в нише у дальней стены и пару открытых сундуков возле возвышения. Бегло осмотревшись, Соня опустила кинжал. Храм был небольшим, и она успела заметить махонькую нишу в правой

стене, но, судя по всему, в этой нише тоже никого не было. Маг или вышел, или...

— Госпожа Соня! — снова позвал Заир. Он стоял перед возвышением. Лук степняка валялся на мраморных плитах, забытый своим хозяином. Лунные блики плясали по восторженному лицу Заира.

— Сокровища, госпожа! Тут куча сокровищ! Великое Небо сжалилось над бедняком Заиром! — Прежде чем Соня успела отрыть рот, степняк содрал с себя рубаху, скрутил ее в узел и вытряс на пол скудное содержимое своей котомки. Постукивая по мраморным плитам, к возвышению покатились игральные кости, небольшой ножичек для заточки стрел, клубок запасных жил для тетивы. Опустошив котомку, Заир оглянулся. В его зрачках плавали сверкающие огоньки, свет луны прыгал по смуглым плечам, скрашивая шрамы, улыбка делала лицо совсем юным.

— Мы будем богаты, госпожа Сони... — Все еще глядя на Соню, восторженный мальчишка, не так давно бывший усталым воином, шагнул к возвышению. Пес предостерегающе заворчал, Соня вскрикнула. Круглая плита пола под Заиром неожиданно накренилась, словно крышка большой бочки, и встала вертикально. Заир взмахнул руками, его лицо озарила улыбка непонимания, словно степняк решил, будто над ним подшутили. На миг под его ногами мелькнула черная зияющая дыра, затем сверкнули испуганные глаза, вскинулись вверх смуглые руки с растопыренными пальцами, и крышка захлопнулась. На месте, где миг назад стоял Заир, издевательски блестел гладкий

мрамор. Соня бросилась к ловушке, сунула в щель кинжал, налегла на рукоять. Рядом, пытаясь подцепить крышку острием меча, закричал Зуриаб. Однако все усилия оказались бесполезны — крышка не поддавалась. Ее можно было открыть, только встав сверху. Но в этом случае люк переворачивался, погребая под собой очередную жертву. Удержать его силой было невозможно. «Магия?» — Девушка легла животом на пол, прижалась ухом к холодной поверхности. Где-то внизу, под каменной крышкой гулко завывал то ли ветер, то ли неведомая жуткая тварь. Соня выпрямилась. Поймав вопросительный взгляд Зуриаба, грустно покачала головой. Степняк отвернулся. Девушка взглянула на брошенный Заиром лук, подняла его, вскинула на плечо, совершенно инстинктивно подобрала игральные кости и запасную тетиву.

— Следи, — приказала она Зуриабу. — Я осматриваю Храм.

Степняк кивнул. Осторожно, вглядываясь в мраморные плиты под ногами, Соня двинулась вдоль стены. Она обошла Храм по кругу, потом, дважды, поперек. Ничего интересного не было. Ни ловушек, ни магических приспособлений, вызывающих древних богов, ни новых чудовищ. Храм выглядел мертвым. Ниша в правой от входа стене уползала куда-то вниз крутыми ступенями. Надписи и рисунки на стенах были или вовсе непонятны, или провозглашали какую-нибудь чепуху. Один из рисунков изображал купающегося в чане человека. Вода сбегала через края чана, тонкими струйками стекала в большие сосуды. Сосуды сто-

яли на одной чаше весов, при этом на противоположной, воздев руки к небу, сидел тот же человек, что купался в чане. Чаши пребывали в полнейшем равновесии. Что означал столь странный рисунок, Соня не знала, но работа мастера ей понравилась. И вода, и человек в чане выглядели, как настоящие. Покачивав головой, девушка двинулась к сундукам с сокровищами. Ей оставалось осмотреть только их да нишу с возвышением между ними. Сундуки от опасной ловушки отделяла мраморная ступенька в шаг шириной. Соня на глаз прикинула силу толчка, разбежалась и перепрыгнула через ловушку. Прыжок оказался несколько длиннее, чем она рассчитывала. Не удержав равновесия, девушка уперлась ладонью в возвышение. Неожиданно стена под ее пальцами дрогнула и поплыла в сторону. Помня о люке за спиной, Соня отдернула руку, но не попятилась. Возвышение медленно поворачивалось вокруг своей оси. Девушка увидела выплывающий из темноты подлокотник высокого каменного трона, на нем — кисть руки в красной перчатке, шелковый рукав халата. Чуть ниже, у ступеней — подол длинного старинного одеяния.

Mag!

Зуриаб попятился. Соня вскинула голову, собираясь открыто встретить взгляд владельца Храма, и замерла с открытым ртом. Перед ней, на троне из мрамора, на подушках, уже давно превратившихся в труху, восседал мертвец. Почти лысый череп скалил в улыбке сгнившие зубы, остатки волос, прилипшие к круглому темени, тор-

чали нелепыми желтыми клочками, над пустыми провалами глазниц свисал лоскут сморщенной кожи. Только одежда мертвеца каким-то чудом оказалась не тронутая временем. Красное атласное одеяние, наподобие шадизарского халата, пестрело вышитыми золотом звездами, перчатки из тонкой красной кожи обтягивали костлявые пальцы, из-под халата выглядывали сапоги с загнутыми вверх металлическими носами. Судя по трону и надменной позе, перед девушкой был Маг. Одна его рука покоилась на подлокотнике трона, пальцы другой стискивали свешивающийся с шеи талисман на витой серебряной цепочке.

— Уйдем отсюда, госпожа, — негромко сказал Зуриаб. — Не к добру тревожить мертвых.

Не оборачиваясь, Соня покачала головой. Маг уже не мог открыть ей секрет бессмертия, да и вряд ли он им владел, иначе не умер бы тут один, в пустом Храме, но уходить без добычи девушка не собиралась. Чутье подсказывало ей, что главные ценности Храма скрываются вовсе не в сундуках. Соня дотронулась до серебряной цепочки талисмана и задумалась. Перед смертью Маг распахнул сундуки с золотом и алмазами, но не смог выпустить из руки талисман. Выходит, только невзрачный, похожий на каменную монетку, кругляшок был для него настоящим сокровищем? «Нищий, я открываю свою копилку...» — вспомнила Соня слова на постаменте во дворе, и голос Айри: «Я возьму только одну монетку... Каменную». Шайман и Маг знали истинную ценность талисмана. Рано или поздно узнает и она. Соня решительно потянулась к груди мертвеца.

— Не надо! — крикнул Зуриаб. Не обратив на предостережение никакого внимания, Соня аккуратно разжала пальцы в кожаной перчатке. Высохшие кости хрустнули, ладонь Мага выпустила талисман и упала на пояс. Прямо на рукоять длинного трехгранного кинжала. Его девушка тоже решила прихватить с собой. Подобное оружие дорого ценилось в западных странах, рубин на рукояти стоил целого состояния, а лезвие еще могло послужить на обратном пути через горы. Но сначала — талисман.

Девушка оперлась на подлокотник трона, стянула цепочку через голову мертвеца и сунула талисман за пазуху. Рассмотреть его еще будет время. Церемониться со старыми костями иссохшего Мага она не стала. Скинув тощую руку владельца Храма с рукоятки кинжала, Соня вытащила приглянувшееся оружие из-за пояса покойника и с довольной улыбкой повернулась к одному из сундуков. От блеска драгоценных камней у нее зарябило в глазах. Присвистнув, девушка шагнула к сокровищам, опустила в сундук обе руки и, набрав полные пригоршни камней, бросила их Зуриабу. Сверкающие искры с грохотом покатались по каменным плитам пола.

— Собирай, — коротко сказала девушка. — Пригодится.

Степняк испуганно приоткрыл рот и замахал руками. То ли он хотел возразить, то ли попросту спятил от такого богатства, Соня решить не успела. Что-то цепкое ухватило ее за щиколотку и повлекло к трону. Опустив глаза, она увидела проросшее сквозь трещины в мраморе жалкое

растение. Его тонюсенькие ветви стелились по ступеням, напоминая паутину. Соня выдернула ногу из ловушки. Что-то звонко пискнуло, растение рванулось. Мраморная плита у трона, на которой стояла девушка, пошла трещинами.

— Беги! — крикнул Соне обретший дар речи Зуриаб. Пол под девушкой накренился в сторону ловушки. Прыгнуть она уже не успевала. Оставалось лишь влезть на трон, в компанию к мертвецу. Поморщившись, Соня схватилась за подлокотник. Плита под ее ногами затрещала, маленькое растение неожиданно поперло из всех щелей громоздкими, похожими на змей корнями. Извиваясь, они тянулись к ногам девушки. От сотрясений пола легкая, высохшая кисть мертвого Мага подпрыгнула на рукояти и обхватила Сонино запястье.

— Проклятье! — выругалась девушка, страхиная чужую руку. К ее удивлению, костлявые пальцы держали крепко. Мало того — они сжались. Рука Мага стала сгибаться в локте, подтаскивая Соню к мертвецу. Полы его халата распахнулись, обнажив костяные, покрытые ошметками гнили колени. Исходящий из-под халата запах гнилого мяса заставил девушку удвоить усилия. Упираясь ногами в подножие трона и не обращая внимания на ползающие под ней корни, Соня свободной рукой выхватила кинжал Мага. Лезвие вошло в грудь мертвеца, как в масло, но стиснувшие ее руку пальцы не разжались. Череп перед ней шевельнул челюстями, словно что-то пережевывая.

— Да-йя... — сквозь скрежет ломающихся мраморных плит расслышала Соня. Мертвец против-

но захихикал и поднял вторую руку, желая обхватить девушку за талию.

— Ты, вонючий, безглазый верблюд! — вырываясь, прохрипела Соня прямо в оскаленный рот Мага. — Я не Да-йя!

— Да-йя... — упрямо повторили челюсти мертвеца.

— Упрямый осел! — Ноги Сони ощутили прикосновение корней ожившего растения. Она попробовала отбрыкнуться. Одна нога соскользнула, мертвец дернул девушку к себе, и Соня очутилась на тощих коленях покойника. Недолго думая, она вцепилась кулаком под ухмыляющуюся челюсть. Пальцы заныли, а скелет лишь лягнул остатками зубов и прижал ее еще сильнее.

— Да-йя! — Безгубый череп потянулся к ее рту. От бывшего Мага несло тухлыми яйцами. Не имея возможности шевельнуться, девушка замотала головой. Краем глаза она видела Зуриаба и Пса. Первый орудовал мечом, пытаясь перерубить живые, извивающиеся под ногами корни, второй бессмысленно прыгал вокруг, наслаждаясь новой игрой. Обоим было не до Сони. Девушка рванулась еще раз. Прядь длинных волос выскользнула из ее прически и упала на то, что когда-то было лицом Мага. Рука, обхватившая ее запястье, дрогнула, пальцы разжались. Пользуясь передышкой, она потянулась за собственным кинжалом. Угадав ее движение, Маг придавил руку девушки костяным локтем, дотронулся до выскользнувшей огненно-рыжей пряди. Мертвые пальцы в красной перчатке ощущали волосы Сони, поднесли

рыжий локон к пустым глазницам. Мгновение Маг «смотрел» на находку, а потом неожиданно резким движением сбросил девушку с колен. К счастью, толчок оказался достаточно сильным — она перелетела через опасный люк и приземлилась за спиной Зуриаб. Тот уже заканчивал битву с ожившим растением. Пес, похоже, наконец уразумев, в чем дело, с хрустом разгрызал выползающие из-под земли корни. По-кошачьи приземлившись на руки и колени, Соня рубанула кинжалом впившийся в локоть корешок и вскочила.

Мертвый Маг спускался со своего трона. Красное одеяние скользило по полу, мимо ловушки, по живым корням, которые тут же ссыхались и исчезали в трещинах, из которых только что вылезли. Череп мертвеца трясся на змееподобной костяной шее, изо рта текла зеленоватая слюна, руки в красных перчатках тянулись к девушке.

— Ты не Да-йя! — гневно шипел бывший Маг. — Умри!

Его пальцы, словно пауки, пробежали по вышитому звездами атласу халата, нащупали во-нзившийся в грудь кинжал, легко выдернули его наружу. Соня пригнулась, готовясь к прыжку. Маг занес руку для броска, и в этот момент пол под ногами Сони взорвался тысячью осколков. Мраморные брызги застучали по стенам Храма, тонко взвизгнул Пес. Из провала под ногами девушки вырвались свернутые жгутами корни, оплели ее щиколотки. Блестящее лезвие вылетело из руки Мага. Уже понимая, что поздно, Соня пригнулась и метнула в мертвеца нож Тахата. Ее бросок не

достиг цели, так же как бросок Мага. На пути смертоносного лезвия вырос Зуриаб.

— Нет! — грудью закрыв девушку, выкрикнул степняк. — Только не она!

Кинжал Мага ткнулся в его плечо. Степняк охнул, качнулся, но не отступил. Здоровой рукой он поднял исковерканный, перемазанный бурым соком растения меч.

— Нельзя... — пятась от Зуриаб, прошелестел скелет. — Я... Я — Хозяин.

— Больше — нет. — С этими словами степняк опустил оружие. Черепушка Мага подпрыгнула над костяной шеей, державшие ее позвонки разлетелись в разные стороны, как горошины с порвавшихся бус. Превратившееся в груду костей тело рухнуло на пол. Гремя по разломам плит, снесенный череп прокатился с десятков шагов и, подскочив, нырнул в провал между обломками мрамора. Державшие Сноу корни ослабли, с шелестом поползли вниз, под Храм. «Наверное, эта тварь и сожрала Заира, в том люке», — выворачиваясь и отскакивая подальше от опасного места, подумала девушка. Отряхиваясь от коры и сока растения-людоеда, она оглядела затихший Храм Сновидений. Вернее, развалины Храма. Некогда гладкий пол теперь был искорежен, как после землетрясения, вход прочно затянула тонкая, уже знакомая Соне и с виду такая безопасная паутина, на разломанных плитах, шипя и плюясь бурым соком, извивались обрубки корней. Единственным уцелевшим местом оставалась ниша с пустым тронem и слегка покосившимися сундуками. Тяжело дыша и опираясь на меч, Зуриаб вместе с девушкой осмат-

ривал учиненный погром. Пес лежал у его ноги, деловито выкусывая что-то на собственном зад.

— Зуриаб сделал это? — обводя Храм рукой, удивленно поинтересовался степняк. Он искренне недоумевал. Соня улыбнулась:

— Мы сделаем еще не то! Давай-ка возьмем, что нам причитается, и пошли отсюда. Кстати, выдерни из своего плеча эту гадость. — Она указала на кинжал Мага. По мнению девушки, рана степняка была неопасной. Она могла лишь ослабить Зуриаба, но это потом, когда уляжется пыл схватки и потеря крови будет достаточно большой. А пока этого не случилось, следует поторопиться. Чем дальше они уйдут от проклятого Храма, тем лучше. Осталось лишь прихватить парочку камешков покрупнее.

Пока Соня, привычно перескочив через ловушку, копалась в сундуках, Зуриаб выдернул из раны кинжал и даже обмотал плечо лоскутом, оторванным от одеяния бывшего мага. Дожидаясь окончания поисков, он стоял, прислонившись спиной к подлокотнику высокого трона. Занятая отбором камней девушка не обращала на него внимания, пока не услышала позади сдавленный стон. Она сунула в карман крупный семигранный алмаз и обернулась. Бедняга Зуриаб едва держался на ногах. Его лицо приобрело мертвенную бледность, руки тряслись, дыхание с хрипом вырывалось из груди, а посиневшие губы беззвучно шевелились. Забыв о сокровищах, девушка подскочила к степняку. «Яд, — мелькнуло у нее в голове. — Кинжал Мага был отравлен!»

— Что-то я устал... Прости, госпожа, — склонившись к губам степняка, разобрала она. — Спать...

Бессмысленно обшарив Храм взглядом, Зуриаб вдруг повернулся и полез на трон. Соня попыталась удержать его, но с неожиданной силой Зуриаб оттолкнул девушку и рухнул на тухлявые подушки. Голова степняка откинулась на мраморный подголовник, на губах проступила блаженная улыбка.

— Отдохну... — слабо пробормотал он, вздрогнул и затих. Соня стиснула кулаки. Смерть Зуриаба была нелепой, как дурная шутка. На всякий случай девушка шагнула к степняку и тронула его запястье, проверяя пульс. Сердце Зуриаба не билось. Поразмышляв, Соня выудила из карманов драгоценности и ссыпала их обратно в сундук. Потом отыскала на полу убивший Зуриаба кинжал и положила оружие степняку на колени. Теперь Храм, все его сокровища, видения и божества во дворе принадлежали Зуриабу. Он заслужил право почивать на мраморном троне в роскошной могиле.

Подобрав с пола все, что еще могло пригодиться в пути, Соня окинула Храм Сновидений прощальным взглядом. Мертвый Зуриаб сидел на троне, откинув голову. На его губах застыла улыбка, рядом стояли распахнутые сундуки, у подножия, свернувшись клубком и уткнув слепую морду в колени хозяина, лежал Пес.

— Пошли, Атар, — позвала девушка собаку. Она уже знала, как будет выбираться из Храма. Трогать затянувшую вход паутину не хотелось, значит, существовал лишь один выход — лестница в маленькой нише. Конечно, если там был выход.

Пес поднял слепую морду с колен Зуриба и, скульнув, уложил ее обратно.

— Пошли,— девушка подошла поближе, потянулась к косматой холке,— подохнешь тут с голоду, дурак.

Словно возражая, пес угрюмо заворчал и прижался к ногам мертвого хозяина. Соня вздохнула, порылась в чудом уцелевшей котомке. Остаток сушеного мяса, чуть больше ладони, был аккуратно завернут в тряпицу. Другой еды у девушки не осталось. Не размышляя, Соня развернула тряпку и положила мясо возле влажного собачьего носа. Пес отвернулся.

— Как хочешь.— Девушка прикоснулась ладонью к мягкой шерсти Пса.— Айри говорил, ты проживешь без еды тысячу лет, но я все же оставляю мясо. Захочешь — съешь. Хоть через тысячу лет.

Не поворачивая головы, Пес тяжело вздохнул. Девушка забросила котомку за спину, заткнула за пояс кинжал Тахата и не оборачиваясь пошла к темной нише. За ее спиной царил тишина.

Утро Соня встретила на скалах, далеко от Храма Сновидений. Спускавшаяся из ниши лестница вывела ее на узкое плато. Всю ночь она карабкалась по крутому склону, пытаясь усталостью отогнать горькие воспоминания. К рассвету девушка оказалась в зажатом между скал ущелье. Над горами поднималось солнце, за поясом торчал кинжал Саббидзара.

А на шее девушки сверкал талисман Да-йи...

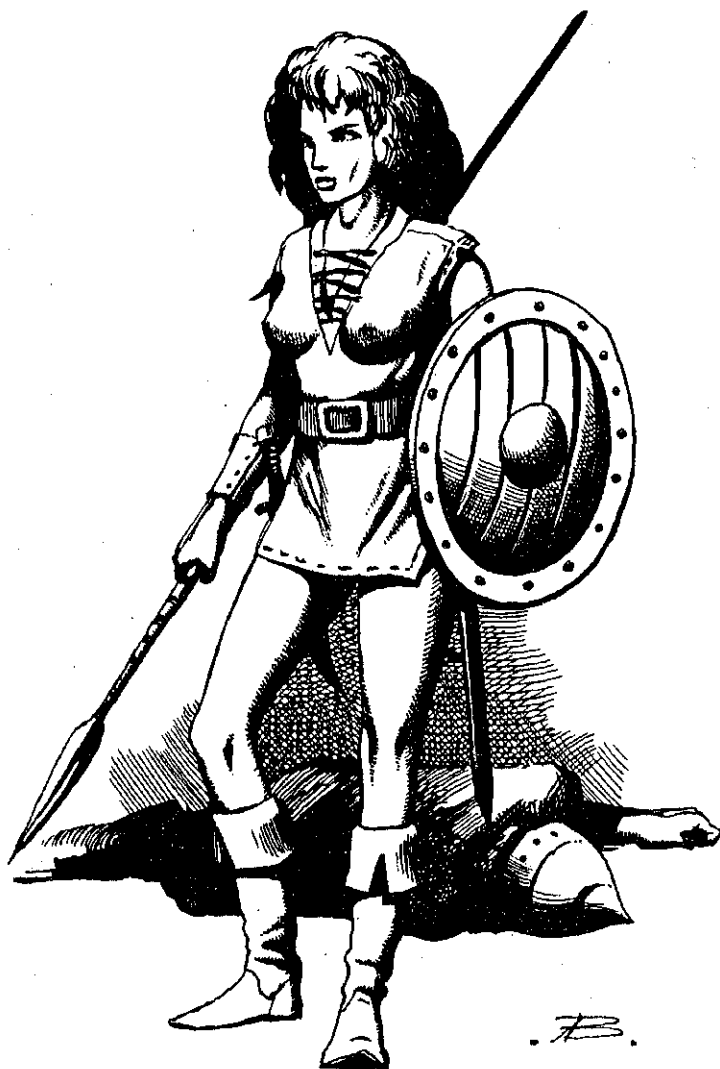
Глава первая

Солнечные зайчики весело прыгали по дну ручья, покрытому мелким желтым песком и голубой галькой. Жирные рыбы, поблескивая золотом и серебром чешуи, медленно плыли по течению. Ручей был узок и неглубок; по земле Аргоса он тянулся до самого Шема, никуда не сворачивая, зато в Шеме извивался подобно змее, скакал меж кочек и холмов, падал с каменистых круч и в конце концов превращался в жалкую тоненькую струйку мутной воды, которая исчезала в расщелине у стены прекрасного древнего города Асталуна.

Перед полуднем стало совсем жарко. Природа безмолвно изнемогала под палящими лучами белого солнца. Изредка только в глубине полосы леса вскрикивала птица, ей вторила другая, но потом обе замолкали, и снова воцарялась тишина.

Одиноким путником, бредущим вдоль берега ручья, сбросил с плеч дорожный мешок и остановился. Его грубая холщовая рубаха намокла от пота и прилипла к спине. Со стоном сорвав ее,

он остался в одних тонких полотняных шароварах. Затем, поразмыслив немного, решительно стащил и их. Вот теперь ему было хорошо. Он уселся на пухлой кочке, покрытой шелковистой нежно-зеленой травой, и впериł утомленный взор в чистые синие воды ручья.

Третий день он шел по Аргосу, надеясь найти временное пристанище и работу. Он был искусным поваром, умел мыть полы и чистить медные котлы, знал толк в кузнечном деле, а однажды даже принимал роды — правда, у козы. Однако в деревнях и на постоянных дворах, где ему уже довелось побывать, требовались лишь зубодеры да девицы легкого поведения, а этими ремеслами он не владел.

Сидя на кочке, с тихой грустью в душе он подумал о своей жизни. Половина ее была почти прожита. Во всем огромном подлунном мире для него не нашлось крова, женщины и верного друга. Таверны и постоянные дворы заменяли ему первое, а случайные попутчики — второе и третье. Он не сетовал на судьбу и не клял богов — ну, разве что так, по привычке; он спокойно принимал сонмы мелких и крупных несчастий, что постоянно сваливались на его голову; он никогда никого не предавал, хотя порой ему и приходилось протыкать мечом насквозь какого-нибудь нахала; он прошел сотни дорог и видел тысячи людей; он — жил. Пожалуй, за одно это можно было благодарить судьбу...

Но почему ж тогда сейчас, обозревая прошлое, он глубоко вздохнул и помрачнел?

Тяжело поднявшись, он подошел к самой воде. Там отражались тонкие ветви деревьев и тени пролетающих птиц. Он зашел в ручей по колено, чуть постоял, с любопытством наблюдая за передвижением ленивых рыб и стаяк шустрых мальков, потом ухнул и присел. Наверное, обитателям ручья он показался китом, ибо они тут же бросились врассыпную, а одна золотая рыбка даже выпрыгнула на берег, где и валялась теперь, разевающая рот. Он же, повизгивая от удовольствия, выкупался, затем вылез из воды, встряхнулся и снова уселся на свою кочку.

Мимо пробежал непуганный суслик. Из кустов, буйно растущих в десяти шагах от ручья, высунулась голова косули. На противоположном берегу прогуливался кабан. Все они глядели на голого человека без страха, но и без симпатии, видимо, полагая его каким-то неведомым зверем — судя по отсутствию когтей и клыков, не опасным. В ответ и он смотрел на них, но его взгляд был гораздо мягче. Так сильный смотрит на слабого, а старший на младшего, если, конечно, в сердце нет злобы...

Он вспомнил вдруг своего последнего друга и спутника — вороного коня, которого загнал две луны тому назад, спасаясь от отряда диких пиктов. Затем вспомнил последнюю женщину и последний дом, приютивший его на пять ночей... Затем...

Кусты зашуршали, и косуля метнулась мимо него, по кромке воды. Брызги окатили его большое тело, уже успевшее высохнуть под жаркими лучами. Он обернулся.

Чудо ли появилось из кустов? Фея? Богиня? Он не мог сразу определить, однако его широкое румяное лицо расплылось в улыбке, а рука сама потянулась за шароварами, да так и замерла в воздухе. Да, давно не приходилось ему встречать таких прелестниц, пусть даже и облаченных в мужское одеяние.

Девушка не торопясь распутала прядь ярких рыжих волос, зацепившуюся за колючую ветку, и вышла к ручью. Похоже, пейзаж с голым мужчиной посередине, представший ее глазам, ничуть не смутил и не испугал ее. Она окинула равнодушным взглядом прозрачные воды ручья, удивленного кабана на том берегу, ковер шелковистой травы, большого человека — и преспокойно устроилась здесь же.

Пока она снимала дорожный мешок, широкополую шляпу и высокие сапоги, подкованные железом, одинокий путник по-быстрому облачился в свои полотняные шаровары, с огорчением обнаружив, что они порваны именно на том месте, ради прикрытия коего он их и носил. Тогда он положил на прореху ладонь и вежливо откашлялся, собираясь начать светскую беседу с прекрасной незнакомкой.

Увы. Ничего из этой затеи не вышло, ибо как раз в этот момент девушка поднялась, скинула с себя всю одежду и не спеша направилась к ручью. Ее обнаженная фигура, стройная и высокая, светилась в желтых густых лучах солнца, а золотые волосы сверкали так ярко, что на них невозможно было смотреть.

Так что вместо слов изо рта одинокого путника вырвалось лишь жалобное мычание; темные голубые глаза его замутились; он побагровел и шумно задышал.

А прекрасная незнакомка, даже не взглянув в его сторону, нырнула. Да так ловко, так изящно, словно в прошлой жизни была речной богиней. Солнце блестело и переливалось в ее волосах, в хрустальных каплях на ее лице и руках. Она резвилась и плескалась, и в полуденном воздухе звенел ее тихий серебристый смех...

Одинокий путник отвернулся и попробовал восстановить дыхание. Взгляд его случайно упал на брошенные девушкой вещи.

Одежда ее — бархатные штаны, тонкая шелковая рубашка и расшитый алыми цветами жилет — была богатой, но уже поношенной; слой серой пыли покрывал ее сплошь. Под широкополой шляпой лежал лук, рядом колчан со стрелами, а еще раньше одинокий путник приметил на поясе прекрасной незнакомки кинжал в потертых кожаных ножнах.

Он привстал, вытянув шею, осмотрел ее имущество. Свойственное едва ль не с самого рождения любопытство неудержимо влекло его к дорожному мешку девушки, но он успешно поборол в себе эту слабость и снова сел на место. Мысли о напрасно прожитой половине жизни улетучились из его головы. Сейчас он думал о рыжеволосой красавице, явившейся ему среди дня в пыльных и плодородных землях Аргоса. Он так мечтал о любви — может, нынче он нашел ее?

Тень скользнула по нему и мимо. Девушка, нисколько не смущаясь своей наготы, прошла к вороху одежды и вытянула оттуда белую тонкую рубашку мужского покроя. Рубашка была чуть велика ей в плечах, но сие лишь умилило одинокого путника. Не отнимая ладони от прорехи на шароварах, он встал и учтиво поклонился спине прекрасной незнакомки.

— Далеко ли держишь путь, красавица? — спросил он сиплым, словно простуженным голосом.

— В Асгалун, — коротко ответила она, застегивая перламутровые пуговицы, в каждой из которых мерцало отражение солнца.

— Кхм... И я туда же... — неуверенно сказал он, ибо до сего мига туда не собирался. — Меня зовут Шон. Назови мне твое имя, а потом...

— Соня.

От природы нежный голос ее был холоден, хотя не суров. Она посмотрела на Шона как на пустое место и равнодушно отвернулась. Видимо, ее не только не волновал вид обнаженного мужчины, но и не интересовало, что он может предложить ей на «потом».

— Славное имя, — улыбнулся он, наконец приходя в себя. — Помнится, я слышал про одну храбрую девчонку, так ее звали Рыжей Соней.

— Я — Рыжая Соня.

Вот теперь в светлых серых глазах девушки мелькнуло удивление. И тут же ее тонкое лицо, до того похожее просто на красивую маску, чуть оживилось.

— Кто говорил обо мне?

— Араф, купец из Эрука.

— Я его не знаю.

— Зато он отлично знает тебя. Год назад его караван шел в Хоарезм. На середине пути на него напал отряд разбойников и...

— Отряд! — хмыкнула Соня. — Нас было трое. Мы налетели на них как ураган. Глупый купец завизжал и упал в обморок, а охранники бросились наутек, побросав оружие. Клянусь Белом, из дюжины их осталось только четверо, да и те...

— Вижу, ты все же помнишь купца Арафа.

— Я его вспомнила, — нехотя согласилась Соня.

Она снова отвернулась, предоставив собеседнику приятную возможность лицезреть ее спину и гриву пышных золотых волос. Шон усмехнулся. Он успел заметить, как серые глаза ее потемнели, а темно-рыжие брови сошлись у переносицы. Девушка была юна и не научилась еще скрывать свои чувства. Сейчас она явно сетовала на себя за то, что вдруг разболталась с незнакомцем и открыла ему одну из тайн прошлой жизни. Шон готов был поклясться, что таких тайн у нее накопилось уже немало.

— Знаешь, в моем мешке есть хлеб и два куска сыра... Не пора ли нам с тобой закусить перед дальней дорогой?

Соня пожала плечами, однако отказываться не стала. К хлебу и сыру она добавила кусок солонины, пару луковиц и флягу красного вина, так что трапеза получилась поистине королевская. Одно омрачало настроение путешественника: девушка не проронила и слова с того мгновения,

как он разоблачил ее маленькую невинную ложь. В прекрасных глазах ее тлел мрачный огонек, а сам взор был подозрительно кроток. О, Митра! Уж не вознамерилась ли она прикончить его как лишнего свидетеля?

Шон перестал жевать и настороженно посмотрел на Соню, но затем вдруг весело расхохотался. Он — бродяга, боец, наконец, взрослый мужчина испугался девчонки? Да он сейчас подавится мясом от смеха!

Подавиться мясом ему не пришлось — хотя бы потому, что в следующий миг бывалому бродяге и бойцу было вовсе не до смеха. Острие кинжала коснулось его горла, причем Соня преспокойно пила вино из фляги и мечтательно смотрела в синее небо. Вид ее был столь невинен, что Шон заворочал глазами: нет ли здесь кого, кто мог бы держать кинжал на его кадыке? Вокруг не было ни души. Только кабан все еще гулял на том берегу ручья, но он точно был вне всяких подозрений.

Неожиданно рука, сжимавшая рукоять, ослабла; лезвие скользнуло по горлу вниз.

— В твоих черных волосах я вижу белую прядь.— Голос Сони заметно смягчился.

— И что? — смог промычать Шон.

— Откуда ты родом?

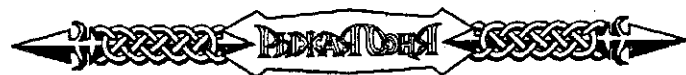
— Из Аквилонии.

— А твое прозвище...

— Одинокий Путник.

Наконец она убрала кинжал.

— Вот уж никогда не думала, что доведется встретиться с Одиноким Путником,— примиритель-

но сказала девушка, вытирая лезвие о траву, словно бы оно было в крови.— Если б не эта седая прядь...

— Я с ней родился,— пояснил Шон и снова принялся за мясо. Не стоило обижаться на девчонку. В конце концов, не зарезала же она его.

— Прости,— все же догадалась сказать Соня.— Сначала я подумала, что ты из хаков. Я знаю: они шныряют везде. Я видела их в Туране, в Офире и Шеме... Проклятые немедийцы повсюду рассовали своих шакалов.

— Да,— кивнул он,— это верно. Только одно лишнее слово еще не означает, что перед тобой — хак.

— Я же извинилась.— Соня пожала плечами и попыталась виновато вздохнуть — у нее ничего не вышло. Тогда она отбросила со лба рыжую прядь и засмеялась.— А скажи мне, Одинокий Путник, отчего ты столь усердно прижимаешь ладонь к тому месту, кое другие мужчины так и норовят выставить напоказ?

— Шаровары порвались,— буркнул Шон, принимая из рук девушки кувшин с вином.

— Ты мог бы зашить их.

— У меня нет иглы.

— У меня есть. Вот, возьми.

Соня отогнула кружевной воротничок рубашки и вынула из него длинную иглолку, на которую были намотаны белые нитки.

Пока Шон зашивал шаровары, орудуя иглой на удивление ловко, девушка сложила остатки трапезы в свой дорожный мешок, туда же затол-

кала жилет, затем связала за ушки сапоги и вместе с луком и колчаном закинула их за спину.

— Ты и в самом деле идешь в Асгалун? — с сомнением в голосе спросила она.

— Нет, — честно ответил Одинокый Путник и откусил нитку. — Но мне все равно, куда идти. Поэтому я могу сопровождать тебя в Асгалун.

Он вернул Соне иголку, поднялся, отряхнул шаровары. Теперь они стояли рядом и смотрели друг другу в глаза. Он — с улыбкой, она — нахмурив брови, испытующе, будто прикидывала, стоит ли брать его с собой. Все, что ей привелось слышать об Одиноком Путнике, неизменно вызывало в ней уважение и даже восхищение. Говорили, он был храбр и силен как лев; говорили, он был умен и благороден как король; в Туране его проклинали и называли возмутителем спокойствия, а в Гиркании о нем слагали песни и легенды. Соня не могла себе представить, что Одинокый Путник может оказаться молодым еще человеком с добрыми, очень темными голубыми глазами и приветливой улыбкой. Но теперь и она улыбнулась.

— Хорошо, идем.

И они зашагали на восток, к Асгалуну.

* * *

— Ты осторожна, — говорил Шон, пробираясь впереди Сони сквозь заросли колючих кустов. — И мне это нравится. Конечно, нельзя доверять первому встречному, но точно так же нельзя и...

— ...не доверять никому, — со вздохом заключила девушка. — Я знаю. Об этом мне говорили мои

родители, мои учителя... Но послушай, Одинокый Путник. Ты бродишь по миру много лет; ты повидал многое и многих — так неужели ты никогда не встречался с предательством? Неужели не случилось тебе в ужасе смотреть на друга, что продал тебя за пару серебряных монет? Неужели не приходилось тебе с горечью в сердце спешно покидать таверну или постоялый двор, потому что среди твоих сотрапезников или собутыльников оказался хак?

— Бывало, — отозвался он. — Бывало всякое. По доносу одного такого парня я полгода просидел в подвале туранской темницы. А другой мой добрый товарищ убежал, когда я дрался с десятком разбойников в горах Кофа... О, боги, да когда же кончатся эти кусты?.. Но мне тридцать семь лет, а тебе — едва ли двадцать. Откуда же тебе знать, девочка, что есть предательство?

— Знаю, — сумрачно ответила Рыжая Соня.

Ручей, вдоль коего они продолжали путь, звенел и переливался под солнцем всеми цветами радуги. Половина дня миновала, и сейчас птицы порхали в синей вышине, весело щебеча; ветер зашевелил ветви деревьев и погнал волны по мягкой траве; из-за горизонта показались облака, стройной цепочкой бегущие прямо к солнцу.

— И все же могу сказать тебе, что верных друзей у меня было гораздо больше. Увы — часто дороги наши расходились, потому что меня влекло в одну сторону, а моего друга — совсем в другую. До сего дня никто не дошел вместе со мной. Я слышал: кто-то погиб в сражении, кто-то пропал

бесследно, а кто-то обзавелся семьей и стал добропорядочным землепашцем либо ремесленником... Фу-у, ну вот мы и вышли на ровное место. Погляди-ка, Соня, какая красота кругом.

— Да ну ее к Нергалу,— отмахнулась девушка.— Лучше расскажи мне, как ты оказался в туранской темнице.

— Простая история. Только начало ее в далеких временах. Думаю, в ту пору ты только училась писать буквы.

— Зато теперь я умею писать на трех языках,— сердито перебила его Соня.— Знаешь, Одиноким Путник, не говори со мной, как с девчонкой. Я тоже прошла немало дорог; я опытный боец; я могу выпить три кувшина вина и остаться в своем уме, я...

— Я понял,— скрывая усмешку, кивнул Шон.— И больше не буду говорить с тобой, как с девчонкой.

— Так что за история? — нетерпеливо спросила девушка, подымаясь на холм высотой в человеческий рост. Судя по всему, она не умела долго обижаться; а еще ее спутник заметил, что она явно не умела обходить препятствия — холм торчал на равнине, как бородавка на ровном месте. Сам Шон не полез на него вслед за Соней, а спокойно обогнул его с правой стороны, потратив шагов на десять меньше, чем она.

— Мне было тогда двадцать пять — возраст зрелого воина, каковым я и являлся. Я служил в наемной армии Шема; я был простым солдатом, что не мешало мне иметь множество друзей.

Мы стояли в Асгалуне. В первой половине дня наш десятник заставлял нас сражаться с чучелами. Мы набрасывались на них, как звери на приманку, рыча и сопя, и в несколько мгновений весь доблестный отряд оказывался в пуху и в соломе, а уж прочихаться мы не могли до самого вечера. Это называлось учениями и впоследствии принесло пользу. Какую? Клянусь, с тех пор я запросто могу распотрошить любое чучело, которое только покажется мне подозрительным...

Шон расхохотался. Рыжая Соня, не мучаясь размышлениями о правилах приличия, вторила ему звонким залившимся смехом. Суровая кочевая жизнь сделала ее маленькие ручки крепкими, а теплые серые глаза ледяными, но ведь ей было всего двадцать лет — душа ее давно требовала радости и свободы; легкой походкой шагая рядом с Одиноким Путником, девушка наслаждалась покоем, простором, чистым воздухом и той красотой, которую только что посылала к Нергалу. Гордость, гнев, сокрытые в сердце и бережно там хранимые, забылись в эти прекрасные мгновения. Соня вздохнула освобожденно и повернулась к спутнику, что шел чуть позади.

— А потом? — с улыбкой спросила она.— Когда ты побеждал чучело — что ты делал?

— Потом я учился окружать противника. Мы, парни из отряда десятника Белого Медведя, разбредались по Асгалуну и болтались до вечера, умирая от скуки. Я и мой приятель Сааби обычно шли к восточным воротам и там играли в кости с охранниками. С наступлением сумерек на наших

унылых физиономиях появлялось весьма загадочное выражение. Тогда охранники осыпали нас ругательствами и прогоняли прочь: они просто тряслись от возмущения, ибо знали, что сейчас будет. Да, мы важно отворачивались от стола, отказываясь платить, если уже проиграли, затем вставали и удалялись мягкими кошачьими шагами. (Теперь-то я представляю, как смешно мы выглядели тогда.) Мы воображали себя в стане неприятеля — вот мы подбираемся к шатру, где отдыхает полководец, вот мы достаем кинжалы... О, как же вопили и бранились жители славного Асгалуна, когда мы крались по улицам со зверскими рожами и с кинжалами наперевес. Конечно, для них не было тайной, что наемная армия проводит учения, однако, думаю, особенного удовольствия от встречи с нами в темных переулках они не получали.

Итак, мы прокрадывались к зданию, на которое еще днем указывал нам десятник...

— Нетрудно догадаться, что этим зданием непременно оказывался какой-нибудь постоялый двор, — усмехнулась Соня.

— Точно! Так вот, когда сумерки сгущались, постоялый двор уже был окружен доблестными солдатами из нашего отряда. Десятник — а он до поры прятался за углом соседнего дома или за раскидистой липой — давал команду, и... мы с воинственными криками, свистом и улюлюканьем нападали на логово противника. Одни врывались в дверь, другие лезли в окна... Ну, посетители немного пугались, некоторые даже пытались убе-

жать... Хозяин бывал очень недоволен, но потом ему платили за убытки из городской казны, и он на время успокаивался — пока его заведение вновь не становилось предметом наших бурных атак.

— И затем вы гуляли всю ночь?

— Не всю — только половину. Десятник прогонял нас в казарму, едва лишь рассеивалась тьма. Вот и все.

— Нет, Одинокый Путник, — сердито сказала Соня, останавливаясь. — Не все. И не морочь мне голову. Ты обещал рассказать, как попал в туранскую темницу, — вот и рассказывай. Я поняла, что история твоя начинается в те веселые времена, когда ты служил наемником в армии Шема и брал приступом местные постоялые дворы. Что же произошло там?

— Ты проявляешь поистине чудеса проницательности, — пробормотал Шон. — Идем, до ближайшего постоялого двора осталось совсем немного.

— Нет!

Соня топнула ногой и с гневом посмотрела на спутника.

— Воительница! — с восхищением покачал головой Шон. — Ладно. По дороге расскажу... Идем же!

И он пошел вперед, удивляясь самому себе безмерно: с чего вдруг он открылся этой девчонке? Нергал ли его попутал? Или серые ледяные глаза маленькой разбойницы околдовали его?.. Да, было в ней нечто такое, что отличало ее от множества других девиц, коих Шон встречал прежде. Конечно, за четверть дня знакомства он не мог определить, что это было за нечто, однако —

и при мысли сей он снова себе удивился — пока он не собирался с ней расставаться, и суть ее истинную думал выяснить позднее...

Он слышал ее мягкие шаги за спиной — она все-таки шла за ним — и улыбался, чувствуя на расстоянии, как она зла сейчас.

— Подойди ближе, Рыжая Соня,— сказал он, не оборачиваясь.— Я хочу поведать тебе, что произошло двенадцать лет назад в городе Асгалуне.

Шон улыбался, но в низком голосе его легко можно было расслышать нотки раздражения. И не подумав отнести сие на свой счет, девушка приблизилась.

— Ну, слушай...

Глава вторая

- Что поделать — я был тогда резв и чист душою. Хотя я и участвовал в двух войнах и десятках сражений, нрав мой остался прост: я доверял всякому слову и всякому взгляду. Тогда я еще не знал, что и глаза могут лгать...

Однажды парень из моего отряда — туранец Бабен — отозвал меня в сторону и трагическим шепотом поведал о своем несчастье.

Здесь, в Асгалуне, у него была возлюбленная, некая Хида из старинного и очень богатого шемитского рода. По словам туранца, девица отличалась всеми мыслимыми добродетелями, то есть умом, добротой, красотой и, самое главное, скромностью. Она отвечала ему взаимностью и мечтала стать его супругой, но — жестокие родители противились этому союзу. «Не для того,— так говорили они,— растили мы ее в холе и неге, чтобы потом отдать первому попавшемуся нищему туранцу...» И они велели даже близко к воротам не подпускать этого парня.

Хида рвала волосы и дни проводила в безумных рыданиях, Бабен по-мужски тихо плакал по ночам, однако изменить они ничего не могли. В общем, все счастье их будущей жизни рушилось; девицу прочили замуж за богатого и старого шемита; оба влюбленных готовились к вечному страданию.

«Ты должен мне помочь,— сказал мне Бабен.— Только тебе я могу доверить похищение моей невесты. Я знаю, ты привезешь ее ко мне в целости и сохранности». Я глубоко задумался. Я — аквилонец. В моей стране подобное преступление карается отсечением правой руки и всеобщим презрением. Законов Шема я не знал, но был уверен, что они столь же суровы по отношению к похитителям честных девиц.

И все же не страх перед наказанием заставлял меня сомневаться. По правде говоря, сам Бабен не отличался приятной наружностью и спокойным нравом. Он был очень худ, очень бледен и носат; в его черных глазах всегда горело безумство; он не терпел дружеских пирушек, предпочитая им уединенную беседу с десятником или, на худой конец, с десятником; он смотрел на товарищей с необъяснимым высокомерием и ужасно сердился на любую, самую безобидную шутку; он был подвержен приступам злобы, во время которых кусался и плевался как истеричная старая дева. Вот какой человек попросил меня о помощи!

По молодости лет — или, скорее, по наивности своей — я гордо отверг сии оправдания для

отказа. «Нет,— сказал я сам себе.— Каков бы он ни был, но он — мой товарищ. Мы служим в одной армии и даже в одном отряде. Я должен ему помочь». Конечно, я подумал и о том, сколь тяжело жить в разлуке с любимой, а также о том, какое забавное приключение ждет меня и как я развеюсь от противной скуки, что одолевала меня в последнее время все чаще.

«Хорошо,— после некоторого размышления решительно ответил я и протянул Бабену руку.— Я украду для тебя девицу Хиду. Скажи: ты подумал, когда это сделать и как?»

«Да, я подумал,— он пожал мою руку, криво усмехаясь, видимо от пережитого волнения.— Каждый вечер она выходит в сад и бродит там печально, вспоминая обо мне. Стена вокруг дома и сада каменная, но не слишком высокая, примерно в полтора твоих роста. За ней, на улице, растут ветвистые деревья. Около них теперь всегда ходят стражники — стерегут меня. Я знаю, родители Хиды приказали им не подпускать меня даже близко, так что, если я сам появлюсь там, меня сразу заметят и прогонят, а на тебя — человека незнакомого и имеющего право ходить по улицам Асгалуна сколько душе угодно просто не обратят никакого внимания. Ты спокойно подойдешь к дереву, залезешь на него и оттуда переберешься на стену. Дабы Хида не испугалась и не завопила, увидя в полумраке твою крупную фигуру, ты спрячешься; когда она пройдет мимо тебя, прыгай подобно пантере, хватай ее и крепко зажимай ей рот. Она не так

худосочна, как ваши аквилонки, но и не так пышнотела, как шемитки и туранки, поэтому ты легко сможешь переволочь ее на стену. А дальше — только одна задача: перебежать через улицу так, чтобы стражники вас не заметили, повернуть за дом и там, у таверны «Сладкоголосая Айзель», передать Хиду мне. Ты сделаешь это, друг?»

«Я сделаю это», — твердо сказал я, отвернувшись от Бабена, который почему-то сейчас еще более был неприятен мне, и пошел в казарму.

«Помни! — закричал он мне вслед. — Остался один день! Потом ее увезут в Офир!»

Позже, за вечерней трапезой, он шепнул мне, что Хиду отправляют в Офир к престарелой тетке, тирану и злоке. Она запрет несчастную девицу в своем огромном пустом замке, полном призраков, а родители тем временем начнут спешно искать в Асгалуне богатого жениха.

Мне было искренне жаль Хиду. Ясное дело, я не мог уразуметь, чем же ей так приглянулся наш Бабен, однако справедливо полагал, что любовь, являясь к нам внезапно, не спрашивает нашего согласия, равно как и не учитывает наших симпатий. А уж девичье сердце тем более готово воспылать к любому проходимцу, лишь только он посмотрит любезно да ласково. Нет, Соня, не пронзай меня суровым взором. Я понимаю, что не все девицы простодушны и доступны, но большая часть их именно такова — поверь мужчине, прошедшему сто дорог и тысячу троп и повидавшему столько женщин, сколько есть звезд на небе.

Бедные! Как страдают они потом, как рвутся сердца их, когда коварный обман раскрывается и уже нет иллюзии и нет сил терпеть! Ты, Рыжая Соня, воительница, видала ли таких? А я видал и многих даже утешал.

Гляди-ка, вон там, на горизонте, темная тучка. Это и есть постоялый двор. Давай поторопимся. Здесь проходит граница между Аргосом и Шемом и проезжающих очень много. Нам надо занять комнату. Надеюсь, ты не собираешься идти всю ночь?

— Почему бы и нет, — легко ответила Соня. — Но если ты устал, то можно остановиться на постоялом дворе. В конце концов, ты уже не молод, а я приучена уважать старших.

Шон усмехнулся. Бывали времена, когда он шел без остановки два, три дня; спал на ходу, продираясь сквозь заросли колючих кустарников, карабкался на голые скалы, переходил вброд ручьи, пересекал вплавь реки... Ах, рыжая демоница, ловко повернула!

— Да, я устал, — подтвердил он, щадя ее самолюбие, ибо видел, как утомилась она сама после долгого перехода. — А потому мы останемся на ночь на постоялом дворе. Хозяин — мой старый знакомый. Думаю, он позаботится о том, чтоб у нас была просторная и теплая комната.

— И чтоб там было две кровати.

— Конечно.

— А теперь рассказывай дальше.

— Дальше... На следующее утро я пошел к дому, где жила Хида. Бабен все описал верно: стена

была невысока, под ней и дальше по улице ходили стражники. Всего я насчитал восемь человек, причем двое отличались избыточным весом и вряд ли могли так быстро бегать, как я. Затем я прошел до таверны «Сладкоголосая Айзель». Место оказалось темное; перед дверью в это заведение я заметил глубокую нишу, где вполне мог спрятаться человек. Бабен рассчитал всё с присущим ему тщанием: в сумерках никто не увидит его здесь. В общем, я почувствовал уверенность в успехе сего предприятия.

Вернувшись в казарму, я сказал туранцу, что его план хорош и я готов нынче же выкрасть девицу.

«Я благодарен тебе несказанно,— горячо прошептал он. В его черных глазах блеснули слезы.— Ты настоящий друг!»

Молча ушел я к приятелю своему Сааби. Я не имел права раскрывать ему чужую тайну, но на душе у меня почему-то становилось все тяжелее, и я признался: «Сааби,— сказал я.— Может быть, этой ночью я совершу плохой поступок. Я хочу, чтоб ты знал: выгоды я не ищу. Мне самому ничего не надо. Все, что сделаю,— сделаю не для себя. Не спрашивай ни о чем. Давай сыграем в кости и пойдем сражаться с чучелом».

Он ничего не спросил, только внимательно посмотрел на меня, потом достал из мешочка кости и бросил их на стол. Благодаря моему приятелю Сааби я до сумерков и не вспомнил о Хиде и Бабене. Он не позволял мне задуматься, а все

говорил, говорил, так что я даже воскликнул: «Нергал тебя побери, Сааби! У меня в ушах звенит от твоей болтовни!» Он засмеялся и продолжал рассказывать байки, коих у него в запасе было предостаточно.

Но вот стало темнеть. Бабен, улучив момент, подбежал ко мне и взволнованно спросил, иду ли я за Хидой. Я сказал, что скоро пойду, а ему велел отправляться к таверне и ждать.

Он ушел. Я махнул рукой Сааби, желая, чтоб он убрался в казарму и не маячил передо мной, как богиня укора Веда. Он убрался. Я бесцельно сделал несколько кругов по двору, затем, когда небо стало темно-серым, пошел к дому бедняжки Хиды.

Стражники и в самом деле не обратили на меня никакого внимания. К тому же в конце улицы вдруг, к моей удаче, появился маленький тощий шемит, издавелека очень похожий на Бабена, и парни все как один грозно уставились на него. Так что я спокойно подошел к стене, ловко перемахнул через нее и оказался в саду Хиды.

Ее я увидел сразу. Она медленно шла по тропинке; лунный свет указывал ей путь, матово блистая на ее серебристом платье. Девушка оказалась настоящей красавицей. Длинные черные волосы струились по узким плечам и спине, белое лицо с точеными чертами было задумчиво или печально — я не мог разобрать, огромные темные глаза смотрели вдаль, сквозь листву и ветви. Наверное, она бы услышала, как я при-

землился — ведь я не видел, куда прыгаю, а потому угодил прямо в кустарник, — но некая дума занимала ее мысль и внимание; она даже не посмотрела в мою сторону, а продолжала медленно идти по тропинке, и скоро поравнялась со мной.

Тут я воспользовался советом Бабена и вскочил подобно пантере. К моей великой досаде, при этом я успел сломать ветку какого-то дерева и, поскользнувшись на листе, грохнуться со всего маху на землю. Этими действиями я произвел немалый шум, однако все же добрался до Хиды как раз в тот момент, когда она начала оборачиваться. Короткую долю мига я видел недоумение в ее прекрасных глазах. Затем левой рукой я обхватил ее за талию, а правой зажал ей рот и — поволок к стене.

Она не сопротивлялась. Позже, когда я стремительно бежал с ней по улице к таверне «Сладкоголосая Айзель», я понял, что она просто потеряла сознание, но сначала я подумал, что она каким-то образом приняла меня за своего хилого возлюбленного и с радостью замерла в его — то есть моих — объятиях.

Удача сопутствовала мне: два толстых стражника стояли в конце улицы и пили вино из огромного меха, а остальные разбрелись кто куда и меня — хоть и с девицей на плече — не заметили вовсе.

Бабен ждал именно в той нише, около входа в таверну. На другой стороне улицы стояла повозка, запряженная мощным приземистым во-

роным жеребцом. Лишь только я приблизился, туранец подскочил, молча и с непонятной мне яростью выхватил Хиду у меня из рук, довольно небрежно забросил ее в повозку, следом вскочил сам и дал знак вознице трогать. Все, что я успел рассмотреть, был высокий капюшон этого возницы да горб на его спине. Да, и еще: повозка уже поворачивала за угол, когда я увидел, как фигура в белом приподнялась, повернулась к Бабену, и... Раздался резкий короткий вскрик. Я побежал было следом, но потом остановился, ибо кто их разберет, этих женщин... Я вернулся в свою казарму, охваченный странным, весьма неприятным ощущением. Особенно это ощущение усилилось после того, как мой приятель Сааби поглядел на меня долгим взором и отвернулся...

Так свершилось похищение невесты. О девице Хиде на следующий день говорил весь город. Злоумышленника искали, но никто и ничего о нем не знал. Нерадивых стражей, конечно, прогнали вон. Люди, имеющие дочерей на выданье, заперли их на сто засовов. Пару лун спустя все в городе стало по-прежнему, но тогда... О, как же мне было совестно! Пусть я знал, что помог влюбленным сердцам соединиться, но какой же тревогой из-за этого был охвачен город!

Думаю, ты и сама понимаешь, Соня, что Бабен в казарме более не появлялся.

Шли дни. Я стал раздражителен и угрюм. Сааби пытался отвлечь меня от мрачных мыслей, но даже ему это не удавалось. И однажды он мне

сказал жестокие слова: «Ты сдался, парень. Уезжай отсюда». Через несколько дней я уехал...

Ну, вот мы и пришли, Рыжая Соня!

— Да,— она не стала возражать против очевидного.— Но, Одинокый Путник, ты все же не закончил свою историю. Давай возьмем вина, мяса и хлеба, поднимемся в комнату, и там ты продолжишь...

— О-о-о...— застонал Шон.— Да я в жизни столько не говорил! Дай мне передохнуть, жестокосердая! Не то у меня отвалится язык!..

— Не отвалится,— успокоила его Соня.— Ну, ступай к хозяину. Да помни: комната должна быть с двумя кроватями.

* * *

Женщины — странные существа. Сотворяя их, боги наверняка пребывали в шутовском настроении, ибо вселили в них полную уверенность в то, что мужчина создан лишь для их удовольствия и хозяйственных нужд. Вот тут Рыжая Соня ничем не отличалась от своих сестер.

Королевским жестом отправив спутника добывать снесь и комнату с двумя кроватями, она удобно расположилась за столом в углу большого зала и с любопытством начала обозревать приезжих.

Здесь были и туранцы, и шемиты, и аргоссцы, и троица северян с дикими красными лицами, и даже один чернокожий, судя по приличному виду — из Пунта. Шон оказался прав: на границе, где проходит торговый путь, былолюдно.

Все спокойно сидели, негромко переговариваясь между собой, пили вино, ели баранину с бобами или простые лепешки с козьим сыром.

Рыжая Соня, облаченная в мужское одеяние, привлекла их внимание, но ненадолго. Эти странники всякого навидались в своей жизни, так что их могло бы удивить разве что появление здесь медведя с рогами. Те, что помоложе, все же пытались поймать Сонин взгляд, но пришел Шон, сел за стол, и они вновь занялись своей трапезой.

— Что? Будет нам комната? — спросила девушка, принимая из рук юного подавальщика огромное блюдо с бобами.

— Да,— кивнул Шон,— с двумя кроватями.

— Моя у окна,— быстро сказала Соня.

— Не знаю, есть ли там окно. Хозяин говорит, что все комнаты уже заняты, и нам с тобой он дает ту, которую обычно никто не берет.

— Наплевать! — беззаботно махнула рукой Соня.— Если там нет окна, я буду спать у стены, где оно должно быть.

Шон не ответил — рот его был набит бобами и мясом.

Близились сумерки; большой зал постоянного двора постепенно пустел. Гости уходили в свои комнаты, дабы там найти покой и одиночество. Уставший хозяин стоял у открытой двери и задумчиво смотрел в темное небо, на коем уже зажигались первые звезды.

— Пойдем и мы? — спросила Соня, отодвигая пустую кружку.

Шон встал, бросил хозяйскому псу кость с клочками мяса и неспешно направился к лестнице. Его юная спутница, рачительным взором оглядев стол и не обнаружив на нем более ничего съедобного, пошла следом.

Их комната оказалась на втором этаже, в самом конце длинного и очень темного коридора. Шон достал из глубокого кармана шаровар железный, чуть не насквозь проржавевший ключ, пошуровал им в замочной скважине. Со скрипом, стонами и охами дверь отворилась.

Здесь было тесно; теплый затхлый воздух с порога волнами вырвался в коридор. Окно — маленькое, в грязных разводах, — по всей видимости, никогда не открывалось; серая паутина свисала с него наподобие рваных занавесей. Меж двух узких и длинных кроватей помещался низкий стол, а более тут не было ничего.

— Как видишь, — сказал Шон, — окном тебе придется делиться со мной — оно как раз посередине.

— Ладно, — махнула рукой Рыжая Соня, бросая мешок на кровать. — Ну же, Одинокый Путник, рассказывай дальше свою историю.

Шон подошел к окну, протер его рукавом.

— Я вижу холмы, а за ними долину — ту, по которой мы шли. Мир велик — он гораздо больше, чем я могу себе представить, однако все дороги в нем непременно когда-нибудь пересекаются. Мне довелось испытать это на собственном опыте...

Он растянулся на кровати, уставился в низкий обшарпанный потолок, весь облепленный

паутиной. Пауза не затянулась надолго — Шон и сам уже хотел продолжать; прошлое захватило его вдруг, что было странно, ибо он всегда жил настоящим. «Может быть, — мелькнула в его голове не слишком оригинальная, однако новая для него мысль, — следует хотя порою погружаться в былые времена, дабы лучше почувствовать будущее? Память связана с душою; как сильна эта связь?»

— Года через два после того, как я покинул наемную армию Шема, — начал Шон внезапно, — я встретил своего старого приятеля Сааби. Он жил в Немедии, в маленькой деревушке под Бельверусом. У него был вол, старая лошадь и еще пара собак. «Дружище! — воскликнул он со слезами на глазах. — Ты жив?» Я засмеялся: «А почему я должен быть мертв?» Сааби глубоко вздохнул и, ничего на это не ответив, угостил меня темным и крепким вином собственного изготовления. Мы выпили. Я хорошо видел печать грусти на красивом лице друга. Мне показалось сие очень странным, так как прежде я знал его как веселого, смешливого парня, — ах, Соня, как мы проказили! как шутили! Никогда более не стану я так открыт и чист — а впрочем, никогда более я не стану и молодым...

Но в натуре моей и теперь нет осторожности, изворотливости и прочих черт, присущих часто туранцам и шемитам. Для меня намек равносильен обману и лжи. Поэтому я прямо спросил Сааби, отчего он так печален и не могу ли я помочь ему. Он покачал головой. Мы выпили еще. Мол-

чение становилось тяжелым; я нахмурился, пытаюсь уловить во взгляде друга, не я ли тому причиной. Видимо, он почувствовал мою тревогу. «Нет, Шон,— сказал он.— Ты ни в чем не виноват. Это все тот, другой...» Я еще не понял, в чем дело и кто же этот самый «тот, другой», но от ужасного предчувствия волосы зашевелились у меня на голове. «Кто? — спросил я.— Кто?..» Сааби пожал плечами, как бы готовясь сообщить очевидное, и ответил: «Бабен».

Я вздрогнул. Это имя я успел позабыть; вообще вся та история давно не волновала меня. Столько воды утекло с тех пор, столько дорог я прошел и столько судеб узнал... «Что ж натворил этот человек? — недоуменно спросил я друга.— Ведь он прослужил с нами едва ли год? И, сдается мне, за это время ты не молвил с ним и двух слов?..» Сааби грустно улыбнулся, а затем рассказал мне...

Он — он, а не Бабен — любил красавицу Хиду. Его — а не Бабена — любила она. Проклятый туранец преследовал их по пятам. Он следил за Хидой, следил за Сааби; он отравлял им каждый миг встречи; он всегда был третьим. Однажды Бабен и впрямь попытался посватать девушку, да только не родители ее, а она сама с гневом отвергла его предложение. Он стал еще более назойлив, обнаглел невероятно и презрел все правила приличного поведения. Родители Хиды, по просьбе дочери, наняли стражников для охраны дома от этого безумца... Видимо, тогда он и решил действовать иначе...

К несчастью, Сааби никому не открыл тайну своего сердца. Даже мне, другу. (Видишь, Соня, иногда и похвальное умение держать язык за зубами может сослужить плохую службу. Разве стал бы я помогать Бабену украсть девицу, если б знал, что она — возлюбленная Сааби?!)

Так что, сам того не ведая, я совершил страшное преступление против единственного верного товарища.

Подлый туранец не просчитался: Хида досталась ему, а между мной и Сааби выросла стена, которую уже невозможно было разрушить. Конечно, мой друг не винил меня ни в чем — и сейчас он подтверждал мне это добрыми словами и спокойной улыбкой, — но при всем желании он уже не мог так доверять мне, как прежде, так любить меня и...

— Ну и напрасно! — сердито сказала Соня.— Значит, твой Сааби так ничего и не понял в этой жизни. Ну подумай, Одинокый Путник, а если б ты оказался на его месте? Неужели ты не простил бы его? Ведь он-то не был виноват!

— Оставим,— мрачно ответил Шон.— Кто поймет душу человеческую — тот уже не человек, а бог. Я не бог...

— Хорошо.— Рыжая Соня, внимательно посмотрев на Шона, снова легла на кровать и приготовилась слушать дальше.— Рассказывай, я больше не стану тебе мешать.

— А нечего рассказывать. На следующий день я ушел от Сааби. Снова бродил по странам и городам, снова встречался и расставался... Так,

однажды я оказался в Туране. Знаешь, там есть такой милый городок под названием Кутхемес? Так вот через Кутхемес и лежал мой путь. На ночь — а ночи там черные, звездные и глубокие — я остановился в таверне толстого Омина. Этот Омин не дал названия своему заведению, не то я непременно запомнил бы его на всю жизнь...

Посетителей было много. Все галдели, кричали, звенели бутылками и стучали кружками — в общем, стоял ужасный шум. Я не замечал его — за время странствий я привык к такому шуму; я пил красное вино и думал о Сааби, Хиде и Бабене. Странное совпадение... Кажется, с того дня, как я ушел из дома своего друга, я ни разу не вспоминал об этих людях... И вот, вдруг обратив взгляд в сторону, я увидел очень знакомое лицо. Черные глаза горели на нем злобной насмешкой и определенно смотрели на меня. Кто это? В первый миг я не понял, но уже во второй истина открылась мне... Бабен!

Я живо отвернулся. Противоречивые чувства охватили меня. Одновременно я был зол, удивлен, расстроен и смущен. Мне хотелось схватить его за горло и задушить, и точно так же мне хотелось бежать отсюда, бежать подальше, чтобы никогда более не встречаться с этим мерзким человеком.

Залпом выпив большую кружку вина, я бросил слуге монету и пошел наверх — там, на втором этаже, для меня была приготовлена комната. О, боги, я не знал, что делать! Вина перед Сааби

мучила меня теперь еще сильнее. Преступник — вот он; он сидел в одной таверне со мной, в одном зале; он смотрел на меня с насмешкой; он... Кстати, куда он дел Хиду?

Последняя мысль заставила меня подскочить на кровати. Я решил: во что бы то ни стало я выведу у него о судьбе бедной девушки. С такой целью я схватил кинжал и...

В тот же момент в коридоре послышался громкий топот. Затем дверь моей комнаты распахнулась, и на пороге появились три здоровых туранских стражника.

За их спинами маячил Бабен. Он громко вопил: «Это он! Держите его! Он преступник! Он похитил в Шеме честную девицу!» Тут он заметил кинжал в моей руке и, побледнев, завизжал: «Он хочет убить меня! Спасите!» Ты понимаешь, Соня, я вовсе не собирался убивать его...

— И зря,— пробурчала девушка себе под нос.

— Это не в моих привычках,— с гримасой отмахнулся Шон.— Я просто хотел припугнуть подлеца, вот и все. Но туранское правосудие всегда вершилось быстро и незатейливо. Есть свидетель преступления? Очень хорошо. Есть преступник? Еще лучше. Преступника взять и посадить в темницу, а свидетеля наградить тремя золотыми монетами — обычная плата предателям... Так я оказался в темнице.

— А как ты вышел оттуда?

— Меня освободил Сааби. От какого-то бродяги он узнал, что со мной случилось, продал свое имущество, собрал деньги, приехал в Кутхемес и

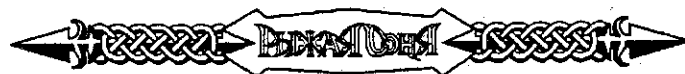

заплатил за меня выкуп. Правда, его самого я так и не увидел — он не захотел встретиться со мной...

— Печальная история, — широко зевнув, сказала Соня.

— Это точно, — согласился Шон.

Потом он повернулся набок, лицом к стене, и через некоторое время уже сладко спал. Сон его не был тревожен.

Глава третья

Ясным ранним утром Рыжая Соня открыла глаза. Сквозь грязное окно в комнату почти не проникал свет. Рассеянный солнечный луч скользил по полу, пропадая в глубоких трещинах. На столе покоился труп мыши.

Соня поморщилась. Эти животные всегда вызывали у нее необъяснимое отвращение, живые или мертвые — все равно. С какой стати в крошечной безмозглой головке этой твари созрел коварный план умереть именно на столе, прямо перед носом девушки, осталось загадкой. Ведь в ее родной норке сделать это было куда удобнее. А впрочем, Соня не собиралась все утро посвящать размышлениям о странных повадках мышей. Едва сдерживая стон, она вынула из ножен кинжал и самым кончиком его сбросила тушку на пол. Шон тут же проснулся.

— Ну вот, — ворчливо заметила девушка, вытирая острие о край покрывала. — Когда мне необходима твоя помощь — ты спишь. А как только я справилась с бедой сама — ты просыпаешься.

— С какой бедой? — удивился Шон, оглядываясь.

— Вон.

И Соня указала кинжалом на коричневый трупик, теперь лежащий как раз между кроватями.

— Пфа,— поежился Шон,— это мышь.

— Правда? — усмехнулась девушка.

— Терпеть их не могу. Сам не знаю почему, но при виде этих тварей меня всего охватывает дрожь. Прошу тебя, убери ее подальше...

Соня вздохнула. Вот так всегда. Мужчины так и норовят свалить на женщину самую трудную и неприятную работу.

— Наверное, в прошлой жизни ты был слезливой девицей,— сказала она, носком сапога запихивая мышь под кровать спутника.

— Нет,— возразил Шон, тут же перебираясь на Сонину кровать.— В прошлой жизни я был великим воином. Так мне говорила одна колдунья, и я ей верю.

— Великие воины не боятся мышей.

— Какая же ты сварливая,— возмутился Шон.— Мне искренне жаль твоего мужа!

— У меня нет мужа.

— Так будет.

— Не будет.

— О-о-о...— Шон схватился за голову.— Все. Молчи, воительница. Не то я просто заболую от твоих слов.

Соня рассмеялась. Хорошее настроение после шутильной перепалки с другом — что может быть чудеснее? И сразу возник резонный вопрос: с дру-

гом ли? Она знает Одинокого Путника всего лишь день, и пока ей не представилось никакой возможности проверить, каков он в деле. Да, она слышала про него немало доброго, да только к своим двадцати годам Рыжая Соня твердо усвоила, что доверять надо только собственным ушам и собственным глазам. А вдруг при первой же опасности он сбежит, оставив ее наедине с врагами?

Улыбка слетела с прекрасных уст.

— Э, девица,— покачал головой Шон.— Я снова вижу в твоих прелестных глазках недоверие. Неужто я похож на дракона с двух хвостов?

— Я никогда не встречала драконов,— вздохнула Соня, отворачиваясь от пронизательного взора Одинокого Путника.

— А я встречал. И скажу тебе, красавица, что только мои быстрые ноги спасли тогда мою жизнь. Как-нибудь при случае я расскажу тебе об этой истории, а пока выкинь из головы все дурные мысли. Пойдем вниз. Наш хозяин наверняка уже накрыл общий стол для своих постояльцев.

И Шон, встав с кровати, взял свой дорожный мешок и направился к двери. Он не оборачивался, как будто ему было совершенно безразлично, пойдет за ним Соня или нет. Она пошла.

Внизу и в самом деле хозяин уже накрывал стол. Вино, лепешки, ветчина и сыр — вот все, что имелось в его заведении. Непривередливые гости, потирая руки, весело рассаживались. Ночь прошла спокойно, впереди был погожий день, а более от богов ничего и не требовалось. Так говорили эти вечные странники, ибо вся жизнь давно приучи-

ла их рассчитывать только на себя, равно как и доверять только себе... Еще они говорили о своих товарах, жаловались на разбитые дороги, рассказывали о селах и городах, где им недавно довелось побывать, расспрашивали друг друга о кратком пути и наперебой расхваливали самые лучшие постоянные дворы, которых каждый из них знал не меньше сотни по всему миру. Потом гомон стих — все принялись за еду.

Рыжая Соня, так и не оставив своих сомнений по поводу Одинокого Путника, взяла лепешку, кусок ветчины, подвинула к себе кружку вина. Шон, прежде чем сделать то же самое, наполнил дорожный мешок всякой снедью. Хозяин постоянного двора — пухлый румяный человек лет пятидесяти — принес ему огромный мех, полный ароматного красного вина, кое, как известно, отлично утоляет жажду в жаркий день. Итак, Шон был готов к дальнейшему путешествию. Направление своего пути он уже определил: если Соня не выкинет из головы эти бредни, он все равно пойдет в Асгалун, а из Асгалуна через Черные Королевства — в Пунт. Он давно туда хотел...

— Ты пойдешь со мной? — вдруг спросила Рыжая Соня как бы между прочим.

— Конечно,— кивнул Шон. Не стоило обижаться на девчонку. Ясное дело, в своей маленькой жизни она вдоволь натерпелась, так что теперь не верит никому...

Они вышли из-за стола, подхватили с полу свои дорожные мешки и, на прощание кивнув хозяину, покинули гостеприимный постоянный двор.

Мягкие и теплые солнечные лучи постепенно согревали землю. В синем небе словно пух плавали белые облачка, а меж ними летали птицы. Они поднимались выше, выше — и там, под солнцем, их простое серое оперенье становилось золотым или серебряным и сверкало ярче и чище самоцветов.

Спутники двинулись на восток — туда, где рос буйный лес, по опушке которого струился ручей. Но на сей раз Шон не пошел вдоль ручья: он помнил, сколь извилист тот в здешних землях. Он выбрал иной, самый простой путь — отсюда до Асгалуна вела прямая дорога через лес. Не всякий отваживался идти по ней: когда-то, в давние времена, тут шныряли разбойники, бегали дикие злобные вепри, тихо и грустно жили вампиры, и, кажется, даже порхали демоны в обличье мирных дроздов. Шон наизусть знал все эти байки, однако не верил ни одной.

— Ты уже бывал здесь? — Соня посмотрела на темную полосу леса, голубеющую под снопом солнечных лучей.

— Однажды,— ответил Шон.

— И... Кто там обитает?

— Клянусь богами, кроме оленя и барсука, я не видел никого.

Девушка заметно повеселела. Она явно не желала встречаться с демонами и вампирами, хотя ни за что не призналась бы в этом вслух.

— К утру мы будем уже в Асгалуне?

— Раньше,— чуть подумав, сказал Шон.— Если ничего не случится... Эта дорога занимает всего день пути. Ты торопиться?

Соня промолчала, сделав вид, будто не слышала вопроса. Только тайны тут никакой не было, и Одинокый Путник сие понял сразу. Скорее всего, юная воительница и сама не знала, торопится она или нет. Так бывает, когда цель путешествия не определена...

— Позволь спросить, что надобно тебе в Асгалуне?

— Не знаю, Одинокый Путник.— Соня пожалла плечами.— Вроде бы я ищу брата...

— Вроде бы? — Шон удивленно приподнял брови.— Как так может быть?

— Один человек сказал мне, что в Асгалуне есть колдун, способный найти в море каплю пресной воды, а в лесу лист, который занесло туда ветром издалека... Я думаю, он найдет моего брата, где бы тот ни был сейчас.

— Но ты все же сомневаешься?

— Я не доверяю тому человеку. Он противный лжец, что доказал уже не раз. Он мог выдумать этого колдуна для того только, чтобы я убралась из его города и оставила в покое его самого.

— Почему?

— Да так...

— Обмен! — сказал Шон и остановился.

— Что? Какой обмен? — не поняла его Рыжая Соня.

— Давай с тобой меняться,— пояснил Шон.— Я рассказал тебе свою историю, а теперь ты Расскажи мне свою. Что за противный лжец? Что за город? Почему ты должна была оттуда убраться?

— Ничего особенного...— Девушка снова пошла по тропе, ведущей к лесу. Одинокый Путник последовал за ней.— Город Мален на берегу моря Запада, недалеко от Мессантии,— там я прожила почти целую луну. И надо же было такому случиться: в первый же день мне удалось поспорить с самим градоправителем! Но я не виновата — он бросился под копыта моего коня как умалишенный! А потом начал болтать на каждом углу, что меня подослали злокозненные немедийцы с приказом убить его, великого Шлома... Ха! Да кому нужен он и его крошечный поганый городишко! Ты бывал там когда-нибудь, Одинокый Путник?

— Нет. Но я проходил мимо.

— Мимо неинтересно,— махнула тонкой рукой Рыжая Соня.— В Малене надо пожить, чтобы потом наконец уйти из него и быть счастливым от одной лишь мысли, что больше никогда туда не вернешься. Это обитель моряков, половина из которых — пираты. Они злобны и недоверчивы; они так и норовят украсть кусок хлеба с твоего стола, даже если сами вот только что наелись досыта; их рты — это задница Нергала, потому что оттуда сыплется одно дерьмо; они... Нет, не смотри на меня так, мой друг. Они не сделали мне ничего плохого. Разве что не помогли, когда мне пришлось туго... Но за это я их не виню. Я знаю и знала всегда: в этом мире никто никому ничего не должен. Почему ты улыбаешься?

— Ты назвала меня другом?

— Да... Или нет?

— Да.

— С тобой мне просто и легко, Одинокый Путник, и я бы хотела назвать тебя другом, но...

— Не продолжай. Я понимаю тебя. Так что там пираты и градоправитель Шлом?

— Шлом... Вот дерьмо... С тех пор как он повалялся под копытами моего буланого, он не давал мне и мига покоя. Дважды он подсылал ко мне убийц, трижды он пытался меня отравить, четырежды он подстраивал мне ловушки (ну, знаешь, нечто вроде красивых юношей в клетках или жалобно стонающих девушек, закованных в кандалы, — если б я только подошла к ним на шаг, меня тут же схватили бы и посадили в темницу за содействие преступникам). Уже и не говорю о том, что вокруг меня постоянно бродили соглядатаи, горячо надеясь на то, что я проговорюсь за кружкой вина и выдам страшную тайну заговора против кретина Шлома. В общем, всякий вздор... Да о чем тут рассказывать? Они там все с ума посходили от скуки, вот и привязались ко мне. Спустия три четверти луны я устала от их происков и решила уехать. Перед воротами, словно почувяв свободу, мой конь перешел с шага на галоп. Да я и сама готова была припустить что есть мочи, только бы подальше отсюда... Поэтому дикая ярость переполнила меня, когда я увидела с десятков стражников, загородивших мне путь. Они стояли, не двигаясь, и усмехались, нагло глядя на меня. Я выхватила меч. Наверняка то была бы хорошая драка, если б вперед вдруг не выступил один из них и не сказал мне: «Нас послал градоправитель Шлом. Он приносит тебе тысячу извинений и еще одно в придачу. Он

признает, что виноват перед тобой. Он просит тебя простить его и разделить нынешним вечером его скромную трапезу».

Я удивилась. До того Шлом вел себя омерзительно — коварно, настырно и очень утомляюще. Может ли быть, что он осознал всю низость такого поведения? Скажу тебе сразу, Одинокый Путник, но ты не смейся надо мной: в том городе волею судеб я оказалась случайно и совсем без денег; я голодала; ночами мне снились жареные петухи и запеченные в тесте жаворонки. Вот почему я приняла приглашение этого чудовища. Я просто безумно хотела есть. Ты все-таки смеешься?

— Этой ночью мне тоже снился жареный петух, — вывернулся Шон, делая серьезное лицо.

— Глупо, — продолжала Соня. — Глупо, но я не смогла устоять. Я на миг лишь представила себе все яства, которыми меня будут потчевать во дворце градоправителя, и тут же согласилась остаться в городе еще на день.

Мне бы стоило задуматься, с какой стати Шлом вдруг пожелал, чтобы я не уезжала из Малена. Ведь до этого он приложил столько усилий, пытаясь прогнать меня прочь!.. Глупо! Я и сама признаю, что вела себя глупо...

Вечером, за трапезой, он снова вздумал меня отравить, но я спокойно предложила ему отведать пищу с моего блюда прежде, чем я начну есть. Тогда он так же спокойно приказал слуге заменить на столе все. После того как его приказ был выполнен, он понемножку отъел с каждого блюда и отпил из каждого кубка. Трапеза началась.

Он завел обычную светскую беседу: ругал погоду, жаловался на нерадивых слуг, задавал мне вопросы о моей родине, моих родителях, моем происхождении и образовании. Я отвечала. И вдруг он сказал: «Прости меня, девушка, но я должен тебе признаться... Во дворце я держу пару звездочетов, и за несколько дней до твоего появления в моем городе они предсказали мне, что я погибну от рук юной прекрасной воительницы, которая в скором времени прибудет в Мален. Я хотел сделать твою смерть легкой, отравив тебя (как будто это легкая смерть! правда, смешно, Одинокий Путник? что ты не смеешься?). Но ты оказалась слишком проныцательна. Посему я убью тебя откровенно». Представь, он так и сказал: «Я убью тебя откровенно»!

Я оглянулась. Вокруг с сумрачными лицами стояли его воины. Их было человек пятнадцать, а может, больше — я не стала считать. Я спросила лишь: «Зачем же ты вернул меня, когда я хотела уехать? Мы никогда бы не встретились с тобой, и предсказание не исполнилось бы». Он ответил, что сие никому не известно, и он сможет радоваться жизни только после того, как узрит мое бездыханное тело. Я выхватила меч...

Схватка была недолгой. Его воины не ожидали, что я окажусь серьезным противником, а потому в первые же мгновения я убила четверых. Тогда они окружили меня и начали сужать кольцо... Поистине, в тот день удача была на моей стороне. Я взмахнула мечом, и огромный бородатый воин рухнул у моих ног. Не успели остальные, рыча от ярости, вновь сомкнуть коль-

цо, как я увидела Шлома, уходящего из зала. Я прыгнула на спину убитого мной бородача, оттолкнула того, кто кинулся на меня слева, ударила клинком того, кто лез справа, и в три прыжка догнала мерзкого градоправителя. Конечно, я понимала: вряд ли мне удастся выбраться из дворца живой. Но сейчас у меня появилась надежда.

Схватив Шлома за ворот, я приставила острие меча к его шее и крикнула всем: «Не подходите! Иначе я убью его!» Они замерли. Волоча за собой хрипящего хорька, я спустилась по лестнице на второй этаж, затем на первый... Они шли за мной, не спуская с меня глаз. Они ждали одного моего неверного движения, готовые броситься ко мне, вырвать из моих рук своего повелителя и изрубить меня на куски... Но в те мгновения я имела сто глаз и тысячу чувств — как только сбоку, из-под лестницы, на меня прыгнул один из них, я тотчас слегка полоснула мечом по горлу Шлома. Он даже не ощутил пореза, зато они увидели струйку его крови и снова остановились. Я отшвырнула того смельчака, пнула Шлома, который от страха уже едва передвигал ноги, и побежала к выходу.

Признаюсь тебе, я хотела вывезти градоправителя из Малена, заколоть его и умчаться прочь. Наверное, я так и поступила бы, тем самым в точности исполнив предсказание звездочетов, однако тут Шлом вдруг открыл пасть и проскрипел: «Ты хочешь найти своего брата?» Невзирая на смертельную опасность, я ответила ему: «Да. Что ты знаешь о нем?» Мой конь в тревоге бил копытом и мотал головой; преследователи медленно при-

ближались; звезды отражались в зеркале клинков; а я стояла и слушала бормотанье этого ублюдка... Вот тогда он и сказал: «Отпусти меня, и я назову тебе имя мудреца, способного найти в море каплю пресной воды, а в лесу лист, занесенный ветром издалека». Я недолго думала. «Говори,— приказала я, отступая на шаг назад.— Даю слово Рыжей Сони, что не трону тебя и тотчас уеду».

Я сдержала слово. Как только он назвал мне имя и город, я оттолкнула его, вскочила на своего верного коня и пустилась вскачь — один лишь ветер смог бы догнать меня!

Вот и вся история, Одинокий Путник. Она проста и совсем скучна.

— Значит, тот провидец живет в Асгалуне?

— Да.

— Что ж, будем надеяться, что Шлом не обманул тебя.

Соня промолчала.

* * *

По этой узкой прямой дороге, усыпанной сухими ветками и прошлогодними листьями, давно никто не ходил. Лес по обеим ее сторонам был зелен и густ; толстые стволы вековых деревьев перемежались с высокой травой и молодыми побегами; изредка из дальней глуши раздавался птичий вскрик, звериный короткий рык, быстрый шорох — спутники не останавливались и не прислушивались. Они спокойно шагали, вороша ногами ломкие листья; их лица были хмуры, а взоры темны — мрачные думы вдруг одолели обоих.

Но вот пролетела сойка, крылом едва не задев короны волос Рыжей Сони, потом под сандалиями Одинокого Путника треснула сухая палка, и эти приметы живой, не посторонней жизни вернули дыханию и мыслям легкость и простоту.

— Дорога кажется мне бесконечной,— сказала девушка, прервав наконец долгое молчание.— Она везде одинакова, как солнечный луч.

— Четверть мы уже прошли,— откликнулся Шон.

Прежде и он ловил себя на странном ощущении бесконечности сего пути. Соня поняла точно так же: солнечный луч, имеющий начало, но не имеющий конца,— таковой и представлялась эта лесная дорога; не разумом, конечно, но чувствами. Шон хотел было сообщить о своих измышлениях спутнице, но смолчал — о многом пока еще рано было говорить.

— Всего четверть? — Соня вздохнула.— Нергал меня побери, если мне нравится такая скука! Каждый шаг похож на предыдущий и на следующий! То ли дело тропа в горах — никогда не знаешь, где споткнешься, а где упадешь!

Шон не выдержал, рассмеялся.

— А тебе хотелось бы споткнуться и упасть?

— Чушь! — Соня сердито отбросила со лба золотую прядь.— Ну что за чушь, Одинокий Путник! Конечно, я не хочу падать! Я просто...

Она вдруг остановилась, замерла, чутко прислушиваясь к тишине леса. Шон не слышал ничего, но и он насторожился; улыбка в миг исчезла с его губ. Чутье бывалого путешественника не могло подвести: навстречу им, по той же дороге, шел

или ехал человек — может быть, не один. То было явно не мирный торговец и не простой бродяга, иначе Шон не почувствовал бы его издали. Рука сама потянулась к поясу, на котором висел короткий, незаметный под широкой рубахой меч в потертых дырявых ножнах из грубой материи.

— Я никогда не прячусь от опасности, — высокомерно проговорила Соня, как будто спутник ее настаивал на обратном.

— Я тоже, — сказал Шон, вытаскивая меч.

— Странное оружие... То ли меч, то ли кинжал... Откуда он у тебя?

Он не ответил, знаком предложив девушке продолжить путь, но быть наготове.

Внешне их поступь и осанка ничуть не изменились, зато внутренне оба были предельно собраны. Ничто вокруг не предвещало опасности: мягкий как дыхание шелест листьев сливался с общей тишиной, а солнечные лучи терялись в густой зелени, освещая ее изнутри.

Но вот спутники услышали вдали мерный четкий звук, переглянулись, однако не замедлили шаг. Легкая улыбка скользнула по губам Рыжей Сони — недолго пришлось ей скучать. Цокот копыт приближался, и вскоре она могла уже определить примерно, сколько лошадей идет им навстречу.

— Пять или шесть, — тихо сказала она Одинокому Путнику.

Он кивнул. Меч в его большой крепкой руке казался игрушкой, да Шон и не думал принимать грозный вид. Напротив, в отличие от воинственной Рыжей Сони, в глазах которой уже зажегся злой

огонек, он расслабился, улыбнулся заранее приветливой спокойной улыбкой, зная по долгому опыту, что никогда нельзя вступать в бой первым, тем более без особой причины.

— Вот они... — промолвил Шон, убирая меч за спину.

Действительно: в следующее мгновение далеко впереди появились черные точки. Они двигались быстро, так что скоро стали видны шлемы и копья, а потом различимы и лица, и масть лошадей.

Всадников было шестеро. Тот, что ехал первым, смотрел исподлобья, угрюмо. Одетый в простое темное платье, он казался бы слугой пятерых своих спутников, закованных в железо, если бы не надменное выражение тонкого бледного лица, гордая осанка и великолепный длинный меч без ножен, притороченный к седлу. Вороной конь его с длинной шелковистой гривой был необыкновенно красив.

Заметив прохожих, всадники пустили лошадей вскачь. Только тот, что ехал первым, презрительно усмехнулся и нарочно попридержал вороного. Похоже, он находился в некоем противоречии со своими сопровождающими.

Приветливая улыбка на добродушном лице Шона стала шире. Девушка взглянула на него с недовольством, но ничего не сказала.

Всадник на мощном кауrom жеребце подлетел к ним, остановился в трех шагах и властно спросил:

— Кто такие?

— А ты кто такой? — выступила вперед Рыжая Соня, которая не выносила, когда с ней говорили таким тоном.

Всадник в раздражении тряхнул головой. Железные воины за его спиной одновременно положили ладони на эфесы своих мечей.

— Я — сотник Лобл, десятник стражи города Асгалуна, — все же ответил он. — А это — мои люди.

— И тот? — Соня кивнула на человека в темном.

Железные воины наполовину вытащили мечи из ножен. Лобл, гарцуя на коротконогом кауром, нахмурился, засопел, усиленно соображая, как достойно ответить этой нахальной девчонке. Так ничего и не придумав, он махнул рукой и гаркнул:

— А ну, прочь с дороги!

— Как бы не так! — Рыжая Соня шагнула к нему, но тут сильная рука ухватила ее за полу куртки.

— погоди, — с прежней улыбкой сказал Шон, отодвигая спутницу в сторону и вставая на ее место. — Чудесный день, господин, не правда ли?

— Не желаю говорить с тобой, презренный, — высокомерно заявил сотник.

— Такое ясное небо, — продолжал Шон. — А что за милый ветерок? А солнышко?

Сотник задумался. Ему тоже нравилось солнышко и нравился легкий ветерок, но обсуждать свои чувства с кем попало он не собирался.

— Какой неприятный бродяга, — вполголоса пожаловался он железным воинам, вынимая меч и приставляя его к груди Шона.

Тотчас лязгнула сталь и четыре клинка сверкнули в солнечных лучах. На миг лишь Соня встретилась с мрачными глазами человека в темном, затем молниеносным движением выхватила свой кинжал и яростно бросилась на сотника.

Глава четвертая

Лобл оказался искусным бойцом. Лишь с третьего удара Рыжей Соне удалось скинуть его с седла. сотник грохнулся на спину и засучил ногами, пытаясь подняться, — в этот момент в своих тяжелых железных доспехах он был похож на огромную черепаху, выброшенную в песок штормовой волной.

Но и валяясь в прошлогодних листьях, сотник сумел ответить на выпады юной воительницы. Она кидалась на него как разъяренная кошка, то с левой стороны, то с правой; Лобл отбивался, в душе негодуя, а вслух рыча и плюясь в эту рыжую фурию, насколько мог доплюнуть. В один момент ему удалось достать ее мечом — всего лишь укол в колено, но даже от такого пустяка она просто взбесилась.

Взвыв, ударом ноги она сбила с него шлем и теперь целила свой клинок в голову противника. Лобл вертелся и пинался, однако демоница едва не срезала ему ухо, потом с маху рассекла кольчугу, и, наконец, со всей силы вонзила острие в

грудь. Сотник жалобно всхлипнул, вздрогнул и затих.

Пока Соня расправлялась с Лоблом, Шон сражался с остальными. Короткий меч лихо и легко летал в воздухе, обрушиваясь на шлемы и наплечники. Четверо воинов, ошеломленные гибелью своего десятника от рук какой-то наглой девчонки, не столько нападали, сколько защищались. Громя их железом, они прыгали перед Одиноким Путником, отчаянно, но бестолково размахивая оружием. А он словно играл с ними. С той же милой улыбкой на устах он ловко отражал удары, успевая при этом весело подмигивать человеку в темном, который наблюдал за ходом битвы издали.

Соня, покончив с сотником, повернулась к спутнику. Нежное лицо ее покраснело, серые глаза сверкали, окровавленный кинжал дрожал в тонкой руке. Она подняла с земли меч Лобла, с места одним ударом разбила им шлем ближайшего воина, и тот с воплем упал, зажимая рукой в железной перчатке зияющую рану над виском.

С этого мига Шон перестал шутить. Улыбка на его лице превратилась в ухмылку; движения стали резкими, сильными и точными. Плечом оттолкнув Соню, он сделал два шага вперед, оказавшись в кольце противников. Три воина в смятении попытались отступить, вдруг ясно ощутив невероятную мощь своего случайного врага, однако меч Шона уже достиг одного из них. Без звука стражник повалился на край дороги, где стояла Рыжая Соня и с изумлением взидала на схватку. Вот Шон

ушел от страшного удара тяжелого шемитского меча, всего лишь отклонив голову; вот он ногой выбил кинжал из руки железного воина и на лету подхватил его; вот рванулся вперед, вонзив клин-ки точно в щели между воротом кольчуги и кожаной пряжкой шлема... Захрипев, стражники одновременно рухнули на колени. Глаза их выкатились, а на губах появились пузыри розовой пены. Шон пожал плечами и отошел.

— Похоже, ты умеешь драться,— небрежно сказала Соня. На самом деле она была поражена и восхищена безмерно, хотя ни за что не собиралась в этом признаваться.

Шон не смотрел на нее и ничего не отвечал. Присев у дороги, подальше от мертвых воинов, он старательно выдергивал из земли пучки мягкой травы и с гримасой отвращения вытирал кровь с клинка.

— Ответь мне, Одинокий Путник...— снова начала Соня, намереваясь все-таки узнать у Шона, где он учился искусству боя и кто был его учитель.

Продолжить она не успела. Одинокий Путник вдруг резко повернулся к ней (на сей раз глаза его сверкали истинным гневом) и раздраженно сказал:

— Зачем ты затеяла это? Мы могли пройти мимо, и тогда все остались бы живы!

— Я затеяла? — рассердилась девушка.— Это Лобл!.. Он же чуть не проткнул тебя мечом!

— Наплевать мне на Лобла! Ты, несдержанная, как все девицы, принялась с ним спорить!

— Что?... Рыжая Соня задохнулась от возмущения. Веснушки на ее тонком благородном носу вспыхнули ярче искр.— Ты сравнил меня с другими девицами? Меня?

— Неужели тебя не учили правилам общежития? Мирное сосуществование людей с людьми и людей с природой — вот основа жизни! — зло говорил Шон, словно не слыша ее.— А ты — ты сумеешь поссориться даже с младенцем!

Девушка опешила; в серых глазах блеснули слезы, но уже в следующий миг гнев исказил ее прекрасные черты, и она угрожающе приподняла длинный меч сотника, с которого еще стекала кровь железного воина. Шон покачал головой и отвернулся.

Одним богам известно, чем могла закончиться ссора юной воительницы и ее спутника, если б в этот момент не подал голос человек в темном.

— Полно, друзья мои,— насмешливо сказал он, подъезжая ближе.— Не стоит браниться из-за гибели пятерых ублюдков.

— А сам ты кто? — хмуро спросила девушка, опуская клинок. В душе она была очень рада тому, что не пришлось драться с Одиноким Путником. Он нравился ей, хотя и оказался ничем не лучше других мужчин.

— Я — Тротас Анжелиас Бад. Проще — Тротби.

— Что мне имя твое! Скажи: какого ты роду? Отчего одет иначе, нежели Лобл и его люди? Почему не стал сражаться с нами?

— Слишком много вопросов сразу,— сказал Тротби.— Я отвечу тебе позже — по дороге.

— А куда ты едешь?

— Прежде ехал в Мессантию, но теперь направление моего пути изменилось. Я возвращаюсь в Асгалун.

— Зачем?

Он улыбнулся, оставив ее вопрос без ответа.

— Я назвал вас свое имя, теперь назовитесь вы.

— Я — Рыжая Соня, а он — Одинокий Путник.

— Одинокий Путник? — Тротби обернулся и с уважением посмотрел на Шона.— Я слышал о тебе. Говорят, ты отважен и силен...

— Это правда,— гордо ответила за друга Соня, конечно уже позабыв обиду.— Он может разбить в одиночку целое войско! Ты сам видел, как легко он расправился с железными воинами сотника.

Тротби взглянул на пять трупов и темную от крови дорогу. Стервятники с хриплым карканьем уже слетались на пир. Один из них укусил каурого жеребца, и тот, заржав от возмущения, ударил наглую птицу копытом. Стервятник завалился набок, истошно вопя и хлопая крыльями. Странная мысль овладела Тротби...

— Меня зовут Шон.— Одинокий Путник встал, убрал клинок в ножны.— Да, я неплохо владею мечом и копьем, но с целым войском вряд ли справлюсь.

— Я тебе помогу,— великодушно пообещала Соня.

Тротби прикрыл глаза. Странная мысль снова увлекала его из этой жизни в потусторонний мрак. Как сквозь сон он слышал негромкие голоса Ры-

жей Сони и ее друга, как сквозь туман видел очертания их высоких фигур. Стервятники стервенели. Шум крыльев и пронзительные крики пробудили Тротби. Он с трудом отвел взор от стаи мерзких птиц и сказал:

— Берите лошадей. Вон та, буланая, быстроходна и легка. Она словно создана для тебя, красавица. А ты, друг, можешь взять коня сотника. Он некрасив, зато вынослив и силен.

Из чувства противоречия Соня хотела сказать ему, что буланая страшна, как сам Нергал, и к тому же кривонога, но, посмотрев на великолепную породистую кобылку, что стояла у края дороги и спокойно щипала свежую травку, не стала лгать.

— Ладно,— с неохотой согласилась она.— Буланая мне подходит.

— Вижу, ты знаешь толк в лошадях, Тротас Анжелиас,— заметил Шон, подходя к мощному жеребцу сотника. Каурый скосил на него огромный черный глаз и тихо всхрапнул, будто признавая в этом большом человеке нового хозяина.

Тротби кивнул Шону и повернул своего вороного в обратную сторону.

— Что ж, поехали! — Соня ловко вскочила на маленькую изящную буланую, оглянулась на спутника.

Тот уже сидел в седле, с удовольствием рассматривая роскошную, расшитую золотом и бирюзовым уздечку. Судя по всему, покойный Лобл не был особенно щепетилен при сборе налогов — откуда иначе у десятника стражи такой конь, такие доспехи и такая сбруя?..

Неспешным шагом Сонины кобылка пошла за прекрасным вороным Тротби. За ней тотчас последовал широкий, как тумба, конь Шона, видимо влюбленный в стройную буланую красавицу. Затем к ним присоединились клячи трех стражников, изрядно покусанные обезумевшими от крови стервятниками...

Полдень миновал. Солнце уплыло дальше, за деревья. Дорога потемнела от теней; тишина уже не была столь прозрачна, как утром,— хруст сухих листьев под копытами ничуть не нарушал ее, равно как и тихий посвист Одинокого Путника, и бряцанье оружия, привязанного за ножны к седлам. Легкий ветерок затих ненадолго, потом развернулся и задул в спины всадникам, подгоняя. Словно почувствовав его, Тротби с улыбкой махнул рукой новым спутникам, призывая их поторопиться, и прищипорил вороного.

* * *

Через некоторое время они снова перешли на шаг. Сначала ехали молча.

Шон, очарованный величественной красотой древнего леса, немного отставал от спутников.

Рыжая Соня, наплевав на хорошие манеры, с любопытством разглядывала Тротби. Черты его бледного лица были резки и прямы; белые брови вразлет; твердый подбородок рассекал широкий розовый шрам; длинные нестриженные волосы цвета соломы достигали плеч. Затем он оглянулся на миг, девушка увидела его глаза и взгляд, и вздрогнула в мистическом ужасе и восхищении. До того

он шурился, взирая на мир насмешливо, высокомерно, а сейчас, задумавшись, посмотрел открыто. Огромные, обрамленные темными густыми ресницами глаза его были странного сиреневого цвета, с голубыми чистыми белками, умные, пронзительные и глубокие. Еще Соня заметила в них печаль, но не преходящую, а долгую, ставшую уже привычной. Что-то странное таилось в душе этого парня. Страх? Тревога? Предчувствие боли и смерти? Конечно, юная воительница не могла сего определить, но очень хотела. Пока одно для нее было несомненно: Тротби родился не в хижине пастуха и не в лачуге сапожника. Его колыбель стояла или во дворце короля или в замке благородного рыцаря — в этом Соня несколько не сомневалась.

Вздыхнув, девушка отвернулась от нового знакомого. Рациональный ум ее не задержался на бесполезном размышлении о его странной внешности, прекрасных глазах и причинах столь постоянной печали; он занялся совсем иным. Почему на Тротби простая одежда? Куда он ехал с Лоблом и железными воинами? Кто он? Соня намеревалась непременно получить от него ответы на все свои вопросы, ибо яд подозрения уже давно, много лет назад, проник в ее душу и не давал покоя. Едва удостоверив личность Одинокого Путника, волею судьбы девушка встретила Тротби, и теперь настала его очередь доказывать чистоту помыслов и свою непричастность к стану врагов.

Новый вздох вырвался из нежной груди Сони, а что он означал, она и сама не знала.

— Трупный день,— пробормотал Шон, догоняя спутников.

— Что? — девушка с недоумением посмотрела на него.

— Нынче трупный день,— повторил Шон.— Он начался с жалкого трупика бедной мыши, продолжился пятью трупами шемитских стражников, а чем закончится?

— Чьими трупами? — уточнила Соня.

— Ну да.

— Надеюсь, что не нашими.

— Я тоже надеюсь.

И Шон мрачно замолчал, уставясь в далекую точку горизонта. Видимо, его все еще терзали мысли об убиенных им железных воинах.

Тротби, уловив его настроение, сказал:

— Не стоит сожалеть о них. Если б вы не оказались проворнее, они непременно прикончили бы вас, как до того прикончили одного беднягу, который попался нам при выезде из города. Он всего лишь замедлил шаг и всмотрелся в мое лицо... И потом, эти воины Лобла — коварные воры и подлые убийцы. Сотни бедняков Асгалуна смогут теперь жить спокойно — во всяком случае, пока...

— Пока градоправитель не назначит нового сотника, а тот не наберет в свой отряд новых негодяев,— закончила фразу Рыжая Соня.

Тротби кивнул; взор его на мгновение затуманился, как будто странная мысль посетила вновь и сразу пропала, оставив лишь воспоминание о себе. Он тряхнул головой, так что прямые соло-

менные пряди перелетели за спину, и прошептал себе под нос: «Наваждение...»

— О чем ты? — мягко спросил Шон, отвлекаясь от созерцания светлой дали.

Соня, которая ничего не слышала, насторожилась. В серых глазах ее вспыхнуло любопытство.

— Нечто в прошлом мучает меня, — тихо сказал Тротби, опустив ресницы. — Оно возникает вдруг, не проявляясь отчетливо, а потому я не могу дать ему названия. Бывает ли с тобой такое, Одиноким Путник?

— Всякое бывает, милый.

Соня удивленно приподняла рыжие брови: Шон разговаривал с этим парнем, как с ребенком, кое-го несправедливо обидели — ласково, участливо... И, кажется, ему даже в голову не пришло для начала узнать о его жизни и его сути, а потом уж и жалеть — кстати, неизвестно за что. «Нечто в прошлом!» Вот это бред! Да у каждого в прошлом есть то самое нечто, какое может и мучить и терзать, если дать ему волю.

— Ты родом из Асгалуна? — наконец задал Шон дельный вопрос.

— Нет, — покачал головой Тротби. — Я родился в плодородных землях Кофа и рос там до двенадцати лет. Затем мои родители умерли, и я переехал в Шем, к дяде.

— А кто твой дядя? — решительно вмешалась Соня, видя, что разговор вот-вот снова угаснет, ибо вежливый Шон вряд ли пожелает допрашивать этого мрачного парня с пристрастием.

— Обычный гражданин Шема, — ответил Тротби на удивление охотно. — Он не шемит, а такой же кофиец, как я и мои родители. Но в юности влюбился в красавицу из Асгалуна, приехал к ней со всем своим скарбом и намерением немедленно на ней жениться, однако она, как назло, внезапно скончалась. Дядя предался унынию и возвращаться домой не пожелал.

— Он жив сейчас? — продолжал спрашивать Шон, по обыкновению мягко улыбаясь.

— Да.

— Богат?

— Да.

— Как же он позволил сотнику забрать тебя против воли твоей?

Тротби заколебался. Он не собирался открывать первым встречным все тайны своей жизни, но перед Одиноким Путником почему-то чувствовал некоторое смущение — так ученик робеет наставника и не решается слукавить, беседуя с ним.

— Хорошо, — сказал он твердо. — Я расскажу вам, как я попал в руки Лобла и его людей.

Соня удовлетворенно усмехнулась и мысленно поздравила себя с победой. Сейчас она все узнает...

* * *

— Моя дядя Лансере, верный памяти своей красавицы, более никогда не думал о женитьбе. И, будучи весьма добродетелен, не завел детей на стороне, как это делают в наше время многие

одинокие мужи. Потому всю свою жизнь он прожил в большом доме, с полусотней слуг, но без семьи. Так продолжалось до того самого дня, когда я в одночасье лишился своих дорогих родителей.

Узнав о смерти брата и его супруги, дядя послал за мной карету с десятком охранников. Они прибыли вечером, ночь провели в доме, а утром, после погребения, повезли меня в Асгалун. Я ехал и вспоминал, как комья сырой земли падали на деревянные ящики с холодными телами моего отца и моей матери... Мне было всего двенадцать лет, я плакал и обещал богам отомстить им за смерть Анжелиаса Тита Бада и Винченсы, дочери Килина...

Тут Тротби запнулся, бледные щеки его порозовели. Даже не взглянув на спутников, он пустил вороного вскачь и вскоре исчез в легкой туманной дымке горизонта. Листья, вздыбленные копытами его коня, порхали в воздухе словно бабочки; потом дунул ветер и унес их в лес; дорога снова была пуста и тиха.

— Он удрал! — крикнула девушка в гневе, обращившись к Одинокому Путнику. — Скорее за ним!

— Погоди, — сказал Шон, за повод притягивая к себе Соню вместе с ее буланой. — Не стоит его догонять. Мальчик вспомнил родителей и хочет поскорбеть о них в одиночестве. Поедем шагом; я уверен — он подождет нас там, дальше.

— Как знаешь, Одинокий Путник.

Недовольство в голосе юной воительницы ничуть не смутило Шона. Он и не думал торопить-

ся. Напротив, он остановил своего каурого, прыгнул с него; затем выудил из дорожного мешка кольцо веревки, разматал его и тщательно связал в цепочку трех одров, что так и плелись за ними всю дорогу.

— В Асгалуне мы их продадим, — пояснил он Соне, которая безуспешно пыталась поразить его взором огненным и негодующим. — По две монеты за каждую вполне можно выручить. Так что хороший ужин и ночлег нам обеспечен. Хотя я и чувствую себя нынче разбойником с большой дороги, но пока я хожу по этой земле, мне все же надо чем-то питаться и где-то спать...

Он привязал первую лошадку к каурому и опять забрался в седло.

— Ну, Соня, теперь едем. Тротби наверняка уже устал нас ждать.

Девушка очень в этом сомневалась, но ничего не сказала Шону. Про себя она уже решила, что Одинокий Путник лучше целой дюжины всяких там Тротби, а посему не стоит и спорить с ним по таким пустякам.

К ее удивлению, вскоре она действительно увидела вдалеке удравшего попутчика. Он ждал их, мрачно глядя в глубину леса. Там было темно, как в морской пучине, и вокруг тоже постепенно начинало темнеть. На белых волосах Тротби сейчас не сверкали солнечные лучи, а яркие разноцветные листья, ковром покрывшие дорогу, стали одинаково серыми. Ветер дул в разные стороны, качая длинные ветви и верхушки деревьев. Вот он рванул вдруг с дикой мощью, осыпав пут-

ников пылью и трухой, спутав шелковые гривы лошадей, и снова затих.

— Ночь будет холодная, сырая,— Шон зябко передернул плечами, вынул из мешка старую куртку и надел ее,— но это вовсе не значит, что мы должны гнать лошадей, дабы поскорее достичь Астауна. К тому же я не прочь перекусить немного. А вы?

— Я тоже,— тихо ответил Тротби, не отрывая неподвижного взора от лесной чащи.

Соня промолчала, но лишь потому, что ужасно проголодалась и ей стыдно было в этом признаться. Одинокий Путник, проникательный, как оракул, и мудрый, как первый королевский советник, понял сие сразу. Не теряя и мига, он соскочил с каурого, быстро развел костер на обочине дороги, и, вытряхнув из бездонного мешка своего всю снедь, аккуратно разложил ее на чистой тряпичке. Рыжая Соня и Тротби, до того уныло и с долей печали взиравшие на действия ловких рук Шона, при виде еды тотчас оживились: оставив коней, они подошли к костру и чинно уселись по обе стороны от него, причем Тротби изо всех сил старался не смотреть на огромные ломти каравая, перья зеленого лука и кусок холодного мяса, покрытого ароматным желе. Воспитание не позволяло ему протянуть руку к еде прежде женщины и старшего товарища. Он выжидательно устался на Одинокого Путника, который, кажется, совсем не торопился начинать трапезу, а увлеченно бросал в костер сухие палки; потом перевел взгляд на Соню. Юная воительница и не думала стесняться.

Разорвав на три части кусок мяса, она взяла себе меньшую, Тротби сунула среднюю, а Шону оставила самую большую и с энтузиазмом принялась жевать, закусывая мягким пористым хлебом. В преддверье сумерек защелкали, засвистали лесные птицы. Небо чуть потемнело; стаи маленьких тучек стремительно проносились в серой вышине, иногда попадая в красный солнечный луч и вспыхивая сотнями рубинов и алмазов. Путники, насытившись, умиротворенно смотрели на яркие языки пламени, меж коих плясали золотистые искры, и думали о вечном. Вечное каждому представлялось по-своему. Для Шона это была дорога — дальняя, без видимого конца. Он видел себя седовласым усталым мужем, задремавшим на обочине, потом спорбленным старцем с клюкою, бредущим на огонек постоянного двора, потом просто облаком, летящим на ветерке... Далее мысль Шона не простиралась, но он и не хотел знать, что будет с ним далее.

Зато Соня хотела знать о каждом мгновении своей жизни. Ее вечное состояло из драк и сражений, из веселых пирушек, из друзей и врагов... Где-то в глубине ее чувств еще таилось множество мечтаний, и одно из них имело название «любовь», но пока она даже самой себе не произносила это слово. Вообще, она ощущала совершенно ясно, что в какой-то момент своей жизни сошла с того пути, на который ступила волею судьбы несколько лет назад, и теперь никак не могла обнаружить его, дабы пойти дальше. Она словно плутала впотьмах, на ощупь выходя на ровное место

и вновь теряясь в джунглях. Соня не любила думать об этом, поскольку не ведала, как ей быть? Как поступить? Много проще, казалось ей, занимать мысли чем-то посторонним, а философию духа оставить отшельникам и сочинителям...

Тротби вечным полагал мрак, и только мрак.

Пожалуй, кроме Шона, никто не знал, чтоечно всё...

Но вот нити их мыслей вдруг слились в одну; путники очнулись от грез, переглянулись удивленно.

— Пора? — сказал Тротби.

— Пора, — кивнул Шон.

Они поднялись. И в этот момент мир, воцарившийся в их душах после отдыха и трапезы, разрушили ужасные, воистину отвратительные звуки: крик, плач, визг, бешеный топот копыт...

Рыжая Соня тут же выхватила свой кинжал, сделала свирепое лицо и снова приготовилась к бою. Шон придержал ее руку, покачал головой, прошептал: «Не надо...» Сейчас он не чувствовал никакой опасности, хотя эти душераздирающие вопли, спугнувшие прекрасную лесную тишь, порядком действовали ему на нервы.

А Тротби, всмотревшись вдаль, улыбнулся и облегченно засмеялся.

— Нет, — сказал он Соне, — право, не надо!

Глава пятая

Со стороны Асгалуна по дороге навстречу путникам неся маленький толстый человек, кулем сидевший на такой же маленькой и толстой караковой лошадке. Круглое лицо человека было багрово, глазки грозно сверкали, а в короткой ручке тускло блестел большой заржавленный нож.

Едва завидев Тротби, он издал пронзительный крик и прищипорил своего скакуна.

— Прочь! Прочь, злодеи! Всех порешу! Растерзаю! Прочь!

Встревоженным эхом откликнулась чаща; из глубины ее, всполошенно каркая, вылетели сотни птиц и устремились ввысь, унося на крыльях тишину.

— Прочь! Уа-у-у! Пр-р-очь!

Случайный прохожий, конечно, вполне мог принять этого толстяка за лесного демона, но только не такие бывалые путешественники, как Рыжая Соня и Одинокый Путник.

— Уа-у-у! Всех порешу-у-у!

— Что ж он так орет? — недовольно покачал головой Шон, укладывая в мешок остатки трапезы.

— Наверное, буйнопомешанный, — предположила девушка и убрала кинжал в ножны, ибо не имела дурной привычки драться с безумцами. — Только бы не плюнул. Я слышала, их слюна заразна...

Тут безумец, который был уже совсем близко, как раз-таки плюнул, метя именно в Соню, но не попал. Тогда он закинул голову к небу и гнусно завыл. Путники вздрогнули. Негодование охватило их.

Юная воительница решительно шагнула навстречу толстой лошадке, ухватила толстяка за ногу и сдернула с седла. Он свалился на землю и затих, тараща в серое небо крошечные светлые глазки. Эхо от его воплей прокатилось по лесу, растворяясь в тишине.

— Что случилось, друг мой? — участливо склонился над ним Шон. — Жив ли ты? Мертв ли?

— Осторожнее, Одинокый Путник, — предостерег его Тротби. — Сейчас он пнет тебя под колено, проворно подскочит и с рычанием вцепится в горло. Отойди от него подальше...

— Он что, твой приятель? — с подозрением спросила Рыжая Соня.

Тротби не успел ответить, потому что хитрый толстяк вдруг ловко пнул Соню в бок левой ногой, а Шона под колено правой, потом проворно подскочил и с рычанием кинулся в бой. Шон, запросто одолевший трех железных воинов, здесь

растерялся. Он стоял, с печалью во взоре глядя вдаль, в то время как толстяк висел на его шее, извивался, скрежетал зубами и пытался его придушить. Возможно, этот день стал бы последним в жизни Одинокого Путника, и он, минуя периоды зрелости и старости, уже теперь превратился бы в легкое облачко, плывущее на ветерке, если бы не своевременная помощь Тротби.

Переступив через Рыжую Соню, которая валялась в канаве у края дороги и не могла подняться, поскольку ногами зацепилась за толстый корень ближнего дуба, он подошел к толстяку сзади, рывком оторвал его от Шона и отбросил в сторону.

— Остынь, Гиддо, — сказал он спокойно. — Ты опять все перепутал. Это мои друзья.

* * *

— Тьфу, Нергал побери мою вспыльчивость! — проклинал себя толстяк, посыпая лысину пеплом из костра. — Я принял тебя за сотника Лобла, господин. Он столь же высок и широкоплеч как ты, столь же статен; вот только глаза у него злые, а у тебя добрые. Но я-то слеп как крот! На два шага отойди, и я не различу, шемит ты или немедиц!

— Слишком много болтаешь, Ги, — осадил его Тротби. — Господин Одинокый Путник уже простил тебя.

Шон кивнул. Он до сих пор еще не мог опомниться от внезапного нападения воинственного толстяка и сейчас находился в оцепенении, мыс-

лями устремясь в неведомые миры, где все затянуто туманом и никакого просвета не бывает никогда.

— Он что, твой приятель? — сумрачно повторила вопрос Рыжая Соня, счищая с одежды листья, раздавленных муравьев, мошек и прочую дрянь.

— Можно и так сказать, — ответил Тротби. — Он пестовал меня с малых лет, лелеял и любил всем сердцем. Нынче, когда Лобл приехал за мной, я нарочно услаал из дома моего верного Ги — не то не миновать нам драки, и кто знает, чем бы тогда закончилась эта история...

— Что за история? — очнулся Шон. Снова в нем произошла борьба природной вежливости с природным же любопытством, и, как это часто бывало, победило все-таки любопытство.

Тротби и сам желал рассказать, но полагал, что развлечься приятной беседой можно и в пути. Поэтому он вскочил на своего прекрасного вороного, потом учтиво подвел девушке ее буланую, а Шону пинками подогнал каурого; Гиддо, пыхтя, забрался на взмыленную караковую, со стороны похожую на бочонок с длинными ушами и пышным хвостом. Солнце уже скрылось за лесом, когда путники снова выехали на дорогу, ведущую к Асгалуну.

— История, начала которой я не ведаю, — наконец сказал Тротби и с грустью взглянул на своего толстяка. Тот ответил ему ласковым взором, в коем отчего-то сквозило некое сожаление. — С того дня, как я поселился в Асгалуне

у дяди, жизнь моя словно перевернулась. Только в доме я мог чувствовать себя свободно и спокойно. Стоило мне выйти на улицу, как рядом или поблизости оказывались очень странные люди; самый вид их внушал мне робость. Мутные глаза, неровный шаг, нервные жесты... Я, мальчик, не раз замечал, что рассеянный взгляд такого вот безумца становится вдруг ясным и осмысленным, едва лишь направляется на меня. Я, молодой человек, давно привык к этому вниманию, и сердце мое уже не замирает от мистического ужаса, когда я выхожу из дома. Но год назад со мной случилось нечто и вовсе необъяснимое.

Дядя уехал по делам в Туран; я остался, окруженный множеством слуг и восемью наставниками. Мне было скучно, ибо друзья мои — благородный Сим и баронет Ааза Шаб-Бин — также покинули город, отправившись в приятное путешествие по морю Вилайет. Два дня я провел в томлении в четырех стенах своей комнаты, а на третий... Я проснулся до света и долго лежал, не открывая глаз. Неожиданный шум во внутреннем дворе дома заставил меня очнуться от дремы и выглянуть в окно.

Слуги толпились на краю науза, в котором плавали привезенные мною из Кофа золотые рыбки. Но не на рыбок смотрели они, не ими любовались и не ими восхищались.

Я открыл створку окна и приказал всем замолчать и расступиться. Следующий момент моей жизни — всего лишь краткий миг — я запомню

навсегда... В первом солнечном луче, посреди зелени моего двора, на чьем-то плаще лежала прекрасная незнакомка. Тотчас сбегав вниз, я бросился к ней.

Ее белое одеяние, покрытое пылью и грязными разводами, было разорвано от плеча до груди; светлые волосы спутаны; тонкое нежное лицо бледно; на чистом высоком лбу запеклась кровь. Она не двигалась, не открывала глаз и, кажется, ничего не слышала.

Я резко обернулся к слугам. «Кто это? Откуда она здесь? Что с ней?» Растерявшись, они мямлили несусветную чушь, и я, наверное, вовсе не получил бы ответа на свои вопросы, если б не Гиддо. Его комната — рядом с моей; он всегда чувствует, когда я пробуждаюсь, и терпеливо ждет моего зова.

— Я спешу к месьюру наследнику, одеваю его и заплетаю в косы его пышные волосы,— поспешил объяснить Гиддо спутникам.

— У меня не пышные волосы,— с неудовольствием сказал Тротби.— Я не женщина и не юный паж, который завивает по вечерам жалкую поросль на своей голове. Как у всякого кофийского рыцаря, мои волосы прямые, густые и длинные, вот и все.

— Похвальная скромность...— проворчал толстяк, но развивать тему далее не стал.

— Гиддо порою бывает невыносим,— шепотом поделился Тротби с Рыжей Соней, а вслух продолжал: — Я уже отчаялся вытрясти из этих кретин правду, как тут подошел мой верный Ги.

Он схватил за ворот старшего, грозно нахмурил брови и прорычал...

— Я прорычал то же самое, что месьюр сказал вежливо,— опять влез толстяк.

— Если ты будешь меня перебивать, я отправлю тебя дозором.

— Дозором? Ну уж нет. Я тебя не оставляю.

Тротби вздохнул и немного погрустнел. Судя по всему, он отлично знал, что спорить с Гиддо бесполезно.

— Хорошо, поезжай рядом, только не мешай мне рассказывать.

Толстяк милостиво кивнул, соглашаясь.

— Итак, Гиддо быстро добился от старшего признания. Оказалось, что двое слуг, как обычно, отправились на базар, к зеленщику и мяснику. На обратном пути они решили завернуть в таверну, чтобы выпить по кружке вина. Улицы были еще пусты, утро только брезжило, в полумраке виднелись лишь неясные очертания домов и башен... Чудесное время! Всё вокруг — каждое дерево, каждое окно и каждый камень на дороге — кажется исполненным некоего тайного смысла, и душа готова уже постичь сей смысл, но... Наступает рассвет. Солнечные лучи окрашивают земную жизнь в иные цвета; состояние души меняется; великая тайна бытия остается неразгаданной. Слишком коротко предрассветное время...

Не смотри на меня, мой верный Ги, таким укоризненным взглядом. Да, я отвлекся от сути повествования, однако наши новые друзья все поймут и простят меня, не так ли?

— Но...

— Замолчи, Ги. Я продолжаю. Конечно же, слуги не отягощали себя подобными размышлениями и не глазели по сторонам. В предвкушении вина они без умолку болтали. Вдруг лошадка одного из них заржала и встала как вкопанная. На холодных камнях дороги лежала девушка... Она так поразила их своей небесной красотой, что они подняли ее и, так и не заехав в таверну, повезли в дом моего дяди. Здесь они стали брызгать на нее водой из науза, пытаясь привести в чувство, но безуспешно.

Как только я услышал эту историю в их сумбурном изложении, я велел Ги немедленно приняться за исцеление несчастной. Он имел некоторый опыт в знахарстве и нередко помогал мне, а особенно дяде, при простудах и зубных болях. Теперь ему предстояло вылечить прекрасную незнакомку.

Гиддо с честью справился с сим делом. Девушка открыла глаза, обвела затуманенным взором наши лица... «Как звать тебя?» — почему-то шепотом спросил я. «Соломия», — слабым голосом ответила она.

Стоит ли говорить, что она осталась в доме, ибо была совсем слаба и беспомощна? Стоит ли говорить, что меж нами вспыхнуло то божественное чувство, кое люди называют любовью?

Не стану описывать дни, проведенные рядом с Соломией. Скажу одно: я был счастлив. Коротко она поведала мне свою печальную историю. Некий купец похитил ее из Кутхемеса (но родина

ее — Аквилония, а в Туране она жила с дедом и теткой) и привез сюда, в Шем. Ночью, на дороге в Асталун, на них напали разбойники. Пока купец и охранники сражались за свою жизнь, девушке удалось бежать. Один разбойник заметил ее и бросился в погоню. Догнал он ее лишь в городе... Жаль, что меня не было тогда с нею... Пытаясь вырваться из цепких лап негодяя, Соломия отчаянно сопротивлялась. Но разве могла она одолеть негодяя? Он ударил ее по голове, и последнее, что она увидела, был всадник, мчащийся по пустынной улице.

Соломия считает (и я с ней согласен), что всадник тот спас ее. Иначе разбойник непременно уволок бы ее в свое логово. Только... Куда же он делся? И почему спаситель бросил девушку? На эти вопросы мы не знаем ответов и вряд ли когда-либо узнаем...

Затем... Затем вернулся дядя. Я объявил ему о своем твердом решении взять Соломию в супруги. Он не возражал. Напротив! Мой старый добрый Лансере даже заплакал от счастья!..

В этом месте рассказа Тротби толстяк заметно помрачнел. Он пробурчал себе под нос что-то вроде «недолговечной радости земной» и отстал от спутников на несколько шагов. Он явно не желал слушать продолжения...

— Все разрушилось в один день... Купец, который похитил Соломию из Кутхемеса, оказался сыном советника. Мы узнали об этом позже, когда... Когда в день моей свадьбы, на рассвете, в дом пришли стражники, и с ними — Лобл. Они

обвинили дядю в убийстве (а накануне произошло ужасное происшествие: неизвестный пробрался во дворец наместника и отравил его); они связали ему руки и увели в темницу...

— И ты не вступился? — изумленно воскликнула Соня, до сего момента внимавшая Тротби хмуро и с недоверием.

— Вступился. Я успел заколоть одного стражника и ранить другого, но дядя неожиданно оттолкнул сотника и бросился между нами... «Я не хочу, чтобы ты тоже стал их жертвой», — с горечью сказал он, глядя мне прямо в глаза. Тогда я повернулся и ушел к себе...

— У него был повод отравить наместника? — деловито поинтересовалась девушка. Кажется, она уже составила свой план освобождения дяди и теперь намеревалась обсудить его со своими попутчиками.

— Нет! Тот был его другом — единственным другом во всем Асгалуне. Они часто встречались, вспоминали молодые годы... К несчастью, именно в тот роковой день дядя действительно посещал наместника, желая лично пригласить его на свадьбу. Но он не убивал его!

— Не понимаю, — рассердилась Соня. — Как же ты мог оставить дядю в темнице и уехать с Лоблом?

— Он вышел из темницы. Но какой ценой... Сын советника, купец Аххаб, явился ко мне как-то и предложил такую сделку: я возвращаю ему Соломию, а он договаривается с градоправителем Хайме и тот отпускает моего дядю на свободу.

Надо сказать, что до тех пор в Асгалуне правили по двое — наместник, который ведал также всеми окрестностями города, и градоправитель, который властвовал собственно в городе. Естественно, что наместник считался особой более важной, ибо его территория простиралась почти до половины страны и он имел большое влияние в Шеме и при шемском императорском дворе. Когда его отравили, градоправитель Хайме принял на себя все его полномочия и власть. Так что судьба Лансере теперь зависела от него...

Нечего и говорить, что я прогнал Аххаба вон. Но мысль о том, что брат моего отца влачит жалкое существование в мрачном подвале, не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Наконец я решился и предпринял попытку тайно выкрасть Лансере из темницы. Увы. Двое слуг моих были убиты, сам я ранен, а дядю перевели из подвала в подземелье...

Внезапно Тротби прервал свой рассказ и оглянулся.

— Хей, Одинокый Путник, — вежливо сказал он. — Вон та маленькая серая лошадка слишком кокетничает с твоим кауром. Обрежь веревку. Эти клячи никуда от нас не денутся.

Серая лошадка действительно оказывала каурому недвусмысленные знаки внимания, отчего тот нервничал и тряс хвостом. Шон соскочил на землю, рассек кинжалом веревку и отогнал кокетку в конец процессии.

— И что же дальше? — спросил он, снова забираясь на каурого.

— А дальше... По совету Гиддо я написал прошение и отнес его градоправителю с поклоном (что было противно мне, но необходимо по этикету) и богатыми дарами. Мерзавец принял все, по-детски радуясь вазам и чашам тончайшего кхитайского фарфора, самоцветам и золотым побрякушкам, однако в ответ на мою просьбу скорчил подлую мину и заявил, что Лансере — убийца, а потому окончит дни свои в темнице или под топором палача.

Я понял, что окружен такой же сплошной стеной, как мой бедный дядя. Я не мог прикоснуться к ней рукой и ощутить сырую твердь камня, но также я не мог и пробиться сквозь нее, дабы очутиться на другой стороне...

В ярости и раздражении вернулся я домой; Соломия ждала меня. За весь долгий вечер мы не перемолвились и парой слов — лишь смотрели друг на друга, постепенно погружаясь в сумрак наступающей ночи. Не знаю, что сумела она увидеть в моих глазах, но в глубине ее прекрасных очей я заметил удививший меня покой... Впрочем, я устал. Ничто уже не трогало меня. Я встал и отправился спать.

На следующий день Соломия исчезла. С ужасом осознал я, что вокруг меня завертелись какие-то злобные и невероятно мощные силы; близкие мне люди становились жертвами обмана или предательства; наконец, со мной остался один Гиддо, и я отнюдь не уверен в том, что завтра он еще будет жив и свободен... Это открытие поразило меня. Неужели боги проклинали меня? За

что? Отчего рядом со мною становится пусто, холодно и неуютно?

Не стоило труда догадаться, что Соломию искать не надо: она у Аххаба. Я пришел к нему в дом, с омерзением увидел его сушеную морду и гадкую ухмылку на синих губах. Он не отпирался. Да, девушка у него, и пришла она сама; он не разбойник, чтобы похищать ее из моего дома; родом он из Турана, где живут самые благородные мужи в мире; он купец, причем кристальной честности; я могу посмотреть ему прямо в глаза и в сем убедиться...

Аххаб выпучил крохотные рачьи глазки и поворачивал ими, доказывая свою искренность. Затем он позвал Соломию, и по тому, как отворачивала она от меня взор, я понял, что купец не лгал... Молча ушел я оттуда. Камень на моем сердце стал тяжелее во сто крат.

Весь день я провел в страшных терзаниях. Гиддо напрасно отпаивал меня настоями лечебных трав: я был болен, болен душевно. Я так отчаянно хотел умереть, что почти уже умер... Она предпочла мне этого сморчка? О, женщина... женщина... женщина...

Мириады мрачных мыслей роились в моей голове, отравляя каждый вздох и каждый выдох. Я выпил две бутылки крепкого красного вина и забылся на время. Но и в полудреме без конца возникали передо мной лица отца, матери, дяди, Соломии — всех тех, кого я уже потерял...

А к сумеркам домой вернулся дядя. Аххаб и здесь не солгал... Что ж, значит, Соломия не пре-

давала меня? Наблюдая мои мучения, она решила ценою собственной чести спасти Лансере? Так оно и было. Теперь я мог проклинать себя за то, что усомнился в ней...

В течение пяти дней я не вставал с постели, послушно принимая настой Гиддо утром и вечером. На шестой день дядя, с целью отвлечь меня от мучительных дум и воспоминаний, дал мне запечатанный пергамент и попросил отвезти его на окраину Асгалуна, в дом его старого знакомого Граха, судьи.

Не успел я проехать и трех улиц, как меня догнал Лобл. «Куда ты так торопишься, месьор?» — спросил он, нагло усмехаясь. Я не ответил. Тогда он скривился и сказал: «Не выношу знатных господ. Воротят нос от нас, простых смертных, как будто и не создавали боги всех людей равными! Но я испорчу тебе настроение... Нам нужен убийца наместника, и, кажется, на эту роль отлично подойдешь ты. Твой дядя свободен, девица в руках Аххаба — ничто и никто не держит тебя в доме; будущая жизнь твоя все равно разбита, так что я заберу тебя на рассвете и отвезу в Аргос. Там, возле Мессантии, на берегу моря Запада есть неплохое местечко для опасных преступников... Ха-ха-ха!»

Меня удивила его странная речь. С чего вдруг я должен заменить им убийцу? «Лобл, ты глуп и невоспитан, — сказал я. — Я не буду играть в ваши подлые игры. Ищи настоящего отравителя, а меня оставь». Он сплюнул в пыль, явно раздраженный моими спокойными словами. «Тогда твой дядюшка снова окажется в темнице! — крикнул он, гарцуя

рядом со мной на своем кауром. — Выбирай! Ты или он!»

Резко развернув коня, сотник поскакал прочь, оставив меня в полной растерянности.

Не останавливаясь и на миг, я отвез пергамент Граху и поехал домой. По дороге я все решил. Да, я заслуживаю наказания. Хотя бы за то, что позволил Соломии погубить свою жизнь ради жизни моего дяди и ради моего собственного покоя. Хотя бы за то, что сам не нашел выхода и не сумел вызволить Лансере из асгалунского подвала.

Скажу честно, друзья: мне стало намного легче, когда я понял, что мне предоставляется наилучшая возможность искупить вину перед всеми.

Увидев меня в добром здравии и хорошем настроении, дядя и Гиддо тоже повеселели. Я обнял их и попросил верного Ги на рассвете съездить на базар, чтобы купить мне шлем. Я и в самом деле давно хотел приобрести шлем у знаменитого оружейника Мархана, но у него все не находилось такого, что подходит мне. Я обманул Гиддо, сказав, что договорился с Марханом и он уже выковал шлем по моему рисунку. Затем я обернулся к дяде...

— Ты и его обманул? — покачал головой Одинокий Путник. — Напрасно, напрасно, мальчик.

— Не знаю, — задумчиво произнес Тротби. — Может быть... Во всяком случае, на рассвете он отправился к судье Граху и не видел, как за мной приехал сотник Лобл со своими железными воинами... Вот и все.

Сумерки сгущались над лесом, проникая меж стволов, ветвей, листьев. Ветер теребил верхуш-

ки деревьев, подвывая тонко и жалобно. Лунный диск повис на туче; его тусклый свет в полумраке создавал иллюзию опустошенного мира. Словно и не было более жизни на земле. Словно лишь четверо из созданий божиих остались дышать и чувствовать, а все прочие исчезли бесследно...

Погрузившись в глубокое молчание, спутники неспешно ехали по лесной дороге. Они снова думали о вечном, но на сей раз не догадывались о том.

Глава шестая

Скоро толстяку пришлось зажечь факел. Его маленькая лошадка заржала, протестуя, однако тут же получила шпорой в бок и, обиженно хрюкнув, смолкла.

— Уже ночь, — молвил Тротби, вздыхая, — а мы еще не добрались до Асгалуна.

— Ты спешишь к дяде? — спросила Соня.

— Не ведаю, спешу ли я. Что мне сказать ему? Как оправдаться?

Он пожал плечами и отворотился. Настроение его снова упало; снова мрак и странные мысли овладели им; снова наваждение закружило голову. Чуткий толстяк, отставив руку с факелом в сторону, сделал стойку. Щурясь от ярких отблесков пламени, он вглядывался в окаменевший профиль хозяина так настороженно, будто ожидал, что тот сейчас выкинет что-нибудь неприличное. Тротби почувствовал этот взгляд, в раздражении бросил поводья и закрыл лицо руками.

— Не смотри на меня, Ги!

— И не думаю даже,— фыркнул толстяк, опуская факел.

В этот момент ветер со свистом слетел вниз, заметался по дороге, вздымая листья и пыль, трепля гривы лошадей и волосы всадников. Черные тучи заволокли небо и луну. Вдали послышались громовые раскаты.

— О, боги! — вскричал Гиддо, оборачиваясь к спутникам, словно богами были они. — Что нам делать? Начинается буря!

— До Асгалуна еще далеко,— сказал Шон. — Но в конце дороги, на краю леса, есть заброшенный дом. Он весь в дырах и полон мышей, зато крыша там крепкая... — И он задумчиво посмотрел на Соню, которая ответила ему понимающим взглядом.

Да, им обоим надо было выбирать между бурей и мышами. Уже обезумевший ветер, подывая, носился по лесу, срывал листья и ломал ветки. Уже тучи сомкнулись, не оставив просвета даже для одной звезды. Уже сырая ночная мгла окутала землю и воздух стал густ, тяжел, вязок... Все это совершенно не устраивало Рыжую Соню. Она глубоко вздохнула и предпочла все-таки мышей...

— Что ж ты медлишь, Одинокый Путник? — как обычно, она набросилась на него. — Бери у Гиддо факел и скачи вперед! Ты знаешь, где тот дом?

— Конечно.

Шон улыбнулся, взял у толстяка факел. Мгновением позже его каурый всхрапнул, рванулся с места и унес всадника во тьму. Только крошечное яркое пламя звездочкой летело над дорогой...

Тротби, расстроенный, как разбитая вдребезги лютя, воспринял капризы природы философски. Он лишь мельком взглянул на черную бесконечную высь, откуда уже брызнули холодные колючие капли дождя, и, не сделав даже попытки укрыться курткой, спокойно продолжал путь. Мысль его витала в ином пространстве. Там не было тьмы и света; там не было неба и земли; только память и ощущение прошлого...

— Скорее, месьор! — крикнул толстяк прямо в ухо Тротби. — Скорее! Не время рассуждать о высоком! Сейчас разразится буря!

Тротби чуть приоткрыл ресницы. Взор его прекрасных глаз был мутен.

В отчаянии Гиддо посмотрел вдаль, где еще мелькал огонек его факела. Миг — и вновь все окутал мрак.

— Ах, месьор,— простонал он. — Как мы теперь найдем дорогу?

И тут холодная тяжелая капля ударила Тротби по затылку и стекла за шиворот. Он вздрогнул. Все потустороннее испарилось мгновенно. Он вдохнул влажный острый воздух и в недоумении огляделся. Рядом гарцевал на караковой верный Гиддо. Сзади, уныло опустив головы, шли клячи железных воинов. Шон и девушка исчезли. Вдруг Тротби показалось, что их и вовсе не было — они просто пригрезились ему там, в ином пространстве.

— А где же...

— Госпожа Рыжая Соня и господин Одинокый Путник поехали вперед. На краю леса есть

заброшенный дом, где мы сможем укрыться,— терпеливо пояснил толстяк хозяину.— Едем, месьюр, едем!..

Он воздел руки к небесам, намереваясь молить богов о скором исцелении своего бедного хозяина, но тот уже очнулся. Расправив плечи, потрянув белыми прядями волос, с прежней удалью он поднял на дыбы вороного, свистнул и — вихрем умчался в черную мглу.

Пухлое лицо Гиддо расплылось в счастливой улыбке. Он тоже залихватски свистнул и тоже поднял на дыбы свою лошадку. Как всегда, ему крупно не повезло: толстая ножка караковой подвернулась, и она с печальным ржанием грохнулась в ворох листьев, придавив собою седока.

* * *

Первым в дом запустили Тротби. Шон и Рыжая Соня предпочли промокнуть до нитки, стоя у разбитого крыльца, лишь бы только не встречаться с мышами. Но и здесь им пришлось слушать омерзительный писк и шуршание хвостов по полу. А когда одна серая тварь вдруг выскочила из-под двери и прошмыгнула мимо Шона, наступив на его сандалию своей противной лапкой, он побледнел, покачнулся и едва не упал.

— Что вас так перекосило, друзья мои? — удивился Тротби, выходя на крыльцо с факелом в руке.— И почему вы стоите здесь? Почему не заходите в дом?

Шон хотел соврать, что они с Соней привязывали лошадей, но вовремя вспомнил, что этим

они занимались втроем, вместе с Тротби. Поэтому он не нашел ничего лучшего, как воскликнуть с фальшивым восторгом:

— Как я люблю дождливую ночь!

В тот же момент ему стало невыносимо стыдно. Он закашлялся и отвернулся.

— Да, мы любим природу,— напряженным голосом подтвердила Рыжая Соня.— Я тоже очень люблю дождливую ночь.

Тротби не находил ничего замечательного в холодной и мокрой мгле, что окружала их со всех сторон, но спорить с самим Одиноким Путником и его подругой не стал. Пожав плечами, он предложил им войти в дом и полюбоваться на дождливую ночь из окна, ибо уже не на шутку был обеспокоен их здоровьем: с обоих стекали потоки воды, а взбесившийся ветер дергал и рвал их одежду и волосы.

— Конечно, идем,— бодро ответила Соня, однако не двинулась с места.

Тут только Тротби догадался, в чем дело. Он опустил факел, так что теперь лица его попутчиков оказались в темноте, и как бы между прочим сказал:

— Мышей тут было не меньше сотни. Пришлось повозиться, чтобы всех разогнать.

— Всех? — с надеждой спросил Шон.

— Всех до единой.

— Что-то я замерз. Идемте скорее в дом. Надо развести костер и согреться.

Промолвив сии разумные слова, Шон быстро поднялся по расколотым ступеням и шагнул внутрь. Соня и Тротби тотчас последовали за ним.

В огромной темной комнате было пусто, если не считать обломков стола, половинки лавки, кривого табурета, а также длинного и узкого топчана в углу, заваленного грудой барахла. Сор слоем покрывал земляной пол; единственное окно, затянутое бычьим пузырем, потемнело от пыли; стены большей частью состояли из щелей и дыр, и ветер задувал внутрь брызги дождя и колючий песок.

Пока Шон кинжалом строгал доски стола, дабы соорудить из них костер, Соня подняла лавку, укрепила ее у стены, протерла платком шершавую поверхность и села, вытянув длинные ноги в высоких кожаных сапогах. Лишь сейчас, впервые за день вздохнув глубоко и спокойно, она ощутила усталость. Все тонкое гибкое тело ее расслабилось, дрема опустилась на веки и легкая, полудетская улыбка пробежала по губам...

Тротби, примостившийся в углу напротив, смотрел на нее с удивлением. Неутомимая, неистовая Рыжая Соня, оказывается, была совсем еще юна и невинна. И хотя он своими глазами видел, как летает в ее ловких руках смертоносный клинок, как решительна ее походка и как остер ее взор, ему вдруг захотелось нежно обнять ее и заслонить собою от этого жестокого, мрачного мира...

— А где же Гиддо? — спросил Шон, сим простым вопросом повергая Тротби в состояние глубочайшего недоумения.

— Что?

— Где Гиддо? Не заблудился ли он?

— Нет, — неуверенно ответил Тротби. Он знал своего верного Ги как отличного бойца и строгого

воспитателя, но понятия не имел, как он ориентируется на местности. Впрочем, в такую черную промозглую ночь даже бывалый бродяга может сбиться с дороги и заплутать в лесу... Краска стыда залила бледные щеки Тротби: как он мог оставить Гиддо одного? Как мог забыть о нем? Он снова взял факел.

— Я поеду.

— Куда?

— Поищу его.

— Подожди меня, мальчик. Поедем вместе.

Шон подбросил в огонь горсть сухих щепок, поворошил их. Сноп искр взметнулся к потолку, на миг озарив комнату багровым светом. Тротби сидел у самого края костра, глядя сквозь пляшущие языки пламени, мимо Одинокого Путника — на юную воительницу.

Будучи не в силах оторвать зачарованного взора от безмятежного лица спящей девушки, он немало смутился, когда Шон достал из дорожного мешка, изнутри обшитого кожей, тонкое шерстяное одеяло, и накрыл им Соню. В досаде Тротби ткнул себя в лоб кулаком — почему же он не догадался сделать то же самое? Все повторялось: он опять, увлекшись собою, не подумал о ближнем... Разве так воспитывали его дорогие родители? Разве никогда не говорили они ему о благородстве духовном как о высшем достижении человека?

— Теперь всё. — Шон подошел к Тротби и протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

Но только они повернулись и шагнули к двери, как снаружи раздались знакомые звуки, перекрывающие шум ливня, — топот копыт, брань,

треск веток и, наконец, жалобный скрип разбитых ступеней крыльца. Затем дверь распахнулась, и в комнату ступил толстяк.

* * *

Мокрый, весь облепленный разноцветными клочками листьев, чихающий и кашляющий Гиддо тем не менее счастливо улыбался. Быстрым цепким взглядом окинув статную фигуру хозяина и убедившись в том, что с ним все в порядке, он таинственно подмигнул Шону, запустил короткую ручку в свою заплочную сумку и вынул оттуда тушку жирного зайца.

— Вот! — торжествующе сказал он. — Моя добыча!

Комната сразу же наполнилась непередаваемым ароматом.

— О, — Тротби сморщил нос, двумя пальцами взял зайца за ухо и отдал его Одинокому Путнику. — Где ты его нашел, Ги?

— Мы на него упали, — пояснил толстяк. — Мы с караковой. Она, бедняжка, подвернула ногу и рухнула как подкошенная прямо в лужу. Я, конечно, рухнул вместе с ней, громко стеная и бранясь. Каким-то чудом под нами оказался этот заяц. Придавленный нашими мощными телами, он скончался на месте. Отличная будет трапеза у месьора наследника.

И довольный собой толстяк, потирая ладошки, просеменил к костру.

— Что? — Тротби посмотрел на него так, словно впервые видел. — Ты хочешь, чтоб я съел его

один? Ты расстраиваешь меня, Ги. Ведь ты сам всегда говорил мне, что благородный человек должен делиться с друзьями.

Сияние в крохотных глазках толстяка погасло.

— Ладно, — кисло сказал он. — Если ты решил поделиться со всеми — делись. Каждому достанется маленький кусочек. Очень маленький кусочек. Правда, им не утолишь голода, зато некоторые благородные господа будут удовлетворены.

— Не ворчи, — отмахнулся Тротби. — Жарь скорее зайца и накрывай на стол.

Однако Гиддо не суждено было нынче стать кухаркой. Шон, с большим интересом слушая милую перебранку слуги и хозяина, времени зря не терял. Он освеживал и разделал тушку, кинжалом расковырял в земляном полу ямку, сложил туда останки зайца и засыпал их горящими углями.

— О, господин Одинокый Путник... — смущенно пробормотал толстяк. — Ты расторопен и несуетлив. Пожалуй, ты имеешь право разделить трапезу с месьором наследником...

— Ах, Гиддо, — с досадою молвил Тротби.

Более он не сказал ни слова, зная прекрасно, что в ответ получит все двадцать, а в душе еще раз подивился спокойному и незлобивому нраву Одинокого Путника. Наглое заявление Гиддо ничуть не рассердило его. Он лишь кивнул ему и снова улыбнулся.

Задумавшись о превратностях судьбы, что столкнула его на пустынной лесной дороге с двумя странниками, Тротби уселся в углу и прикрыл глаза. В этом огромном мире кроме своих дорогих роди-

телей он знал только двух человек, которым доверял всем сердцем — дядю и Гиддо. Год назад появилась Соломия — ей он тоже верил, ибо любил. Однако никогда прежде не случалось ему так искренне открыться перед чужими, совершенно посторонними людьми. Даже друзья — благородный Сим и баронет Ааза Шаб-Бин — не ведали всех тревожений последнего года. Собственно, их сие и вовсе не интересовало. Они любили одни лишь светские радости: к примеру, красное аргосское вино, белый шемитский хлеб да розовощеких толстомясых девиц... Тротби тоже не был таким уж затворником и аскетом, но, успев к своим годам многое испытать, знал и обратную сторону жизни...

Мысль его рассеялась; воспоминания стали призрачными, полупустыми. Уже погрузившись в глубокий сон, он увидел ту же лесную дорогу и мертвые тела железных воинов на ней. Вокруг было тихо. Стервятники улетели. Белый туман опускался к земле, почему-то издавая резкий запах жаркого. Сотник Лобл, залитый кровью, то ли стонал, то ли пел...

— Месьюр наследник, — знакомый голос позвал его издалека. — Заяц готов.

На окровавленной голове сотника выросли заячьи уши. Они трепетали на ветру как флаг. Тротби засмеялся и проснулся.

С отстраненной улыбкой взглянул он сквозь огонь на Одинокого Путника, на Гиддо и Рыжую Соню, что сидела меж ними и улыбалась ему в ответ. Девушка уже не казалась столь нежной и невинной, как в благодные мгновения дремы, но

теперь Тротби точнее ощущал ее и понимал. Сейчас она пребывала в состоянии полного покоя; ничто не тревожило ее; взор красивых серых глаз не таил угрозы или подозрения...

Соня, заметив внимание Тротби, снова улыбнулась ему. Впервые за долгие луны в ее душе воцарился мир: рядом был Шон, надежный товарищ и добрый попутчик, вокруг дырявые стены заброшенного дома, за ними — дождливая беспросветная ночь, в середине комнаты костер, на триптиче аппетитные куски жаркого, перед глазами прекрасное лицо Тротби...

Жизнь. Порою можно почувствовать себя на вершине счастья. Все-таки можно... Хотя бывает, вершина счастья складывается из совсем простых вещей, таких как нынешний мирный уют и плечо друга рядом...

Если б Соня всегда думала иначе, ее жизнь могла бы уже закончиться, и сие было бы только истиной и необходимостью. Но она знала, что есть такие мгновения, ради которых приходится проживать длинную череду утомительных, мрачных, тяжелых дней. И пусть плата непомерно велика, она согласна платить, если только... Нет, никаких условий судьбе Соня не ставила. Находясь на вершине счастья в полуразрушенном доме, она желала лишь продлить время, растянуть эту черную ночь хотя бы за счет светлого тихого утра...

— Заяц готов! — повторил толстяк, протягивая хозяину самый лучший, самый толстый кусочек.

Тротби взял его машинально, сунул в рот и начал медленно жевать, почти не ощущая вкуса.

Меланхолическое настроение словно зараза передалось Шону от Тротби и Рыжей Сони. И он, кусая заячью лапку, задумчиво смотрел в огонь; и ему эта ночь казалась особенной, нисколько не похожей на предыдущие, что, в общем, было довольно странно для такого бывалого бродяги. Ведь Шон в своих странствиях встречал великое множество самых разных людей и пережил еще большее множество самых разных ночей. А впрочем, душа его всегда была открыта для чувств... Толстяк же, несмотря на добродушнейший вид, остался непоколебим. Его в данный момент интересовал только заяц, коего он и уплетал с видимым удовольствием. А когда Соня, отвлекшись от мыслительного процесса, спросила у Тротби о близкой, но незнакомой ей стране под названием Коф, Гиддо вызвался описать все красоты родного ему края.

— Позволь, я расскажу, месьор? — Он умильно заглянул в глаза хозяину. — Я не буду много словен, поверь.

Тротби ничего не имел против.

— С великодушного позволения месьора nasledника я начну свой рассказ, — важно молвил польщенный всеобщим вниманием толстяк. — Первые годы жизни моего хозяина (все, что было со мной до его появления на свет — сущая несообразность, скучная и дурная) мы провели в чудесной стране, что называется скромно и мило — Коф. Коф, как вам известно, находится между некрасивым Офиром и уродливым Шемом точно как сияющий бриллиант между осколком гранита и замшелым булыжником.

Владения высокородных Бадов, рыцарей Золотой Звезды, простираются от северных гор до самого Хоршемиша. Увы, ныне эти плодородные земли утратили истинного хозяина, коим является мой господин; сейчас ими управляет наместник Гуго Дагор — странный человек, между прочим... Хотя сие несколько иная история.

Так вот. Когда двадцать два года назад я — бедный, но благородный рыцарь...

Рыжая Соня, уже успевшая позабыть свое бесславное поражение в битве с толстяком, уставилась на него в изумлении.

— Ты рыцарь?

— Да, — с достоинством отвечивал он. — А что, не похож?

— Не похож, — бестактно отрезала юная воительница. — Ты маленький и толстый. Рыцарь должен быть строен, быстр и ловок как тигр.

— Я тигр, — заверил девушку толстяк. — Воистину тигр, госпожа Соня. Да вот хоть у хозяина спроси.

— Он тигр, — усмехнувшись, подтвердил Тротби.

— Не суди по внешнему виду, Соня, — добавил Шон. — У моего отца был конюший — огромный парень с железными кулаками и сумрачным взглядом. Он без труда поднимал на своих плечах двухгодовалого быка, рвал цепи и мог одним ударом свалить с ног лошадь. Но однажды на наш дом напали кочевники. Их было человек пятнадцать против дюжины слуг. Помню, даже старик повар бросился на разбойников с черпаком наперевес, даже птичница, прикрываясь ведром, лупила их палкой и осыпала проклятиями... И, клянусь, я не поверил сво-

им глазам, когда увидел, с какой скоростью наш силач удирает через задний двор в поле... В сумрачном взоре его бился страх недорезанной свиньи...

Шон одобряюще улыбнулся маленькому Гиддо и умолк, кажется вновь увлекшись мысленным путешествием в неведомые миры.

— Так что я рыцарь,— заключил тему толстяк,— пусть толстый, зато не рыхлый, а тугой. Ты можешь протянуть руку, госпожа Рыжая Соня, и пощупать мой бок или живот (я уж не говорю про мускулатуру груди и шеи), и тогда ты убедишься в исключительной крепости моего тела.

А теперь с вашего согласия я продолжу свое повествование. Полное имя мое — Гиддо Мариза Нелидо Фан Миакка. Я кофеец, мне пятьдесят лет. Я никогда не был женат и детей не имею. Мой господин — моя семья, а более мне никого не нужно.

Двадцать два года назад я вернулся в Коф из дальних странствий, пришел к месьору Анжелиасу и пал к его ногам. «Я готов служить тебе верой и правдой, о господин! — воскликнул я, пытаюсь облобызать его железный сапог.— Прости меня и возьми к себе!» Да, я был виноват... Я, вассал, в юности нарушил клятву, сбежав из родной страны на запад. Я утратил честь рыцаря, в веселии и разврате проводя время. А когда, спустя годы, в затуманенном мозгу моем наконец мелькнуло воспоминание о месьоре Анжелиасе и его благочестивой супруге, мне вдруг открылась истина...

Он простил меня; он вернул мне тот крошечный клочок земли, коим владели мои предки; он заново выстроил мне дом; он взял меня на службу

в свой великолепный замок, где и провел я те счастливейшие двенадцать лет, о которых буду помнить всегда.

Через несколько лун после моего возвращения Винченса, дочь Килина и супруга моего господина, произвела на свет сокровище, кое сидит сейчас рядом со мной и сонно моргает своими прекрасными глазами. Лишь только я увидел его в первый раз, такого маленького, беспомощного, сердце мое дрогнуло и осталось с ним навсегда. Мне некого было любить все годы моей глупой беспутной жизни, но счастье, видимо, еще не покинуло меня. Судьба распорядилась так, что в тот момент в замке моего господина не было надежного человека для воспитания юного месьора...

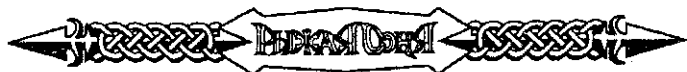
— Все же ты слишком многословен, Ги,— вежливо заметил Тротби, еле сдерживая зевок.— Раньше ты умел говорить коротко...

— Я и теперь умею, месьор наследник,— надулся толстяк.— Но красноречие есть искусство, которым в наше смутное время владеет один из тысячи, и, поскольку я и есть тот самый один из тысячи,— иных, косноязычных, я...

— Гиддо!

— Ну, хорошо. Я пропущу те благословенные двенадцать лет и продолжу повествование с того дня, когда после внезапной кончины Анжелиаса Бада и его несравненной супруги мы — то есть месьор наследник и я — уехали в Шем...

— Об этом я уже рассказал моим друзьям,— снова прервал толстяка Тротби.— Я как раз остановился на том, как мы сели в карету, которую

за нами прислал дядя. И потом, ты обещал живописать Коф, а вовсе не наши злоключения.

— О, конечно! Незамедлительно начну рассказ...

Не выдержав, юная воительница дернула за рукав Шона, который под болтовню Гиддо сладко уснул. Шон тут же пробудился, мутными глазами оглядел товарищей. Неведомые миры, кои снились ему в эти мгновения, испарились бесследно; серый туман рассеялся.

— Ты был учителем Тротби? — Он совершенно правильно истолковал усиленное подмигивание Рыжей Сони, которая сочла, что не раз уже была бестактна и теперь пришла очередь Одинокого Путника перебивать занудного повествователя.

— Да,— сказал Ги,— я учил его грамоте, геометрии, верховой езде, этикету и прочей ерунде, столь необходимой человеку такого высокого происхождения, как мой несравненный месьюр...

Обрывая листья, лил сплошной дождь, убаюкивая и без того сонных путников, а Гиддо говорил и говорил, наслаждаясь звуками своего приятного баритона, не замечая, что постепенно глаза его покорных слушателей закрываются, а головы склоняются; что смысл его речей уж больно затейлив, да к тому же погребен под массой лишних слов; что, в конце концов, уже середина ночи и после долгого дня пути все хотят спать...

Но вот и сам он, оборвав монотонный рассказ свой на полуслове, уснул. Костер угасал, и шум дождя становился прерывистой, глуше... Наступал новый день.

Глава седьмая

Долгая дорога завершилась у стен древнего Асгалуна. Путешественники, усталые, но умиротворенные утренней свежестью и теплом, шагом въехали в город.

Заспанные стражи у ворот при виде Тротби заметно оживились, принялись почтительно кланяться. Он же на них никакого внимания не обращал: взор его, ставший вдруг надменным, был направлен вперед и вверх, туда, где уже показался ослепительно яркий край оранжевого солнца. Тонкие губы месьюра наследника были поджаты, а брови сдвинуты к переносице, так что казалось, будто он только сейчас сошел с картины придворного живописца. Соня и Одинокый Путник смотрели на него с удивлением.

Толстяк также изменил выражение лица. В крохотных глазках его мерцал злобный огонек, толстый маленький нос сморщился, как от неприятного запаха. И он проехал мимо городских стражей молча, не подарив им даже короткого взгляда.

Тут Соня и Одинокый Путник насторожились. С того мгновения, как они покинули заброшенный дом на краю леса, ни Тротби, ни его верный Гиддо не проронили и слова, что было довольно странно, но вполне объяснимо — половину дня и половину ночи они потратили на повествование о себе и своей жизни, и теперь, конечно, могли испытывать усталость и желание немного поразмыслить. К тому же, открывшись вовсе незнакомым людям, бродягам и задирам, они непременно должны были ощутить некий неуют в душе и, может быть, раскаяние в собственной откровенности.

Но когда при въезде в город Одинокый Путник задал Тротби вопрос и не получил ответа, а потом тот же вопрос обратил Гиддо и тоже не получил ответа, тревога проникла в сердца друзей. Рыжая Соня положила ладонь на рукоять кинжала и вопросительно посмотрела на Шона. Тот только вздохнул.

Удивительно (и обидно!) было сие поведение молодого рыцаря и его слуги. Удивительно было гордое их возвращение в Асгалун и надменный вид. Удивительно было и то, что ни один из стражей не потребовал с них, а заодно и с Одинокого Путника и Рыжей Сони, обычной платы за пересечение границы городских ворот, как это бывало везде, во всех почти городах мира, и уж, во всяком случае, в Асгалуне.

Только проехав две улицы и один переулок, Тротби остановил вороного. Повернувшись к спутникам, он слегка поклонился им, причем холод

в его прекрасных сиреневых глазах совсем не растворился, не стал мягче.

— Здесь мы расстанемся, — сказал он сухо. — Прощайте.

Резко развернув коня, он поскакал по мостовой и через несколько мгновений уже скрылся за углом. За ним тотчас устремился и толстяк, который вообще ничего не говорил и глядел куда-то в сторону.

Пораженные, оскорбленные до глубины души, Соня и Шон стояли в узком переулке и угрюмо смотрели вслед недавним спутникам. Клячи железных воинов топтались позади каурого, покорно ожидая, когда хозяева снова двинутся в дорогу, и сам каурый, мотая головой, косил на всадника чёрный глаз, как бы испрашивая позволения рвануть вперед подобно ветру...

Наконец Шон тронул поводья, но заставил коня идти медленно, шагом. Выехав на широкую и очень длинную улицу, с обеих сторон усаженную высокими молодыми липами, он кивком указал Соне на каменное крыльцо приземистого дома. Здесь была таверна. Дверь ее, выкрашенная в яркий синий с красными полосами цвет, привлекала внимание любого прохожего, кроме слепого, что и требовалось хозяину.

Вывеска над ней сообщала, что принадлежит она добропорядочному шемиту Аремии Гофу и называется «Сын свиньи». Ясно, что под сыном свиньи Аремия Гоф имел в виду вовсе не себя, а самого что ни на есть обыкновенного поросенка, но большинство его сограждан никак не могли

сего уразуметь и все норовили обидеть хозяина, либо мерзко хрюкнув за его спиной, либо состроив свинскую морду.

Аремия жестоко мстил за такое отношение всем, кому только мог: он разбавлял вино водой, не мыл кружки и блюда, а животных и птиц резал лишь перед самой их естественной смертью, отчего мясо было жестким, жилистым и невкусным.

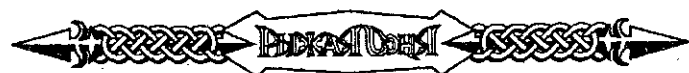
Об этом рассказывал Одинокий Путник девушке, привязывая каурого, ее буланую и кляч железных воинов к массивным кольцам, вделанным в стену.

— Отчего бы тогда не поискать другую таверну? — мрачно осведомилась Соня.

— Надеюсь, с нами Аремия будет любезнее, — отвечал Шон.

Они вошли внутрь, в небольшой зал, тускло освещенный закопченными лампами, и сели за стол у окна. Посетителей в это раннее время было немного: всего двое солдат и молодой человек с нездоровым цветом лица. Они мирно попивали вино из огромных глиняных кружек, изредка обменивались парой слов, потом замолкали, уныло глядя в обшарпанные стены.

Сбоку, возле кухни, притулилась парочка музыкантов. Едва новые гости устроились поудобней, они начали играть — один на дуде, второй на цитре. Обоих спутников передернуло при первых же звуках этой тягучей, заунывной мелодии. Соня, от рождения обладавшая тонким музыкальным слухом, побледнела и немедленно схватилась за кинжал.

— Не балуйся, — улыбнулся ей Шон. — Парни зарабатывают на хлеб и вино. Пусть их, потерпим.

Вскоре сам Аремия, улыбаясь приветливо, подошел к гостям. В его красной разбойничьей физиономии с грубыми рублеными чертами не было ничего свинского. Небольшие карие глаза, в коих Соня заметила и ум, и энергию, и некую даже чувствительность, смотрели весело, открыто. Кустистые брови, точь-в-точь такие, как и усики под длинным толстым носом, топорщились; тонкогубый рот показался Соне немного крив; руки были красны; в коротких черных волосах поблескивали серебряные нити, а лоб прорезала глубокая продольная морщина, хотя Аремии едва ли исполнилось сорок лет. В общем, хозяин производил впечатление доброго человека.

— Шон! — сказал он, с улыбкою разводя руками. — Как давно я тебя не видел! Год? Два?

— Думаю, три, не меньше, — улыбнулся и Шон.

— Три года! О, за это время многое, многое изменилось, дорогой друг. Я продал свой дом в предместье Асгалуна и купил еще одну таверну в городе. Там заправляет моя супруга. Надо сказать, у нее получается гораздо лучше... А позапрошлым летом у меня родилась дочь — чудесная маленькая девочка, радость моя, мое солнце. Она вырастет красавицей, такой же, как ее мать, и я... Хо-хо-хо! — Он вдруг горестно поднял кустики бровей и хлопнул себя ладонью по лбу. — Что я все о себе? Как ты живешь, Шон? По-прежнему бродишь по миру?

— По-прежнему, — кивнул Шон. — И по-прежнему прихожу в таверну к другу, чтобы хорошо подкрепиться перед дальней дорогой.

Аремия понял намек. Снова хлопнув себя по лбу, он, не говоря более ни слова, умчался на кухню. Вскоре оттуда выскочили три проворных служки в белых передниках и кинулись к столу Сони и Одинокого Путника. В руках каждый держал большое блюдо, полное всяких яств. Здесь были жареные рябчики, печеная рыба, густые супы в горшочках, травы, фрукты и крупные красные ягоды в молоке.

Солдаты и бледный молодой человек посмотрели на стол путешественников с завистью — их-то никто и никогда так не потчевал. Потом, в унисон обиженно вздохнув, они снова обратились к своему разбавленному вину. А служки в передниках уже ставили перед Соней и Шоном длинные бутылки с дорогим вином.

— Достопочтенные гости, — заученно протарахтел старший. — Хозяин угощает вас тем, что изволит кушать сам, и да пребудут с вами милости богов!

Беспрерывно кланяясь и подобострастно хихикая, он удалился.

Спутникам стало тошно от такого приема; Шон удивленно приподнял левую бровь, а Соня сложила руки на груди и взор наполнила высокомерным презрением, но уже в следующий миг сильное чувство голода затмило все прочее, и оба накинулись на еду с жадностью голодных волков. О, если Аремия и в самом деле питался так каж-

дый день, то он, несомненно, был счастливейшим из смертных!..

Музыканты заиграли громче, а тот, что дергал струны цитры, еще и запел высоким, срывающимся на фальцет, козлиным голосом.

Будь у Сони и Одинокого Путника менее крепкие желудки, им наверняка стало бы сейчас дурно. Однако они, в первый миг едва не подавившись, все же справились с собой и продолжали трапезу.

Юная воительница, расстроенная странными выходками Тротби и толстяка, а позже напуганная звуками этой кошмарной музыки, по мере насыщения обретала покой и благодушие. Ее даже не особенно рассердило то обстоятельство, что в середине трапезы Шон, жуя ножку рябчика, вдруг взял одно блюдо и переставил его на стол солдат и бледного юноши. Ахнув и воровато глянув в сторону кухни, где скрылся хозяин, те быстро принялись поглощать пищу, отчего стало ясно, что все они были ужасно голодны, а Шон, как всегда, оказался прав.

Соня тоже знала закон бродяг — делиться с тем, кто имеет менее тебя, — правда, не всегда считала нужным его исполнять. Сейчас она покосилась на спутника, ожидая увидеть в его темных голубых глазах укор, но не увидела. Он вообще на нее не смотрел. Задумчивый и серьезный, он вяло пил красное вино из серебряного кубка, закусывая его румяным яблоком. Зрачки его посветлели; странным образом в них отразилась сама Соня и высокая фигура за ней...

Девушка быстро оглянулась. Сзади никого не было. Тогда она, не веря себе, снова заглянула в глаза Шона, и снова увидела за собственным отражением кого-то еще...

— Одинокий Путник... — прошептала она, трогая его руку.

Он поднял голову.

— Там, за мной... кто?

— Никого.

Шон внимательным взором обвел зал, но кроме него, Рыжей Сони и трех молодцов, уплетающих его угощение, здесь действительно никого не было.

— Никого нет, — повторил он. — А что?

— А то, что я видела его!

— Кого же?

— Не знаю. Но я посмотрела в твои глаза и увидела свое отражение. А за ним стоял какой-то человек. Лица нельзя было разобрать, ибо...

— Ибо что?

— Ибо там все в тумане, — тихо ответила Соня и отвернулась, вдруг поняв, что это вздор и поверить в него невозможно даже такому доброму и умному человеку, как Одинокий Путник.

Но он поверил.

— Посмотри еще раз, — попросил он, вновь направляя на девушку взор.

Соня посмотрела. Голубая бездна, открывшаяся ей, теперь не показывала и ее отражения. В пустоте мелькали тени, блики от тусклого света ламп и ее золотых волос. Потом зрачок правого глаза дрогнул, подернулся рябью, почернел, и в нем проявилось наконец лицо юной воительни-

цы — бледное, напряженное, с яркими розовыми пятнами на скулах...

Соня нервно усмехнулась и откинулась на спинку скамьи.

— Вздор, все вздор.

— Никого нет? — спросил Шон, тоже отклоняясь назад.

— Никого.

Он пожал могучими плечами, как бы сомневаясь в том, что видение могло исчезнуть.

— Может, рябчики были несвежие? — предположила Соня. — Либо вино перебродившее? Однажды со мной случилось такое: съела два тухлых перепелиных яйца, а потом всю ночь кошмары снились...

Шон улыбнулся, покачал головой.

— Знаешь, — после недолгой паузы сказал он, — это мог быть морок, сотканный из причудливых нитей света, а мог быть... Хм-м...

— Ну же, Одинокий Путник, продолжай! — поторопила его девушка, видя, что Шон опять задумался.

— А мог быть некто из прошлого, или — некто из будущего... Трудно сказать определенно, Соня. Я слышал, что время может преломляться — так, как твое отражение в неровном зеркале. Тогда ты видишь вдруг человека, умершего несколько лет назад; разрушенный в прошлом дом; корабль, утонувший на твоих глазах третьего дня... То же и с будущим. Вполне возможно, что сейчас время сыграло с тобой шутку и показало тебе парня, с коим ты встретишься вскоре...

— О, природа, владычица...— пробормотала Рыжая Соня, веря и не веря словам Одинокого Путника. Могло ли где-либо в мире существовать такое чудо?

Украдкой она еще раз заглянула в глаза Шона, но увидела там лишь себя самое да Аремию, который с той же радушной улыбкой направлялся к ним от кухни. Обеими руками он обнимал огромный, в пол его роста, кувшин с длинным узким горлом.

— Как вам трапеза, дорогие друзья? Хороша ли? — От натуги уж не красный, а багровый, он с превеликой осторожностью опустил кувшин на пол.

— Хороша,— ответил Шон.— Особенно рыба.

— А вино?

— И вино.

Соня поняла, что Шон из дружеского расположения к хозяину таверны готов похвалить все, вплоть до ягод, к которым он не притронулся. Впрочем, трапеза и впрямь была хороша.

— А рябчики?

— И рябчики.

— А яблоки?

— И яблоки.

Хозяин повернулся к Соне. Уже оценив ее двадцать лет в сочетании с прелестным лицом и стройной фигурой, он позавидовал Шону, которого всегда считал баловнем судьбы.

— А тебе, красавица, понравилась ли моя трапеза?

— Ухм,— утвердительно ответила красавица.

— И рябчики понравились?

— Ухм.

— И... И музыка, сопровождаемая пением?

— Дивно,— мрачно сказала Соня.— Давно так не веселилась.

Удовлетворенный, Аремия сел рядом с Шоном, прислонил к колену кувшин и принялся вытаскивать из горлышка пробку.

— Вино с моих собственных виноградников,— пояснил он гостям.— Никому не даю и не продаю — для себя держу. Вкус воистину волшебный. Вот сейчас сами попробуете...

Он выдернул пробку, взял кубок Сони и до краев наполнил его ароматным вином темного рубинового цвета.

— Ах, ах, какое чудо! — хвалил свое вино Аремия, наливая и Шону.— Могли ли мы мечтать о таком божественном напитке, сидя в казарме? Нет, не могли. Мы пили кислое вино и воду, а питались не рябчиками, жаренными в свежем масле, а... Кстати, дорогой друг, ты еще не сказал мне, как зовут твою милую спутницу.

— Рыжая Соня. Не слыхал?

— Нет.— Хозяин обворожительно улыбнулся девушке.— А я — Аремия Гоф.

— Ты служил с Одиноким Путником в наемной армии Шема? — спросила Соня, втайне гордясь своей проницательностью.

Она сразу отметила и военную выправку Аремии, и его зычный голос, и шрамы на сильных коротких руках. Его воспоминания о казарме лишь подтвердили догадку.

— Двенадцать лет назад,— ответил он.— Шон был в отряде десятника Белого Медведя, а я в отряде десятника Пантеры. О, если б ты видела этого Пантеру! Толстый лысый карла с голосом тонким и пронзительным, как у летучей мыши... Ну, как тебе мое вино?

Тут Соня предпочла сделать вид, что не слышала. В вине она разбиралась превосходно, но то, что им подали, пришлось ей не слишком по вкусу. Однако огорчать хозяина не хотелось, ведь тот от души старался услужить гостям.

— Отличное вино,— помог спутнице Шон.— Из черного сорта?

— Из черного. Есть еще желтый и красный, но они слишком сладки. А теперь,— хозяин таверны поднял свой кубок,— давайте выпьем за славные годы нашей молодости. Ну-ка, музыканты, гряньте!

Парочка, мирно попивавшая разбавленное вино, мигом встрепенулась. Не успела Соня опомниться и остановить это безобразие, как завизжала дуда, взвыла цитра, и певец заблеял во всю глотку гнусную песнь шемитских пастухов.

Не обращая внимания на побледневшие лица гостей, Аремия наслаждался музыкой. Похоже, по его ушам когда-то прошло целое стадо медведей, ибо жуткая, отвратительная, невообразимая какофония приводила его в экстаз: он гримасничал, ворочал глазами, открывал рот и тоненько выл, вторя козлу с цитрой. Ногами хозяин таверны отбивал такт — естественно, как попало. Но вот наконец Шон опомнился.

— Довольно! Довольно! — закричал он, дергая распоясавшегося хозяина за рукав.— Вели им заткнуться!

Аремия вздохнул и жестом унял музыкантов. Наступила благословенная тишина.

— Вот как ты встречаешь старых друзей,— сердито сказал Шон.— Я чуть не умер от этих страшных звуков, порожденных самими демонами в человеческом обличье!

— Ты немзыкален,— с грустью констатировал Аремия.— Эти парни две луны назад услаждали слух градоправителя Хайме и его семейства. Ты не представляешь каких трудов мне стоило переманить их к себе.

— Градоправителя? — Шон насторожился, посмотрел на Соню, которая медленно приходила в чувство после пережитого потрясения.

— Да, градоправителя. Важная птица, между прочим. Недавно отравили нашего наместника, так теперь Хайме управляет Асгалуном единолично. Не могу сказать, чтоб я был в восторге от этого — он жаден и глуп, а кроме того, страдает приступами безумия, но, признаюсь вам, друзья, в случае заговора я готов защищать его с мечом в руках.

— Он так дорог тебе? — усмехнулся Шон.

— Совсем не дорог. Просто я знаю: если он умрет, градоправителем станет его советник. О-о-о, какое же это дерьмо! Жестокий, коварный, алчный и наглый ублюдок. А Хайме, хотя и полный дурак, зато совсем безвреден. Так что пусть он здравствует еще долгие годы...

— Что ж,— задумчиво сказал Шон.— Пусть здравствует, я не против.

Соня промолчала. Жизнь и здоровье малоумного градоправителя Хайме ничуть не волновали ее. Она вспоминала рассказ Тротби. По его словам, сын советника, Аххаб, сумел освободить дядю Лансере; он же похитил из Кутхемеса красавицу Соломию и он же потом увел ее у Тротби. Велика должна быть власть у советника, если сын его способен на столь опасные и дерзкие поступки...

— Идем, Соня,— прервал Шон ее размышления. Поднявшись, он взял ее за руку, потянул в сторону узкой винтовой лестницы, ведущей на второй этаж.— Аремия покажет нам наши комнаты.

* * *

Судя по толстому слою пыли на стенах, полу и даже потолке, здесь давно никто не жил. Но вот они дошли до конца коридора; хозяин открыл дверь в одну комнату, выкрашенную в мягкий зеленый цвет, потом в другую, белую. В чисто вымытых окнах сверкали россыпи золотистых солнечных искр, яркий луч шаловливо бегал по блестящим крышкам столов, тумб, по шелковым занавесям и большим стеклянным лампам.

Соня вошла в зеленую комнату и остановилась, пораженная ее истинно королевским убранством. Шон сразу направился в белую, более скромную, но отделанную с таким же вкусом и изяществом. Прежде он уже бывал тут, хотя за годы странствий успел позабыть великолепную

обстановку этих покоев. С наслаждением он снял сандалии и повалился на кровать, такую широкую, что там запросто мог бы разместиться не-большой отряд.

Аремия, стоя в коридоре, поочередно заглядывал то налево — в белую комнату, то направо — в зеленую. От восхищенной улыбки, сияющей на прекрасном лице девушки, подруги Шона, нежная душа хозяина таверны млела, таяла. Как всякий добрый человек, он желал порадовать своих гостей чем-нибудь еще.

Кликнув слугу, он велел ему принести госпоже и господину по бутылки красного вина, окурить их покои благовониями и омыть им усталые с дороги ноги. От благовоний и омовения спутники отказались (Рыжая Соня просила только кувшин чистой холодной воды и купальную кадку), а вот вино согласились принять с удовольствием.

Потом Аремия, критическим взором окинув изрядно потрепанную рубаху и рваные, покрытые черной пылью шаровары Одинокого Путника, предложил ему открыть гардероб и взять любую подходящую по росту и размеру одежду. Шон встал, распахнул резную дверцу и... глазам его предстали плащи, куртки, туники, штаны, пояса — чего только здесь не было!

— Не медли, друг! — весело воскликнул Аремия.— Ты благороден как король, и заслуживаешь самого лучшего платья!

Шон не стал медлить. Он выбрал черные бархатные штаны, белую рубаху и кожаную куртку.

Скинув свое рванье прямо на пол, он быстро облачился в новое одеяние. Большое зеркало, вделанное в стену, отразило его во всем великолепии. О, теперь он и впрямь походил на короля: высокий, статный, с чистыми голубыми глазами, черными волосами и белой прядью над левым ухом — знаком отличия особы голубых кровей. Ему не хватало только... Нет, не короны, не золотой цепи, не перстней и даже не меча с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями... Шон с огорчением глянул вниз, на свои запыленные босые ноги, торчащие из бархатных штанов. Для полного совершенства ему недоставало лишь самого простого — сапог.

Добрый хозяин, заметив, как улыбка на широком румянном лице Одинокого Путника сменилась гримасой, тотчас нахмурился, осмотрел гостя с пристрастием, дабы выяснить, что же его вдруг так расстроило. Может, штаны оказались коротки? Или рубаха тесна? Или куртка жмет в плечах? Истина открылась ему, едва лишь он проследил за взглядом Шона. Тогда хозяин таверны подскочил к гардеробу, сунул руку в самые недра его, пошарил там и наконец извлек на свет отличные сапоги с серебряными пряжками на ушках, кои с нескрываемым удовольствием тут же вручил другу.

— Ну вот и все,— сказал он, отходя в сторону, чтоб полюбоваться на красавца Одинокого Путника.— Мне пора. А вы, друзья, отдыхайте. Я комнат не сдаю, потому живите сколько нужно — иных постояльцев не будет. Платы не потребую, одна-

ко попрошу в помещении не драться. Я тебя знаю, Шон. Ты мирный человек, но неприятности всякого рода липнут к тебе, как мухи к сладкому пирогу.

— Неприятности вообще имеют особенность липнуть к приличным людям,— заступилась за друга Рыжая Соня.— Мне говорил мой учитель...

Что говорил Сонин учитель, Аремия и Шон так и не узнали, ибо в этот момент юная воительница вошла в белую комнату, узрела переодетого спутника и вздох восхищения вырвался из ее груди.

— О-о-о... О-о-о...— простонала дедушка, ладонью прикрывая глаза, якобы ослепленная красотой Шона.

— Хорошо? — самодовольно усмехнулся он.

— Безусловно хорош. Я прежде и не видала таких прекрасных мужей,— клятвенно заверила его Соня.

Шон кивнул, предпочитая не обращать внимания на иронию, явственно слышимую в ее голосе. Не стоило обижаться на девчонку. Всем известно, что женщине для полного счастья нужно только одно: вдоволь посмеяться над мужчиной (и вдвойне приятно, если мужчина тот действительно хорош собой, умен и смел). Оправив платье, Одинокый Путник отвернулся от зеркала, махнул рукой Аремии, который уже выбегал из комнаты, спеша на зов слуги, и сказал:

— А что, Соня, не прогуляться ли нам с тобой на базар?

— Зачем?

— Базар — сердце города. Там можно узнать, чем живут горожане, о чем думают и что делают...

— Плевала я на горожан,— грубо ответила Рыжая Соня.

— ... а уж если тебе надобно среди тысяч найти одного человека,— спокойно продолжал Шон, с улыбкой глядя на спутницу,— ступай на базар, там тебе помогут...

— Так что ж мы стоим? — удивилась юная воительница, уже по привычке перекладывая вину за промедление на Шона.— Идем скорее на базар!

Глава восьмая

Для того, чтобы один раз пройтись по асгалунскому базару, требовалось иметь крепкие нервы. Шум здесь стоял невероятный. Казалось, что все львы, все волки и все птицы мира разом заорали во всю глотку. Рыжая Соня со своим тонким музыкальным слухом поначалу едва не свалилась в обморок — Шону пришлось поддержать ее за плечи и встряхнуть,— но затем расслышала в диком гаме определенный ритм, настроилась на него и успокоилась. Спустя некоторое время она вовсе перестала замечать шум, увлеченная осмотром заморских товаров и хозяйственной утвари, коей здесь наблюдалось замечательное разнообразие.

Бродя меж рядов, обозревая и деловито ощупывая товары, спутники дошли наконец до шатра, сплошь закрытого черной тканью. Если верить вывеске над входом, тут располагался величайший, наивеликий и еще какой-то (трудно было разобрать намалеванное жирной краской слово) прорицатель по имени Алым-ит-Аддини.

— Зайди туда,— сказал Шон без улыбки, останавливаясь у шатра.

— Ну что ты, Одинокый Путник? — Она с удивлением приподняла рыжие стрелки бровей. — Разве плут с шемитского базара сможет мне помочь?

— Не суди по внешнему виду, я же говорил тебе. Иди, но помни: только сердцем ты почувствуешь правду...

Соня поколебалась еще мгновение, не совсем уразумев смысл слов Шона, затем решительно отдернула полог и вошла внутрь.

Как ни странно, но здесь, всего в полушаге от базара, было совершенно тихо. В центре, на простом бронзовом блюде, стояла большая дешевая свеча — оплывая, она слегка потрескивала, и этот звук в тиши казался шипением кобры, что спряталась в ожидании жертвы... Будь на месте Рыжей Сони обычная девица, она б заохала и тут же сбегала, но юная воительница лишь усмехнулась, выпрямилась гордо и демонстративно положила ладонь на рукоять кинжала. В этот-то момент она и заметила маленькую скрюченную фигурку, притулившуюся у стены.

— Женщина? — прошелестел Альм-ит-Аддини, протягивая Соне костлявую руку. — Сядь.

Девушка села на потрепанную циновку против мага и только открыла рот, чтобы изложить свое пожелание, как старик снова заговорил:

— Не торопись. Ты должна положить сюда (перед Соней тотчас возник золотой поднос; ей почудилось, что он сам собой висит в воздухе, но в следующий миг она поняла, что его держит

в сморщенной лапке крошечная обезьянка в цветастой юбчонке) две медных монеты. Затем ты вернешься в прошлое, в исток тайны, кою ты хотела бы открыть. Но не говори ни слова. Я сам скажу тебе то, что нужно.

Соня опешила. Не говорить ни слова? Как же тогда Аддини узнает о цели ее приезда в Асгалун? Как обнаружит он того мудреца, который способен найти в море каплю пресной воды, а в лесу лист, занесенный ветром издалека, если Соня не назовет ему его имени? Тем не менее некое внутреннее чувство подсказало ей не перечить магу. Она нащупала в кармане куртки горсть медяков, взяла два, вынула и положила на поднос.

— Хорошо. Теперь можно начинать. Но хочу предупредить тебя: будь внимательна, ибо я помогаю только один раз. Если ты совершишь ошибку и представишь мне *не ту* часть своего прошлого, более на меня не рассчитывай.

Девушка недоуменно посмотрела на него. Какая странная привычка — говорить загадками. Вот и Одинокый Путник сказал нечто туманное о сердце и правде, а теперь этот старикашка, похожий на свою мартышку как близнец, болтает что-то о *не той* части прошлого. Прошлое — едино, в нем не может быть той или не той части...

— Ну же... — Аддини уловил ее колебания. — Начинай!

Девушка закрыла глаза. В зыбкой полутьме мысль ее, неясная, без начала и конца, медленно двинулась в обратном направлении. Вот Соня увидела сотника Лобла в ворохе сухих листьев,

беспомощно сучащего ногами и оскорбленно визжащего, вот увидела Одинокого Путника, в перевозанном виде восседающего на кочке у ручья, вот... вот трупик мыши, так перепугавший Шона и ее самое... Но все это было из новой жизни и прошлым являлось лишь по примете времени. Раздраженно качнув головой, отчего золотые пряди волос рассыпались по плечам, юная воительница вернулась сразу в город Мален.

Вот оно — место, которое являлось истоком ее тайны. Дворец градоправителя Шлома, охранники вокруг стола, драка, сам градоправитель, шепчущий ей слова о великом мудреце... Рыжая Соня остановила мысль на сбивчивом рассказе Шлома, затем повторила про себя имя мудреца и удовлетворенно кивнула сама себе. Все. Это именно то, что нужно. Теперь можно открыть глаза и послушать, что же скажет Аддини.

— Женщина! — Глухой голос чародея зазвучал вдруг надменно, с ноткой даже презрения. — Исток твоей тайны отнюдь не там, и имя мудреца мне вовсе не надобно. Я ведь предупреждал тебя об ошибке, и ты совершила ее. Что ж, я открою тебе часть истины — более уже не смогу, виною чему ты сама. Итак, слушай внимательно... — старец заговорил совсем тихо, — он в опасности... кольцо сужается... скоро, скоро придет его смерть... улица Розовых Фонарей... иди туда, но не торопись и помни о том, что опасность близка. Доверься ему. А зовут его Лансере Бад...

Крик изумления едва не вырвался из груди Сони. Лансере Бад — дядя Тротби, который...

— Теперь — уходи. И забудь дорогу к моему шатру. Я никому не помогаю дважды.

Ярость охватила Соню вмиг. Тонкие брови ее сошлись у переносицы, верхняя губа приподнялась, в полумраке сверкнул на белоснежных ровных зубках блик пламени свечи, и злобное кошачье шипение вырвалось из прелестного, нежного девичьего ротика. Юная воительница выхватила из ножен кинжал и занесла его над головой Аддини, собираясь вонзить клинок в маленькую круглую проплешину меж седых жидких волос, однако вовремя опомнилась. Колдун был слишком стар, для того чтобы на нем демонстрировать самой себе свою ловкость и отвагу. Смущенно хмыкнув, Соня убрала кинжал, поднялась и медленно двинулась к выходу. Перед тем как откинуть полог, она обернулась. Шатер был совершенно пуст. Аддини исчез, словно растворился в сладком, пропахшем дешевой свечою воздухе. Соня пожала плечами, отчего-то совсем не удивившись, и вышла вон.

* * *

Гам вновь шквалом обрушился на нее. Яркий дневной свет ослепил на мгновение — Соня прикрыла глаза ладонью, огляделась. Шона возле шатра не было. Она позвала его, без усилия перекрывая ровный шум звонким голосом своим, но ответа не получила. Людской поток гудел и бурлил вокруг; от ярких платьев, монист и тюрбанов рябило в глазах.

В раздумье Соня постояла немного, озадаченная очередной странностью этого дня. Шон — не

чародей Аддини; он обычный человек и не умеет растворяться в воздухе, равно как и проваливаться сквозь землю. Куда же тогда он подевался?

В надежде все же найти друга, девушка решила пройтись по базарным рядам. Может, он увлекся беседой с лавочником или рассматривает с увлечением товары в лавке древностей... Она не верила самой себе, потому что знала: Одинокий Путник не оставит ее одну. Тем не менее... Тем не менее — Соня сердито нахмурила брови — его нет, и где он — предстоит еще выяснить. Ах, если б можно было вернуться к Аддини и спросить у него про большого человека с доброй улыбкой и седой прядью в черных волосах... В досаде Соня плюнула под ноги, угодив прямо на носок своего сапога, выругалась, распугав стоящих рядом старух с кулями и тюками, и решительно пошла прочь от шатра.

Солнце палило во всю мощь. Девушка сняла куртку, перекинула ее через плечо. Слева, справа, сзади и спереди верещали лавочники, зазывая покупателей; монотонно кричали водоносы; бранились женщины, пищали дети, лаяли ободранные, вечно голодные псы. Соня уже не замечала этих звуков, погруженная в мысли мрачные и порядком запутанные, и все же, когда она вышла к воротам базара, в ушах ее звенело, в голове мутилось, а во рту пересохло. Одинокого Путника она так и не нашла.

Подозвав водоноса, девушка кинула ему медную монету и приняла из рук его ковш теплой, но чистой воды. С наслаждением выпив ее до

капли, Соня пошла дальше, до перекрестка, затем свернула на соседнюю улицу, куда не доносился базарный шум. У первого встречного она спросила, как пройти к улице Розовых Фонарей. Человек указал ей дорогу.

Ближе к центру Асгалун представился гостю во всей красе. Прелестные маленькие замки в два-три этажа, с башенками и бойницами, по обеим сторонам коих стояли истуканы с секирами или мечами, соседствовали с мощными, похожими на слонов, домами серого и белого камня. Во многих окнах разными цветами переливались витражи, перебрасываясь веселыми радужными бликами; вдоль стен висели длинные и узкие деревянные ящики с цветами необычайной красоты; высокие деревья, в благословенной тени которых гуляли птицы, стояли стройными рядами.

Рыжая Соня, равнодушным взором обозревая это великолепие, шла по середине улицы. Воспитанная в доме почтенном и богатом, она знала географию, геометрию, цифросложение и цифровычитание, письмо и языки разных народов, астрономию и философию; она умела отлично стрелять из лука, драться на мечах и кинжалах, ездить верхом, вести светскую беседу, играть на свирели, цитре и прочих музыкальных инструментах, но при всем этом разностороннем образовании девушка совершенно ничего не понимала во всякого рода тайнах и загадках. Натура ее, хотя и женская, была вовсе не изворотлива, не лукава, не хитра. С душою прямою и открытой, как у истинного воина, Соня в свои двадцать лет еще

только училась (против воли) порой поступать так, как надо, а не так, как хочется; порой молчать и улыбаться, а не шипеть и размахивать кинжалом; порой идти в обход, а не напрямик. Учителем ее была сама жизнь. Поэтому, наверное, сейчас, проходя по улицам Асгалуна, юная воительница не столько ломала голову над разрешением загадок последних дней, сколько пыталась понять, откуда они вообще взялись.

Был ли то редкий случай совпадения событий или некий заговор против нее лично, она не ведала, однако в силу подозрительности характера склонялась к тому, что был именно заговор. Потом, восстановив последовательность происшествий, ясно поняла: нет, никакого заговора не было. Но как объяснить внезапную враждебность Тротби и Гиддо? Исчезновение Одинокого Путника? Все это было похоже на мозаику, которую невозможно сложить из-за потери нескольких кусочков смальты. Так, рассуждая сама с собой, Соня вышла на улицу Розовых Фонарей.

Дом Лансере Бада (а значит, и дом Тротби) она увидела сразу. Он стоял за каменной стеной, увитой плющом; его крохотные башенки, покрытые позолотой, сверкали в ярких солнечных лучах, а невысокие шпили были увенчаны позолоченными же шарами, кои сами казались маленькими подобиями солнца.

Без долгих колебаний Соня направилась к большим чугунным воротам, намереваясь во что бы то ни стало пройти в дом, как вдруг сердце ее дрогнуло, и отголосок давней глухой, тягучей

тоски обжег душу. Она резко остановилась. Через мгновение всего ей стало ясно, что предчувствие, так часто выручавшее ее прежде, не обмануло и на сей раз. Среди прохожих, которых тут было совсем немного, она заметила двух весьма подозрительных человек. Эти явно никуда не торопились, а не спеша прогуливались по улице взад-вперед. Потом Соня заметила еще одного бездельника, потом еще одного... Они подмигивали друг другу и строили таинственные физиономии, но, сходясь на середине улицы, усиленно делали вид, что незнакомы. Девушку немало позабавила бы эта бездарная игра, если б дело происходило не возле дома Тротби. Ибо хотя месьор наследник и повел себя нагло и оскорбительно, Соня не испытывала негодования в достаточной мере, чтобы выкинуть его из сердца и из головы напрочь. Его рассказ о Соломии и дяде Лансере тронул ее, хотя она вряд ли призналась бы в этом даже под пыткой. И Гиддо... Милый Гиддо, с таким отчаянием бросившийся защищать своего хозяина...

Что же здесь делают эти хаки? Соня как встала столбом посреди улицы, так и продолжала стоять, размышляя над всем происходящим. Теперь не было сомнения в том, что старый Аддини, базарный прорицатель, сказал ей чистую правду. Лансере Бад в опасности, иначе кто стал бы следить за его домом, а значит, и за ним самим? Впрочем, Соня могла сознаться хотя б самой себе в том, что и на миг не сомневалась в искренности слов Аддини. Но как же странно то, что дядя

Тротби и есть тот мудрец, ради которого она приехала в Асгалун...

«О-о-о-о...» — мысленно простонала Рыжая Соня, ясно осознавая, что на всю армию вопросов у нее пока нет ни одного ответа. Если б рядом был Одинокий Путник! Такой спокойный, такой уютный и надежный... Он не стал бы в бессильном раздражении кусать губы и сжимать кулаки, он...

Хаки насторожились, видя, что юная особа, одетая в мужское платье, стоит перед домом Бадов и не двигается с места. Потихоньку они стали подтягиваться к ней, тревожно переглядываясь и делая большие глаза...

Заметив танец хаков вокруг себя, Соня не стала выхватывать кинжал и нарываться на неприятности, особенно опасные в чужом городе, а благоразумно удалилась. Теми же улицами она возвращалась в дом Аремии, после четверти дня прогулки по Асгалуну уставшая так, как будто шла без отдыха сутки напролет. Мысли наконец перепутались в ее голове. Сейчас она хотела лишь одного: войти в дверь, покрашенную в яркий синий с красными полосами цвет, и за нею увидеть Одинокого Путника, потягивающего вино из серебряного кубка...

* * *

Но Одинокого Путника она не нашла и в таверну. Аремия, веселый и ничуть не встревоженный, сказал Соне, чтобы она не волновалась, что Шон человек бывалый, постоять за себя умеет, поэтому ничего с ним не случится. «Подожди, кра-

савица,— добавил хозяин таверны,— к вечеру он уж точно появится.»

Однако Шон не пришел и к вечеру. В сумерки, когда Рыжая Соня сидела на роскошной кровати в своей зеленой комнате и мрачно грызла ноготь на мизинце, в дверь постучал Аремия. Он улыбался, но девушка легко разглядела в глазах его беспокойство, коего и следа не наблюдалось днем.

— Надо еще подождать,— с порога объявил он.— Шон отважен, ловок и силен. С ним никогда не справится вся наша асгалунская стража.

— Ну, уж это ты приврал,— расстроено сказала юная воительница, не далее как вчера убеждавшая Тротби, что Одинокий Путник легко одолеет целое войско.

— Вовсе нет,— неубедительно запротестовал Аремия.— Он ловок, он отважен...— Голос его угас, и он с тоскою оглянулся, словно надеясь узреть за спиною высокую крепкую фигуру Шона — увь, там темнел пустой и тихий коридор, и только.— Вот навязались вы на мою голову,— горько пожаловался хозяин.— Жил себе, знать ничего не знал и ведать не ведал, где мой старый товарищ. А сейчас душа в пятках: что случилось? Куда пропал? Тьфу, напасть!

Соня сочувственно посмотрела на Аремию. Она прекрасно понимала его страдания. В некотором смысле добрый хозяин, поселив в своем доме бывшего сослуживца и его спутницу, нес ответственность за их жизнь и здоровье. Во всяком случае, так чувствовал бы любой порядочный человек.

Аремия сделал осторожный шаг к креслу, присел на самый край, будто это он зашел в гости.

— Знаешь, Соня,— пробормотал он,— пожалуй, я пошлю своего парня кое-куда... Может, ему все-таки удастся...

— Хорошо,— согласилась девушка, не дослушав.— Пусть твой парень порыскает по окраине, а я пойду искать Одинокого Путника в городе.

— Куда это ты пойдешь? — вскинулся хозяин.— Ночь наступает! Я не могу отпустить тебя одну!

— Мало ли мне приходилось бродить ночами,— успокоила его Соня.— Не бойся за меня. Я расправляюсь с любым, кто только посмеет приблизиться ко мне на шаг.

На последнем слове она запнулась, словно сомневаясь в истинности своего самоуверенного заявления. Затем улыбка тронула ее нежные розовые губки. Подмигнув Аремии, который смотрел на нее с большим интересом и почти совсем без насмешки, девушка взяла дорожный мешок и вытряхнула из него на кровать все содержимое. Дальнейшие ее действия заставили Аремию побагроветь до цвета заходящего солнца и, стыдливо опустив глаза, отвернуться: юная воительница быстро скинула с себя рубашку и штаны, оставшись совершенно обнаженной. Ее прелести, кои хозяин уже не видел, но шестым чувством ощущал так явственно, что сдавленный стон рвался из его широкой груди, через мгновение скрылись под белым лифом и кружевными панталонами. В таком очаровательном виде Рыжая Соня плюхнулась на кровать и принялась натягивать

на свои длинные стройные ножки серебристые чулки, вязанные из тонкой шелковой нити. Потом девушка надела резные деревянные башмаки на маленьких каблучках, платье со шнуровой от талии до груди и оборками по подолу и на рукавах, и недорогую, но искусно сделанную золотую диадему на золото своих чудесных рыжих волос.

— Что, Аремия? — справившись с этой трудной работой, участливо спросила Соня (добрый хозяин с досадой расслышал в ее звонком голоске иронию).— Уж не задохнулся ли ты?

— Я? Нисколько! — сипло ответил он и добавил: — Вот еще!

Соня рассмеялась. Рассерженный не на шутку Аремия повернулся, дабы дать юной насмешнице достойный отпор, и вдруг... Глаза его широко раскрылись, рот тоже, а стон, так долго удерживаемый, вырвался наружу и превратился в трубный рев. Еще бы! В своем захолустье он никогда прежде не видал таких красавиц. Высокая, тонкая, гибкая фигурка юной воительницы, облаченная в настоящее женское платье, показалась ему чудом, видением или мороком, только не живой Рыжей Соней. «Кто ты? — пораженно спросил хозяин таверны — вернее, он думал, что спросил, а на деле лишь пошевелил губами и что-то невнятное скрипнуло.— Принцесса? Королева? Или сама богиня любви?»

— Вот уж не думала, что ты так падок на женщин,— неодобрительно покачала головой Соня.— Одинокий Путник и виду бы не подал, а ты...

— А что я? — все же нашел в себе силы очнуться Аремия.— Ну и переделась в женское платье, ну и что? Кстати, давно пора...

Он хотел еще добавить, что надо носить то одеяние, кое соответствует твоему полу, что мир перевернулся бы, если б мужчины вдруг вздумали надеть юбки, что сам он скорее повесился бы, чем согласился хотя б примерить лиф или диадему, но — силы вновь покинули его. Он жалобно посмотрел на красавицу, пытавшуюся пристроить в рукаве платья кинжал, и глубоко вздохнул. Да, нынче Асгалун падет от чар Рыжей Сони. Что ж, это будет только справедливо.

— Я пошла,— сказала девушка, покровительственно похлопав по плечу ошарашенного ее превращением хозяина таверны.— Вернусь к утру.

Деревянные каблучки простучали по полу, и миг спустя Соня растворилась во тьме коридора.

Глава девятая

Выйдя на улицу, Соня остановилась. Если б только она знала, куда мог направить стопы свои Одинокый Путник, она без раздумий и колебаний пошла б за ним следом. Но неисповедим был путь его, а посему девушке оставалось только положиться на судьбу и идти куда глаза глядят. Она посмотрела налево, потом направо, потом опять налево. Один конец улицы освещался яркими фонарями, а другой не освещался вовсе. Соня выбрала свет.

Ночь еще не наступила, а город уже опустел. С треском захлопывались ворота и двери, всадники торопили своих коней, пешеходы ускорили шаг. Девушка, не обращая никакого внимания на восхищенные взоры редких прохожих, медленно шла в сторону центра. Одинокый Путник вряд ли узнал бы свою подругу в этот момент и в этом великолепном одеянии: гибкий от природы стан ее сейчас оставался недвижимо прям, ножки в изящных башмачках ступали ровными мелкими шагами, руки — в полном соот-

ветствии с этикетом — были сцеплены под грудью, а чинное выражение юного чистого лица свидетельствовало о благородном происхождении, строгом воспитании и высоком образовании. Само собой, столь приличной девице нечего было делать на улице одной, в позднее время.

Поэтому, наверное, некий развязный молодой человек, только что вышедший из таверны, подскочил к ней с масляной улыбкою на красных, мокрых от пивной пены губах. «А вот и я, красотка, не меня ли ты ищешь?» — самонадеянно спросил он, вихляясь перед нею. Девушка не отвечала. «А вот и я!» — снова завопил он, видимо, думая, что у красотки туго со слухом, но не успев выговорить следующее слово, как получил мощный удар в бок, захлебнулся и отлетел к стене. Позже, уже к утру, он очнется и не сможет вспомнить, что с ним произошло, но с этого дня почему-то будет сторониться прекрасных и нежных существ в длинных воздушных платьях и с кротостью во взоре...

Некоторое время спустя Соня заметила, что находится совсем недалеко от улицы Розовых Фонарей. Поначалу она не собиралась идти туда, отложив встречу с Лансере на следующий день, а пока намереваясь заняться поисками Одинокого Путника, но если уж сама судьба направила ее, то сопротивляться не стоило. Путь определенный вдвое легче пути неизвестного — эту истину девушка познала давно, а потому, более не выбирая дороги, решительно свернула в переулок и заспешила в сторону дома Бадов.

* * *

Розовые фонари вспыхнули как раз в тот миг, когда нога Сони ступила на мостовую этой улицы. В досаде сплунув, благородная девица тихо выругалась и остановилась. Хаки по-прежнему прогуливались возле дома. Их лица явно выражали скуку и даже легкую грусть — чувства, свойственные обычно слишком романтически настроенным поэтам. Впрочем, в некотором смысле хаки и были поэтами, ибо только человек, склонный к изящному, станет тратить время на созерцание чужого дома и чужого сада. Всякому же простолюдину для любования будет вполне достаточно собственного имущества...

Соня вздохнула, проклиная про себя неутомимых согладатаев. Конечно, они и близко не подпустят ее к воротам. Однако сейчас она чувствовала такую уверенность в том, что ей необходимо увидеть Лансере Бада, что никаким хакам не удалось бы ее задержать. Оставалось выбрать способ действия.

Лучше всего было бы поубивать всех и спокойно идти в дом, но двое из хаков болтались в самом конце улицы, так что Соне пришлось бы сначала прирезать тех, что поближе, а потом гнаться за ними. Девушка с сомнением покачала головой: по крайней мере одного она упустит точно, а сие значит, что в скором времени сюда прибудет вся асгалунская рать.

Другой способ — пробраться потихоньку к стене и перелезть через нее — Соня отвергла сразу. Фонари светят во всю мощь, и только совсем уж

ненормальный при таком освещении примет ее за птицу или привидение.

Пожалуй, наиболее подходящим был самый мирный, хотя и не самый приятный для Сони способ...

* * *

Завидев девуцу, спешащую напрямик к воротам дома Бадов, старший из хаков — дородный муж средних лет с обвислыми усами — насторожился. Что-то знакомое почудилось ему в этой особе с гривой чудных рыжих волос, с гордой посадкой головы и стройной гибкой фигурой. Недолго думая, он вышел из-за фонаря и преградил ей путь.

— Э-э, милейшая госпожа, постой!

— Ах! — нежным голоском сказала девушка, послушно останавливаясь.

— Куда же ты так торопишься?

— Туда! — Соня доверчиво посмотрела на усача, ткнула пальцем в сторону ворот и на всякий случай добавила: — Ах!

— Зачем? — строго спросил он.

— Там... Там живет... *он!*

— *Он?* А кто *он* такой?

Слезы блеснули в прекрасных глазах девушки. Она кротко вздохнула и заморгала длинными темными ресницами, возбуждая в усаче непреодолимое желание прижать ее к могучей груди и утешить жарким поцелуем. Он бы так и сделал, если б не любопытные сотоварищи, гуляющие вокруг и с каждым шагом норовящие приблизиться к нему и юной красавице.

— Злой старик... — прошептала она.

— Кто? — вздрогнул хак, приняв «злого старика» на свой счет.

— *Он...*

— Хм-м... А у *него* есть имя?

— Да... Его зовут... Лансере Бад.

— Хм-м-м... — Усач видимо удивился, что, в свою очередь, удивило девушку — неужели он не знает, кто живет в доме, за которым он следит? — И что же натворил злой старик Лансере Бад?

— Он... он обесчестил меня дней пять тому назад, — бухнула Соня, мысленно горячо испросив прощения у дяди Тротби за столь наглый оговор.

— Хм-м-м... — Хак глянул на нее уже с явным с подозрением. — Как ты говоришь, милейшая госпожа? Дней пять назад?

— А то и все десять, — со вздохом махнула рукой Соня.

— Что?!!

Про себя Соня вздохнула: надо же, какой ей попался прилипчивый хак. Может, достать из рукава кинжал, заколоть его, да и дело с концом? Нет, не годится... Тут же набегут остальные...

— Да я не помню точно. — Она попыталась исправить оплошность. — После того кошмара у меня отшибло память. Из прошлого припоминается только имя насильника да еще то, что я была девственницей.

Для убедительности Соня всхлинула, но тут же замолчала, ибо вместо плача у нее вышел смешок. К счастью, хак этого не заметил.

— Что ж,— пожал он плечами.— Проходи. Может, он теперь женится на тебе.

— Я мечтаю об этом,— поспешно сказала Соня, направляясь к воротам.

— И зря! Я бы на твоём месте, госпожа, забыл о нём! — вдогонку девушке прокричал усач.— Недолго ему...

Он оборвал себя на полуслове, но Соня и так поняла, что он хотел сказать. «Недолго ему осталось жить на этом свете». Значит, прав был Аددини, утверждая, что Лансере угрожает смертельная опасность...

Привратник, до того внимательно наблюдавший за беседой девушки и соглядатая в прорезь решетки, открыл створку ворот.

— Мне надо к Лансере,— буркнула Соня. Она проскользнула внутрь, мельком поразившись богатому цветущему саду и тотчас забыв о нём, и направилась к дому.

Высокие двери со стеклянными окошками сразу распахнулись перед ней. Большой старик с добрыми грустными глазами поклонился гостье, отошел в сторону, уступая ей дорогу.

Зал, от которого вверх вели четыре мраморные лестницы, был невелик, но отделан с таким вкусом и изяществом, что мог порадовать взор самого пристрастного ценителя.

Привычные витражи на высоких и узких окнах представляли собою целые сюжетные картины из жизни рыцарей и принцев, а лепной потолок с порхающими богинями, целящимися лучниками и умирающим оленем со стрелой в боку,

без сомнения, являлся настоящим произведением искусства.

Все это Соня отметила одним быстрым цепким взглядом, ступила на мраморный пол из черных белых плит и через плечо уже бросила старику:

— Лансере дома?

Такая простота, можно даже сказать, непосредственность, изумили его безмерно.

— *Месьор* Лансере? — переспросил он, особенно выделив первое слово.

— Ну да, месьор,— повторила девушка.— Так дома или нет?

— *Месьор* Лансере почивает в своих покоях.

— Проводи меня к нему,— потребовала гостья, наконец поворачиваясь к старику.

— О, дорогая госпожа,— пробормотал он, восхищаясь красотой ее и не в силах противостоять ее приказу.— Я проводил бы тебя, но...

— Послушай, любезный.— Соня сменила гнев на милость, ибо и ей понравился этот приятный старичок.— Лансере должен мне помочь, поэтому я здесь. Если ты не проводишь меня, то мне придется бродить по всему дому и беспокоить всех здешних обитателей. А уж беспокоить я умею, можешь не сомневаться.

— Я не сомневаюсь, госпожа! — Старик испуганно поднял руки.— Я... Я провожу тебя к господину. Только вряд ли он сможет тебе помочь. Ему самому бы кто помог...

— Я ему помогу,— пообещала Соня, уже начиная раздражаться от столь длительной беседы со слугою.— Ну? Что ж ты стоишь? Идем!

Старик покорно кивнул и двинулся к правой лестнице. За ним и девушка, подхватив юбку, протопала по мрамору своими деревянными каблучками. Она более не смотрела по сторонам, хотя все равно увидела в зеркале толстую морду очередного хака, спрятавшегося за колонной у входа. Не удержавшись, Соня показала ему язык и погрозила кулаком, на что он, несколько удивленный, фыркнул и удрал куда-то вглубь зала.

Ступени покрывал мягкий ковер с коротким ворсом, по бокам прибитый шпильками с бронзовыми, позеленевшими от времени шляпками. В начале марша девушка остановилась на миг, заметив на ковре темное пятно — по всей видимости, кровь; однако затем пошла дальше, вспомнив рассказ Тротби: в доме произошло уже немало разных стычек, и кровь вполне могла вытечь из раны стражника доблестного сотника Лобла. Предположение сие подтверждалось поведением старого слуги, который без всякого почтения наступил на это пятно.

Бесшумно поднявшись на второй этаж, старик и девушка оказались в длинном полутемном коридоре. Здесь тоже гулял хак — маленький точно гном, жирный и лысый. Рыжая Соня, вероятно, показалась ему верхом совершенства, потому что он вытянул как мог короткую толстую шею и уставился на девушку как на призрак. Затем очнулся, подпрыгнул и с видом испуганной лани умчался прочь.

— Первый раз вижу этих мерзавцев в таком количестве, — проворчала Соня себе под нос.

Старик услышал ее, повернулся.

— Увы, — печально произнес он, замедляя шаг. — Их тут не меньше десятка. Даже в моей комнате сейчас спит один...

— Зачем же вы их пустили?

— Ах, дорогая госпожа, нас никто не спрашивал. Градоправитель Хайме, которого советник убедил в преступных намерениях месьора Лансере, велел окружить наш дом и следить за каждым, кто входит сюда или выходит отсюда.

Он замолчал, видимо, решив, что гостье ни к чему знать о злоключениях хозяев. А гостья и без него поняла: проклятый советник не оставил своих гнусных помыслов и по-прежнему обвиняет Лансере Бада в убийстве наместника.

— Здесь его покои, — шепотом сказал старик, кивком указывая на дверь в конце коридора. — Будь деликатна, госпожа, умоляю.

Он приложил руку к сердцу, вздохнул, явно не уверенный в деликатности этой прелестной особы. Предчувствие его не обмануло.

— Ты можешь идти, — милостиво отпустила слугу Соня и со всей свойственной ей решимостью постучала в дверь.

Несчастный старый слуга в ужасе закрыл ладонями уши, ибо то был камнепад, раскат грома или еще что-либо в этом роде — только не стук. Ему показалось даже, что дверь сейчас отвалится, а месьор Лансере умрет от сердечного приступа. Дабы не видеть и не слышать более ничего, старик развернулся и быстро зашагал к лестнице.

Соня же, не дожидаясь ответа хозяина, вошла внутрь.

Здесь было светло — на подсвечнике в форме красивого обнаженного юноши с короной на голове стояла наполовину догоревшая большая свеча. Тяжелые занавеси полностью закрывали окно, и блики длинного яркого пламени бегали по потолку, причудливо изгибаясь и преломляясь на лепнине. В кресле прямо напротив двери сидел человек. С его сапог на толстый ковер падали засохшие комья грязи. Соня взглянула ему в глаза и ахнула. Это был не Лансере...

* * *

...улыбаясь, на девушку смотрел Одинокый Путник.

— Ну и ну, — сказал он, обозревая Сонин наряд. — Ты прекрасна, демоница, воистину прекрасна.

Но эти комплименты не могли уже остановить тот шквал ругательств, что подруга обрушила на его голову. С горькой язвительностью она обвинила его во всех смертных грехах, затем заклеила как изменника, затем, не переводя духа, прочитала ему нравоучительную поэму известного аквилонского сочинителя Плидия и, наконец, призвала богов, пророков и прочих небожителей полюбоваться на этого человека, коего она почитала за верного товарища и поэтому никак не ожидала, что он бросит ее в полном одиночестве на вонючем шемитском базаре.

Шон мог бы возразить, что на базаре, каким бы вонючим он ни был, трудно оказаться в полном одиночестве, однако благоразумно промолчал. Не стоило обижаться на девчонку. Женщи-

ны все таковы: сначала они упрекают мужчину с присущей им от природы изобретательностью и лишь потом соображают, что он имеет право сказать пару слов в свою защиту. Так и Соня. Отдышавшись, она рухнула в кресло, стоящее слева от кресла Шона, и выжидательно уставилась на друга.

— Гм-м, — произнес он осторожно, — как я рад тебя видеть.

Негромкое угрожающее рычание было ему ответом.

— Сейчас я все тебе объясню, — заторопился Шон и сам удивился своему заискивающему тону. Да, эта девица была рождена, чтоб властвовать — никому еще не удавалось заставить Одинокого Путника оправдываться... — Не хочешь ли выпить немного красного вина?

— Хочу, — буркнула Соня, не отрывая испепеляющего взора от смущенного лица Шона.

Не поднимаясь, он сунул руку под кресло и достал оттуда початую бутылку. Наполнив кубок, стоящий на маленьком одноногом столике между кресел, Шон протянул его Соне, а сам приложился к горлышку бутылки и сделал несколько жадных глотков, свидетельствующих о том, что встреча с подругой доставила ему немало волнительных мгновений. Но и она не медлила — кубок опустел моментально, зато глаза заблестели и щеки порозовели. Одинокый Путник даже залюбовался такой прелестницей, напрочь забыв о той изощренной брани, что изверглась только что из нежных ее уст.

— Ну? — спросила Соня сурово и тут же, не удержавшись, посмотрела в дно своего кубка, чтобы узнать, как она сейчас выглядит.

Шон усмехнулся.

— Ты и в гневе прекрасна, — заметил он. — Настоящая демоница, Нергал тебя поберет.

— Лесть не поможет тебе избежать объяснений, — отрезала Соня. — Говори, куда ты пропал? Почему не дождался меня? Почему не пришел в таверну Аремии?

Одиноким Путник вздохнул украдкой, но делать было нечего. Он уяснил уже твердый Сонин характер, так что делать нечего, надо было выкладывать всю правду как есть — от начала до конца.

— Я ждал тебя у шатра Аддини, — сказал он, пожимая плечами. — Как честный человек, я не сделал бы и шагу оттуда, если б в толпе не увидел вдруг Гиддо...

— Гиддо?! — Соню так разобрало любопытство, что она тут же забыла о нехорошем поступке Шона. — Как он там оказался?

— Он живет в Асгалуне уже десять лет. Почему бы ему не зайти на базар?

— Хм-м... Ладно, и что же дальше?

— Я хотел заглянуть в шатер и сказать тебе, что отлучусь ненадолго, но крохотная обезьянка в юбке закричала на меня и попыталась укусить за палец. Я сразу понял, что могу помешать Аддини в его путешествии по твоему прошлому, и бросился за Гиддо, надеясь догнать его и с ним вернуться к шатру...

— погоди, Одиноким Путник, откуда ты знаешь, что Аддини путешествует по прошлому?

— Я бывал у него несколько лет назад. Он искал для меня Сааби.

— И нашел?

— Нет.

— Ха-ха, — сказала Соня с мрачным сарказмом. — Зачем же ты послал меня к нему?

— Тогда он молвил мне: «Твой друг здесь, рядом, но он не хочет видеть тебя. Должен ли я устанавливать место его пребывания?» Мне стало больно, и я ответил: «Не должен...» Ведь Сааби действительно отверг меня... Как я понял, красавица, Аддини не нашел твоего брата?

— Я сама виновата. Я открыла исток тайны не там. Зато он назвал мне настоящее имя того мудреца. Знаешь, кто он?

— Лансере, — улыбнулся Шон.

— Да.

Почему-то девушка не удивилась проницательности Одиноким Путника. Скорее, было бы странно, если б он не знал истинного имени мудреца...

— Почему ты не сказал мне об этом прежде? — спросила она. — Или ты не доверял мне?

— Нет, что ты, — покачал головой Шон. — Просто прежде я думал, что тот мудрец — Аддини, и лишь потом догадался, что это Лансере Бад.

Мысли в голове Сони совсем перепутались. Вопреки ожиданию, загадок после встречи с Одиноким Путником стало не меньше, а больше.

Девушка вздохнула и жалобно посмотрела на друга.

— Ладно, так и быть я расскажу тебе все,— кивнул ей Шон.— Но сначала скажи: второе имя Лансере — Леминно?

— Точно.

— Об этом мне сказал Гиддо. Когда я догнал его уже у ворот базара, он изумился безмерно. «О, господин Одинокый Путник,— забормотал он.— Что привело тебя в сие злчное место? И где госпожа Рыжая Соня?» Я ответил, что ты в шатре провидца Альм-ит-Аддини, и в свою очередь поинтересовался, что привело сюда его. Добродушное лицо этого милого толстячка сморщилось — он точно сожалел о чем-то, но не смел мне открыться. «Что случилось, дорогой друг?» — спросил я. Он замаялся, не зная, как поступить: сказать мне истину или сокрыть ее. Кажется, он решил все же признаться, но едва открыл рот, как со всех сторон к нам бросились люди. Они были одеты простыми горожанами, однако я без труда догадался, что это стражники — одни мужчины молодых и средних лет, вооруженные до зубов, с охотничьим блеском в глазах.

«Бежим!» — крикнул Гиддо, хватая меня за рукав. У меня в запасе оставалось одно лишь мгновение для того, чтоб сообразить: если я попытаюсь остаться и прорваться к шатру Аддини, нам с тобой обоим придется туго. Поэтому я оттолкнул стражника, который уже вцепился в мой ворот двумя руками и рычал от восторга, и бросился за Гиддо.

Мы успели пробежать только до середины улицы, когда с другой стороны показался еще один отряд — таких же точно железных воинов, какие

ехали с Лоблом, когда мы встретились с ними на лесной дороге. Гиддо выхватил из ножен меч. Я принужден был сделать то же самое. Я не хотел убивать этих людей, но иного выхода не находил.

Спиной к спине мы с маленьким рыцарем дрались со стражниками. Его ранили; меня тоже, но слегка. Мы закололи четверых, прежде чем сумели прорвать кольцо. Мы снова помчались по улице, преследуемые конными железными воинами, затем свернули в проулок и прыгнули в выгребную яму, на четверть заполненную отбросами. Я думал, Гиддо хочет переждать здесь погоню, но он не останавливался. Нырнув под кучу мусора, он высунул оттуда руку и дернул меня за полу куртки. Я понял, что надо лезть за ним, и полез.

Под мусором оказалась большая дыра, прикрытая досками. Мы спрыгнули туда и очутились в подземном ходе. Наверное, его вырыли крысы или мыши — так подумалось мне в тот момент, ибо ход был столь узок и низок, что нам пришлось не идти, а ползти по нему, в грязи и какой-то дряни, которая постоянно прилипала к ладоням и ужасно воняла.

Бедный Гиддо! Вот в таких ситуациях понимаешь, как плохо быть круглым и упитанным... Он мужественно протискивался все дальше, все глубже, лишь изредка позволяя себе выругаться сквозь зубы и проклясть повара месьюров Бадов — величайшего искусника в кулинарии.

Не знаю, как долго мы ползли, но все когда-нибудь кончается. Кончился и этот крысиный коридор. Вдалеке блеснул свет, мы с Гиддо прибави-

ли ходу, и скоро уже выбирались на воздух, грязные словно свиньи после купания в луже. Я огляделся. Передо мной был сад, за мной — стена, а слева большой дом. Гиддо, не тратя времени на отдых и чистку одежды, увлек меня за собою, к заднему крыльцу. Мы вошли в маленькую темную комнату, а из нее сразу спустились в подвал. Вот тут-то наконец мы смогли сесть и отдышаться.

«Ну же, дорогой друг, — сказал я, — поведай мне скорее, что так угнетает и тревожит тебя? Все ли в порядке с юным Тротби?» Он кивнул. «Да, с месьюром наследником все в порядке. Но завтра — завтра мы все погибнем, поэтому, господин Одинокый Путник, тебе лучше уйти из этого дома и забыть о нас». — «Так это и есть дом Бадов?» — удивился я. Гиддо только вздохнул. «А почему вы все должны погибнуть? Неужели вы так расстроены беспочвенными обвинениями градоправителя, что хотите свести счеты с жизнью?» — спросил я.

Ты понимаешь, конечно, Соня, — я лукавил. Я отлично понимал, что ни Тротби, ни Лансере, ни сам Гиддо не станут вонзать кинжалы в свои сердца только из-за того, что дураку Хайме в союзе с советником и сотником Лоблом приспичило обвинить Лансере в убийстве наместника. Но мне хотелось вытянуть из маленького рыцаря правду, и я надеялся, что, услышав мое нелепое предположение, он тотчас начнет переубеждать меня, и в конце концов выложит всё как есть. Так и получилось. Фыркнув, он помотал головой и сказал: «Вот уж нет. Скорее этот мир перевернется, чем я и мои господа добровольно простимся с

жизнью. Но мы, кофийцы, никогда не отступали перед опасностью; сейчас же опасность слишком велика, чтобы надеяться на благополучный исход дела. Посему я и говорю тебе, господин мой: беги отсюда, скройся у друзей и постарайся как можно скорее покинуть Асгалун. Если тебя видели со мной — значит, теперь и над тобою злая судьба занесла свой меч...»

Он помолчал немного — я не торопил его, понимая, что ему нужно собраться с мыслями. Я видел: он доверял мне полностью, и был благодарен ему за это.

За крошечным подвальным оконцем начали сгущаться сумерки... Кстати, Соня, где ты была в это время? Я думал о тебе.

— В таверне Аремии.

— И тебя никто не преследовал?

— Никто.

— Хорошо, что ты догадалась надеть женское платье — иначе тебя и близко не подпустили бы к дому. Здесь полно хаков и переодетых стражников. Они бродят повсюду и выдают себя за слуг — хотел бы я посмотреть на того, кто им верит!

— Днем я уже приходила на улицу Розовых Фонарей — хаки видели меня и могли узнать, поэтому я и решила сменить одежду. Но не отвлекайся, Одинокый Путник. Расскажи, что же поведал тебе Гиддо?

— Я не стану утомлять тебя подробным пересказом его повествования — часть ты уже слышала от Тротби, и могу тебя заверить, что мальчик не солгал нам ни в едином слове. Однако кое о чем

он предпочел умолчать. К примеру, о том, что род Бадов отмечен удивительным даром богов — способностью видеть прошлое и будущее. Это вовсе не значит, что сам Тротби умеет заглянуть в истоки чужих тайн и тайники души. Без сомнения, он наделен необычайной чувствительностью, и все же истинным мастерством не владеет — просто потому, что не научен. Из ныне живущих месьоров Бадов только один человек получил все необходимые знания, а именно — Лансере...

— Почему? — удивилась девушка.

— Потому что право наследования знаний совершенно такое, как и имущественное: они передаются наследнику только по достижении им двадцати трех лет, а Тротби, как ты знаешь, пока двадцать два. Через год Лансере посвятит его в тайное искусство прорицания и назовет его Леминно... Вернее, должен бы это сделать...

— Кто может ему помешать?

— Советник и сын его Аххаб, а также злокозненные приятели Тротби «благородный» Сим и баронет Ааза Шаб-Бин.

Глава десятая

Вот что я расскажу тебе, Соня, в дополнение к истории Тротби. Его благословенные родители вовсе не умерли, как мы с тобой полагали, а были убиты. Причем настоящая причина этого преступления заключается как раз в обладании *знанием*. Отец Тротби — Анжелиас Тит Бад — им, естественно, обладал. Десять лет назад, благодаря своей премудрости, он узнал о некоем страшном человеке, посланнике демонов. Могущество его было велико и могло в скором времени стать еще больше. Анжелиас принял решение помешать злу вторгнуться в мир и укорениться в нем навеки... Опасная затея! И все же он начал ее осуществлять.

Не прошло и двух лун, как он и его супруга покинули бrenную землю, дабы поселиться на небесах. Искренно надеюсь, что им там хорошо...— Одиноким Путник опустил ресницы и помолчал пару мгновений. Из этого маленького представления Соня заключила, что ее друг был гораздо более набожен, чем хотел казаться.

— Итак, Тротби вместе с Гиддо отправился в Асгалун, к дяде Лансере,— продолжал Шон, выдержав необходимую паузу.— Бедный ребенок... Он и подумать не мог, что его дорогие родители стали жертвами этого чудовища... Но — о чуде-вище я расскажу тебе несколько позже. Сейчас же послушай ту часть истории, о какой умолчал Тротби — по неведению, конечно, а не по умыслу.

Как ты понимаешь, Лансере к тому времени был уже не мальчик и тоже владел *знанием*. Он понимал, что случилось с его старшим братом, и полностью разделял его стремление уничтожить негодяя, однако не желал торопиться. Он надеялся сначала подготовиться к борьбе, а потом уже начинать ее. Разумное решение, не правда ли?

Свой план Лансере раскрыл двум друзьям, в коих был совершенно уверен: наместнику и Гиддо. Оба поддержали его и обещали помочь. Постепенно им становились известны члены тайного сообщества, организованного чудовищем (к общему удивлению, им был советник Асгалуна — редкая гадина), и даже последовательность тех преступлений, которые они намеревались совершить... Между прочим, могущество этих людей и в самом деле становилось прямо-таки невероятным.

— Неужели колдовство? — расширив глаза, спросила Соня.

— О, нет. Никакого колдовства тут нет и в помине. Есть лишь расчет и уверенность в безнаказанности. А суть их главной цели заключается в присвоении чужого богатства и захвате власти. Так, они погубили кофийского короля,

который правил в небольшой части Кофа, а именно — на территории от северных гор до Хоршемиша, и поставили на его место своего верного человека...

Шон помолчал, глядя на девушку с необъяснимой грустью.

— Думаю, ты уже поняла, как звали убиенного короля...

— Невероятно!

— Увы... Анжелиас Тит Бад, отец нашего милото Тротби...

— Так значит, Тротби — принц?

— Нет, он не принц, а король. Он — сын старшего брата, поэтому не Лансере достался титул, а ему. Собственно говоря, я догадался о высоком происхождении Тротби в день нашей встречи с ним и его другом. Гиддо был не особенно осторожен в словах...

— Да, я помню — он называл его «месьюром наследником».

— А еще он именовал себя вассалом. Кому же может быть вассалом самый настоящий рыцарь? Только королю! Так что теперь ты понимаешь, почему вокруг Тротби всегда крутились какие-то подозрительные личности. Он ведь был не только наследником знаний, но и наследником престола!

Итак, советнику, который своими собственными глазами наблюдал, как возрастает сила дяди и племянника, предстояло решить одну скверную задачу: каким образом избавиться от них? Конечно, он предпочел бы убить их сразу, но сие никак

не получалось. Ни благородный Сим, ни баронет Ааза Шаб-Бин не сумели втихую отравить Тротби, ибо рядом с ним всегда находился верный Гиддо. По той же причине злодеям не удалось заколоть юного короля в толпе. Бдительный рыцарь не спускал с него глаз, тем более что давно знал о покушениях на него и истинном лице советника. Ну, а самое главное то, что в Асгалуне семья Бадов давно известна и уважаема — невозможно прикончить их из прихоти и остаться безнаказанным.

Но вот советнику предоставился замечательный случай расправиться со всеми неугодными за раз. Градоправитель Хайме, утомленный после очередного припадка, не смог пойти к наместнику в назначенное тем время и послал вместо себя советника. Никто, кроме двоих последних, не ведает, что же произошло на самом деле. Ясно только, что потом советник удалился, чем-то весьма довольный, а к вечеру слуги нашли наместника мертвым. Бедняга лежал меж креслом и столом, весь синий, с застывшей пеной на губах и с выпученными глазами.

Гиддо думает, что кто-то подкупил слуг, потому что все они в один голос твердили, будто бы нынче в дом заходил только месьор Лансере, старинный друг наместника, и никто больше. Единственный же честный слуга был найден на следующее утро в овраге — ему перерезали горло, так что при всем желании он уже не смог бы ничего рассказать.

Далее происходили события, о которых мы с тобой узнали от Тротби. Советник с чистой сове-

стью засадил Лансере в темницу и начал изводить мальчика. К счастью, здесь вмешался купец Аххаб. Обладая столь же мерзким нравом, как и его родитель, Аххаб потребовал возвращения своей бывшей пленницы Соломии. Советнику ничего не оставалось делать, как подчиниться требованиям сына.

— Все это я знаю, — нетерпеливо махнула рукой Соня. — Они решили действовать иначе: освободили Лансере, но окружили его дом хаками и стражниками. Затем натравили Лобла на Тротби...

— Верно. Разделив дядю и племянника, они могли вздохнуть спокойно — *знания* останутся лишь у Лансере; Лобл по дороге убьет Тротби; воины Лобла проникнут в дом и прикончат Лансере, Гиддо и слуг. После этого можно будет делить власть, не опасаясь препятствий...

Маленький рыцарь сказал мне, что советник вызвал из Аргоса своего брата, дабы тот помог ему в его великих свершениях. Нынче брат прибыл, однако и Тротби вернулся в Асгалун, поэтому злодеи отбросили всякие правила приличия и вознамерились по-простому напасть на дом Бадов и всех тут уничтожить.

— Теперь я понимаю, почему Гиддо и Тротби были так холодны с нами... Они не хотели впускать нас в свои несчастья... Так, Одинокый Путник?

— Точно так. Они с утра договорились о том, что надо постараться обидеть нас — иначе мы, как люди благородные, не бросили бы их в беде и погибли с ними вместе...

— Ничего не вышло из этой затеи, — фыркнула Рыжая Соня. — Не знаю, каковы твои намерения, Одиноким Путником, но я собираюсь остаться здесь и сразиться с железными воинами еще раз. Вот только погибать я совсем не собираюсь, даже в компании с тобой, Тротби и Гиддо. Кстати, как ты оказался в комнате Лансере? И где он сам?

— Появится в полночь. Маленький рыцарь, завершив грустное свое повествование, провел меня к нему по внутреннему тайному ходу. Ты же понимаешь, Соня, что я тоже не стремлюсь сбежать отсюда потому лишь, что проклятый советник (как его здесь все называют) решил перебить всех моих новых друзей. Нынешней ночью в этом доме произойдет жаркая битва — я хочу в ней поучаствовать.

— Я тоже, — кивнула Соня. — А Лансере, конечно, зарылся в книги и там ищет истины?

— Он пробует выманить из дома советника, его сына и брата, — ответил Шон. — Ибо если мы все здесь погибнем, эта троица уж точно останется невредима.

— Отлично. Но что же делать нам?

— Нам Лансере велел ждать его здесь и до того времени не вступать в бой.

— А если на нас нападут прежде?

— Что-нибудь придумаем.

— Где Тротби и Гиддо?

— Женщина! — с досадой воскликнул Шон, на миг забыв о том, что их могут подслушивать. — Какое неистребимое любопытство! Жди нужного момента — тогда увидишь всех.

Соня хмыкнула, но вступать в спор с Одиноким Путником не стала. Она, кажется, научилась пропускать мимо ушей его высказывания — другого она, пожалуй, убила бы и за половину этих слов.

— Ты не хотела бы снова переодеться? — между тем поинтересовался Шон. — Женское платье не годится для боя.

— Где ж я возьму мужское? — удивилась девушка.

— Да здесь! У Лансере гардероб ничуть не хуже, чем у нашего друга Аремии. Открой дверцу и выбери все что хочешь.

Как бы Рыжая Соня ни стремилась выглядеть независимой и равнодушной к нарядам, однако тут она не могла удержаться от удовольствия вволю порыться в тряпках хозяина. С горящими глазами она перебирала штаны и рубахи, тонкие сорочки и куртки всевозможных фасонов — как видно, Лансере знал толк в одежде, а его слуга умел содержать ее в чистоте и порядке.

Придирчиво рассмотрев несколько шелковых рубашек, Соня в конце концов выбрала самую простую, белую, с кружевным воротником — почти такую, какая была на ней в день их знакомства. В ее рукав отлично помещался кинжал.

А перед грудой штанов девушка стояла долго, мучимая колебаниями и сомнениями — взять фиолетовые бархатные, расшитые золотыми и серебряными звездами, или обычные, густо черного цвета, с разрезом и медными пуговицами у лодыжек. О, эти вторые тоже были прекрасны! Ласко-

во погладив их ладонью, Соня душераздирающе вздохнула и взглядом испросила совета у Шона. Шону больше понравились черные с пуговицами.

Если бы Соня могла, она надела бы и черные с пуговицами и фиолетовые со звездами, однако природа наделила ее только двумя ногами, поэтому от фиолетовых пришлось отказаться.

Свалив на руки другу все невестребованные ею тряпки, Соня быстро выпуталась из своего прелестного платья, небрежно бросила его на пол, так что кружевной край его накрыл грязный сапог Одинокого Путника, потом скинула башмаки, содрала чулки (само собой, порвав их при этом), и облачилась в новые рубашку и штаны. Вот теперь она снова чувствовала себя свободно. Она могла махать руками, валяться на полу, прыгать, вертеться, дергать ногами — словом, делать все то, что не полагается воспитанной девице в нормальном платье. И хотя ей вовсе не хотелось махать руками, валяться на полу, прыгать и вертеться — сознание такой свободы оказалось очень приятно. К тому же мужскую одежду вполне можно было залить кровью — по мнению Рыжей Сони, этикет допускал сие без ограничений. На женской же одежде кровь, будь она хоть трижды кровью врага, выглядит несколько странно, если не сказать больше. Короче говоря, Соня была удовлетворена. Она взяла со столика бутыль и залихвато ополовинила ее.

— Демоница, — проворчал Шон. — Вон, гляди, загадила новую рубашку. На воротнике алое пятно, и на рукаве тоже.

— Ладно, Одинокый Путник, — беспечно отмахнулась Соня. — Все равно этой ночью какой-нибудь ублюдок случайно обольет меня кровью. Мне не привыкать.

Блик свечи сверкнул на ее густых темно-красных ресницах и пропал в серой глубине меж ними — словно в бездне потерявшийся луч солнца. Усмешка сбежала с губ Шона. Сейчас яснее прежнего он видел, как красива эта юная воительница, и яснее прежнего сознавал, что боги наделили ее особыми качествами, за которые впоследствии ей придется платить. Впрочем, он не сомневался в ее силе духа; он знал — Рыжая Соня заплатит создателям своим, но ровно столько, сколько нужно, ни больше и не меньше.

Легкие приглушенные шаги, доносящиеся будто издали, заставили его прервать размышления и настороженно поглядеть на Соню. Она показала рукой на нишу, скрытую бархатным пологом, — шаги слышались оттуда. Шон улыбнулся и облегченно вздохнул.

— Ты вернулся раньше полуночи, Лансере, — сказал он.

Полог отодвинулся...

* * *

Соня оцепенела.

В комнату ступил высокий стройный человек с короткими светлыми волосами, болезненно бледным лицом и большими, чуть нависающими, глазами. Цвет его глаз в здешнем полумраке невозможно было рассмотреть — Соня видела ясно лишь

то, что они не черные и не карие. Таким образом немедленно разрушились ее представления о колдунах, магах и всякого рода провидцах: она всегда считала, что у них темные волосы и черные глаза.

И все же не цвет глаз так поразил девушку, что она застыла подобно истукану в своем кресле и не мигая смотрела на вошедшего. Самое ужасное заключалось в том, что Лансере был примерно одних лет с Одиноким Путником, из чего следовало, что некоторое время назад Соня совершила страшную ошибку, обозвав его «злым стариком», и только потерявший бдительность усатый хак мог поверить ей и пустить в дом. Задним числом переживая оплошность, Соня вздрогнула, ударила себя кулаком по колену и сквозь зубы произнесла бранное слово в свой адрес. Похоже, и благородный хозяин дома, и Одинокий Путник впервые слышали это слово, так как удивленно подняли брови и вопросительно уставились на Соню.

— Это я не вам, — мрачно успокоила она мужчин, вновь забирая со стола бутылку. — Просто я не ожидала, что Лансере еще молодой.

— Я должен быть старым? — Голос у хозяина оказался мягким, низким и очень приятным. Будь на месте Сони любая другая девица, она влюбилась бы в Лансере только за его голос.

— Должен, — отрезала юная воительница. — Поскольку ты — дядя Тротби.

— Но я младше его отца на десять лет, — сказал Лансере в свое оправдание. — Впрочем, если тебе угодно, я могу прицепить накладную седую

бороду. Кажется, Гиддо говорил, что у него есть одна на всякий случай...

— Не надо, — великодушно отказалась Соня. — Ты имеешь счастливую возможность угодить мне и без бороды.

— Как?

— Найди моего брата.

— С удовольствием помогу тебе, красавица. Только не теперь — утром.

— Не говори со мной как с ребенком, Лансере, — строго заметила ему Соня. — Я и сама знаю, что сейчас нам надо готовиться к бою.

— Нам? — Лансере сразу посуровел и обратился к Одинокому Путнику: — Неужели это прелестное создание будет сражаться вместе с нами?

— Это прелестное создание стоит десятка воинов, — криво ухмыльнулся Шон. — Ты бы видел ее в деле... Клянусь всеми богами, она не только умеет шипеть, кусаться и царапаться, как другие женщины, — в ней есть настоящая сила, свойственная лишь самым отважным, самым честным мужам... Пройдет время, и я буду гордиться тем, что некогда вошел в Асгалун с Рыжей Соней!

Слушая сии лестные для нее слова друга, Соня разомлела, заулыбалась и даже покраснела от удовольствия.

— Это она прикончила сотника Лобла, — продолжал свой дифирамб Шон. — А потом с маху убила одного из железных воинов.

— С первого удара голову снесла, — встала Соня, искоса поглядывая на восхищенного Лансере.

— У нее даже хватило ума переодеться в женское платье, чтобы пробраться в дом,— закончил Шон весьма сомнительным комплиментом.— И хватило чутья идти именно сюда, а не болтаться по всему городу без толку.

— Ты еще Расскажи ему, как я умею пить вино и ругаться,— шепотом подучила его Соня.

— Нет, это не надо,— тоже шепотом ответил ей Шон.

Лансере, который, вероятно, уже успел проникнуться уважением к Рыжей Соне, протянул ей руку и улыбнулся.

— Итак, ты остаешься с нами, красавица?

— Остаюсь,— решительно сказала девушка.

— Тогда поведаю вам, что мне удалось сделать.— Он энергично прошел в дальний угол комнаты, выволок из-за шкафа низкий табурет на кривых ножках, поставил его перед Соней и Одиноким Путником и сел.— Днем, когда меня мучила головная боль, я вдруг понял, что необходимо как-то вызвать сюда советника, а также его милейших родственников. Если мне суждено погибнуть сегодня, я хотел бы увести с собой кого-нибудь из них — лучше, конечно, самого советника, так как он опаснее остальных. Эта мысль не давала мне покоя, вот я и решился привлечь чуждую мне магию. Признаюсь вам: я вовсе не склонен колдовать, да и не тому учился в жизни. Однако есть у меня одна древняя книга, которую незадолго до смерти отдал мне брат. Прежде я не обращался к ней — она написана на мертвом языке; разобрать его трудно, к тому же

многие страницы от времени истлели и потускнели... Не сразу нашел я то, что мне было нужно, а когда все же нашел...

Тут Лансере вдруг разволновался. Алые пятна выступили на его бледных щеках, а глаза вспыхнули и лихорадочно заблестели. В этот момент Соня сумела разглядеть цвет его глаз: голубой с сиреневым оттенком.

— Они придут сюда все! — воскликнул Лансере и тут же закрыл себе рот ладонью — за дверью их могли подслушивать.— Все! — шепотом продолжил он.— И советник, и сын его Аххаб, и брат, прибывший из Аргоса,— отвратительное существо, судя по всему. Место Лобла, как говорил мне Гиддо, занял баронет Ааза Шаб-Бин. Значит, он явится тоже...

— Ты не узнал, когда именно они нападут на нас? — спросил Шон.

— В течение ночи...— Он замолчал, настороженно вслушиваясь в наступившую тишину.— Тротби идет.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросила Соня.

— Чувствую...— тихо ответил Лансере.— Я всегда его чувствую.

И точно. Спустя несколько мгновений в коридоре раздался негромкий, но довольно раздраженный голос Тротби, видимо, изгонявший настырного хака: «Прочь, мерзавец!» Затем дверь дрогнула под крепким кулаком наследника.

— Войди, мой мальчик! — отозвался Лансере. Тротби вошел.

* * *

При виде Рыжей Сони Тротби так ласково улыбнулся, что пара веснушек на ее изящном носике незамедлительно заполыхала.

— Я пришла без приглашения,— сказала девушка, первый раз за последние дни воспользовавшись правилами этикета.— Надеюсь, ты не возражаешь против моего присутствия?

Собственно говоря, ей было наплевать, даже если б Тротби возражал, но все-таки следовало учесть ее пребывание в доме особ королевских кровей.

— Значит, нам было суждено встретиться еще раз,— философски заметил наследник.— Что ж, я рад. Только... Этой ночью здесь не будет бала или карнавала...

— Не выношу балы и карнавалы,— презрительно ответила Соня.— Достаточно того, что здесь будет бой. Ты не смог бы придумать для меня лучшего развлечения.

Мужчины улыбнулись.

Тротби прошел к нише, откинул бархатный полог и присел на край огромной кровати с горой подушек у изголовья.

— Похоже, скоро начнется,— сообщил он друзьям.— Гиддо сказал, что к дому подъехала крытая повозка — окна занавешены, возница сидит на месте как привязанный... Хаки сразу разбежались, зато отряд железных воинов подошел со стороны улицы Виноделов.

— Я слышал их,— спокойно кивнул Лансере.— Они громяхают на весь Асгалун.

— А в повозке, наверное, советник,— предположил Одинокый Путник.

— С братом и сыном,— добавил Тротби.— Ты ведь сделал это, дядя?

— Конечно, мой мальчик.

— Гиддо уверяет, что из пятидесяти слуг на нашей стороне семнадцать; из них одна женщина и два старика. Считаем без них — четырнадцать. Совсем неплохо, особенно если учесть, что и остальные не против нас — они просто не желают участвовать в драке.

— А сколько железных воинов? — спросил Лансере.

— Двадцать уже в саду, и еще пятнадцать приближается к дому.

Тут Соня чуть было не огорошила присутствующих заявлением, что она и в одиночку легко одолеет это дерьмо, но Шон вовремя заметил ее самодовольный вид и быстро сказал:

— Как станем действовать? Попробуем не пустить их в дом или наоборот — закроем двери и перебьем их тут?

— Чем бы ни закончился бой, жители нашего славного города ничего не должны знать,— ответил Лансере.— Поэтому все произойдет в доме. Думаю, нам следует спуститься вниз и приготовиться.

— Отличная мысль, дядя.— Тротби встал.— Гиддо как раз уже там.

— Гиддо как раз уже здесь,— ворчливо сказал толстяк, вкатываясь в комнату через дверь потайного хода.— Как здоровье дорогого месью-

ра? — первым делом озабоченно спросил он Лансере.

— Все хорошо, Гиддо.

— Тогда, господин, тебя не испугает известие о том, что второй отряд железных воинов уже в саду?

— Не испугает.

Лансере отвечал задумчиво, как будто некая важная мысль вдруг пришла ему в голову и сейчас он не мог решить: оставить ее на потом или же додумать немедленно.

— Пора идти, — Тротби направился к потайному ходу.

— Иди, мой мальчик. Идите, друзья. Я спущусь немного позже...

Наследник посмотрел на дядю удивленно, но смолчал. Так же молча он открыл дверцу и исчез в затхлой темноте коридора. За ним последовал верный Гиддо, Соня и Шон.

— Одинокий Путник! — окликнул Шона Лансере.

— Да, — обернулся тот.

— Задержись ненадолго...

* * *

— О, госпожа Рыжая Соня, — умильно улыбнулся Гиддо, только сейчас заметив юную воительницу. — Неужели и ты вступишь в наши ряды?

— Встану, — сумрачно ответила Соня, которой надоело уже заверять мужчин в своей решимости.

— Я поражен, — счел своим долгом восхититься толстяк. — Я просто поражен.

— Тихо, — сказал Тротби. — Этот коридор проходит вдоль комнат прислуги, а там сейчас могут быть хаки, так что помолчи хоть немного, Гиддо.

— Хорошо, месьор, — оскорбился маленький рыцарь. — Я помолчу. Только пусть некоторые благородные господа...

Он не успел закончить тираду, посвященную некоторым благородным господам, — издали доносился шум, природа коего для всех троих была очевидна: железные воины уже входили в дом. Скрежет, грохот, звон их оружия и доспехов разносился повсюду. Соня не сомневалась в том, что и Лансере, и оставшийся с ним Одинокий Путник так же хорошо слышат эти звуки.

— Скорей! — бросил Тротби, переходя на бег. На ходу он доставал из ножен свой великолепный меч, при виде которого Соня почувствовала явственный укол зависти.

По ступенькам они сбежали вниз. Здесь коридор был совсем коротким — не более пятнадцати шагов. Сквозь щели скрытой двери пробивался свет из зала.

— Советник, — возбужденно прошептал Гиддо, присевший у самой широкой щели внизу.

— Где? — спросила Соня, плечом отодвигая его и тоже принимая к этой щели. Но кроме спин железных воинов она ничего не увидела.

— Закрывают двери... — бормотал Тротби. — Прогоняют наверх старого Алоиза... Ах, негодяи...

Вдруг голос его прервался. Соня удивленно посмотрела на него, потом снова прильнула к сво-

ему наблюдательному пункту, надеясь тоже узреть то, что так поразило Тротби и... Едва удержалась от возгласа крайнего изумления: на верху лестницы стоял Лансере.

Он сложил руки на груди и с улыбкою смотрел на злодеев, кои словно мелкие гнусные собачонки лаяли и рычали на него, только не решались приблизиться. Видно, они хорошо знали, кто такой Лансере Бад.

— Он хочет разделить их и часть заманить наверх,— тихо сказал Тротби.— Но мы так не договаривались...

Злобно визжал какой-то жирный господин в шлеме на крохотной головке, толкая своих солдат вперед и приказывая им убить Лансере, но пока ни один из них не двинулся с места.

— Ааза, собака...— Тротби стиснул зубы и покачал головой.

— Твой приятель? — поинтересовалась Соня.

— Не думал, что он способен на такое... Мясистая тварь...

— О, месьюр,— Гиддо с укоризной посмотрел на наследника и даже погрозил ему толстеньким пальчиком.— Баронет, конечно, тварь (без сомнения, весьма мясистая), но ты не можешь произносить вслух такие ужасные слова.

— Оставь, Гиддо,— поморщился Тротби, отходя от щели и садясь на пол спиной к стене.

Толстяк засопел, завозился в своем углу, устраиваясь поудобнее. На хозяина он старался не смотреть, ухитрившись обидеться на него даже в такой момент.

...Железные воины переглядывались, угрожающе помахивали мечами, и все же отважились подойти лишь к подножию лестницы, на которой стоял хозяин дома.

А он разговаривал с ними, мило улыбаясь, и, кажется, вовсе не обращал внимания на их яростные выкрики жирного баронета.

— Дядя...— простонал Тротби.— Да что ж это такое...

Соне стало жарко. Она вопросительно посмотрела на месьюра наследника, ибо его здесь почитала за военачальника. Он молчал. В тесном коридоре все трое едва дышали; по вискам Гиддо струился пот, а бледное лицо Тротби порозовело — Соня взглянула на обоих друзей с жалостью, поскольку сама была привычна к разным передрягам и могла просидеть в такой дыре хоть целую ночь, если нужно. Но ее беспокоило другое: она совершенно запуталась в происходящем и теперь не могла понять, что же делать ей. Куда опять подевался Одинокый Путник? Что задумал Лансере? Почему бы им с Тротби и Гиддо не выскочить в зал и не обрушиться на железных воинов со всей той злостью, что накопилась в них всех за последнее время? Они же... Будто три таракана забились в щели... Нет, в планах Рыжей Сони никогда не было ничего подобного...

— Что за странная игра,— шепотом возмутился наследник.— Дядя, уходи оттуда!

Словно услышав просьбу племянника, Лансере повернулся и пошел... Его спина, видимо, действовала на железных воинов не столь удручаю-

ще — они зарычали и побежали за ним, грохоча и звеня.

— Давай нападём на них сейчас же, — предложила Соня.

Военачальник Тротби неожиданно легко согласился.

Но только они приготовились распахнуть дверцу и выскочить в зал, как внезапный грохот заставил их замереть и снова прильнуть к щелям.

Сначала Соня подумала, что это упал один из железных воинов, но то, что она увидела в следующее мгновение, заставило ее каменное сердце дрогнуть и свалиться к пяткам: разбив своим телом стекло входных дверей, в дом подобно урагану ворвался окровавленный, всклокоченный, с кривым туранским мечом наперевес Аремия.

Он озирался словно буйнопомешанный, дико вращал глазами и негромко порывкивал. Никак не ожидала Соня увидеть его здесь и в таком больном состоянии, а увидав, не выдержала, взревела, плечом выбила легкую дверцу и вылетела в зал, по дороге свалив парочку неповоротливых железных воинов.

И здесь ее глазам предстало еще более невероятное зрелище, чем разъяренный Аремия. В полукруге стражников стоял... градоправитель Малена Шлом, некогда чуть было не отправивший ее на тот свет!

Хищная радость вспыхнула в прекрасных Соновых глазах. Она врезала ногой в лицо одному железному воину и, пока он падал, вырвала у него из рук меч. Не заметив, что за ее спиной

уже началась драка, — Тротби и Гиддо выбежали следом за ней и тут же сцепились с врагами, а Аремия уже успел зарубить самого баронета Аазу Шаб-Бина, неосмотрительно подошедшего к нему слишком близко, — юная воительница бросилась прямо к Шлому, надеясь как можно скорее перерезать ему глотку, а уж потом заняться остальными.

Узнав в рыжеволосой демонице свою судьбу, Шлом окаменел. Она была всего в пяти шагах от него, когда он очнулся, завизжал и пинками вытолкал перед собою железных воинов.

Сейчас Соне пришлось туго. В отличие от тех солдат, которых они с Одиноким Путником встретили в лесу, эти не обольщались прелестной девичьей внешностью, а сразу начали драться всерьез. Их огромные тяжелые мечи пока только чудом не задевали ее. Девушка билась молча, яростно, уже не вспоминая про Шлома, а желая только не пасть в самом начале боя, не успев убить хотя бы одного противника.

Железные воины постепенно теснили ее к стене. Вот точный удар выбил из левой руки ее кинжал, и сразу острое вражеского клинка чиркнуло по лбу юной воительницы. Кровь тонкой и быстрой струйкой потекла по ее лицу, заливая глаз, капая на белый шелк рубашки. Стиснув зубы, Соня рванулась вперед. Меч ее взлетел над головами стражников и с силой опустился. Со стоном повалился тот, кому удалось ранить Рыжую Соню, и почти сразу за ним рухнул как подкошенный тот, что лишил ее кинжала.

— Я здесь, госпожа! — Девушка обернулась на миг, пораженная этим полужнакомым голосом, раздавшимся за ее плечом, и увидела старого слугу, коего Тротби называл Алоизом, — это он ночью встретил ее у дверей и провел к комнате Лансере.

В руках старик держал огромную секиру; в глазах его полыхали молнии, а брови были грозно сдвинуты к переносице. Он размахнулся и одним ударом снес две головы — шлемы слетели с них и покатались по полу.

Пятого сразила сама Соня, вонзив клинок прямо в его открытый рот. За его спиной она с удовольствием обнаружила притаившегося Шлома, подняла меч и, не обращая никакого внимания на его визг, исполненный печали, разрубила ему голову точно пополам...

Наконец и шестой железный воин упал, сбив с ног вполне еще целого своего товарища. Старик Алоиз улыбнулся Рыжей Соне. Вдвоем они неплохо поработали.

Краем глаза она еще раньше заметила Аремию, что старался пробиться к ней сквозь сплошную железную стену, оцетинившуюся длинными остриями мечами.

Тротби и Гиддо девушка не видела: наверное, они были в центре той лязгающей, хрипящей кучи, что шевелилась словно муравейник посреди зала.

А сверху, с правой и с левой лестниц, в зал бежали вооруженные слуги. Как и говорил Тротби, их было чуть больше десятка, но на лицах их ясно читалась решимость победить или умереть здесь, в этом доме...

Юная воительница осмотрелась. Бой угасал. Слуги, налетевшие вихрем на врагов, расчистили путь Аремии, и теперь он воссоединился с Тротби и маленьким рыцарем. Груды мертвого железа покрыли мраморный пол зала. Остывая, Соня прошлась вдоль стены, разыскивая свой кинжал. Старик Алоиз поспешил на помощь к своим.

В пылу битвы девушка совсем забыла про Одинокую Путника. Сейчас мысль о нем пронзила ее больнее удара клинка. Она еще раз оглядела зал. Здесь точно не было ее друга, как не было и Лансере Бада. Ужасная догадка озарила вдруг туман в голове Рыжей Сони: они там, наверху, вдвоем сражаются с железными воинами! Только вдвоем!..

Они вихрем взлетела на второй этаж, перескочив несколько трупов и стараясь не наступить в лужи крови, пробежала по коридору и, не доходя до комнаты Лансере, услышала шум битвы где-то справа. Не раздумывая, Соня ногой распахнула дверь и тотчас увидела просторный, немногим меньше нижнего, зал.

Одиноким Путник и Лансере действительно дрались со стражниками только вдвоем. Они подпирали своими спинами дальнюю стену, их клинки летали как молнии, а нестройные ряды железных воинов угрюмо надвигались на них, стремясь, по всей видимости, не столько зарубить противников, сколько раздавить их массой.

Воинственная Рыжая Соня не могла не восхититься, обнаружив на полу зала не менее двух

десятков поверженных врагов. Она весело улыбнулась и приветственно помахала ручкой своему другу. Он ответил ей той же милой улыбкой, одновременно вонзая клинок в горло ближайшему воину.

— Эй! — сказала девушка, поднимая меч. — Идите ко мне!

Задний ряд стражников развернулся к ней. Лансере и Шон, вздохнув свободнее, отлепили спины от стены и парой ударов скосили сразу четверых. Теперь их осталось трое против десятка. Для таких опытных бойцов как Лансере, Одинокый Путник и Рыжая Соня, это было сущим пустяком. Воины падали, друзья, переступая через их тела, постепенно сходились к середине зала.

Но вот юная воительница, с нежных губ коей не сходила довольная улыбка, с недоумением увидела, как побелело лицо Шона, как посветлели его голубые глаза, а рука с мечом взлетела вверх словно деревянная — взор его не отрывался от входной двери, что была за спиной Сони.

Девушка оглянулась. Крик изумления вырвался из ее груди. В проеме, злобно ощерясь, стоял Шлом! Шлом, чья голова только что развалилась под ее мечом на две симпатичные половинки!

Этого просто не могло быть... Неужели колдовство? Мурашки пробежали по ее коже, и в тот же миг она вспомнила морок, привидевшийся ей в глазах Одинокого Путника, когда они сидели в таверне Аремии... Она узнала его — это был он, Шлом.

Сплюнув, Соня отпихнула ногой рычащее перед нею железо, презрительно отмахнулась от меча, занесенного над нею, и кинулась к своему главному врагу.

— Нет!

Одновременно крикнули Одинокый Путник и Лансере. В следующий момент предпоследний железный воин покинул этот мир, переселившись в иной с довольно-таки неприятным выражением лица — с дырой вместо правого глаза и отрубленной челюстью.

Соня остановилась.

— Это он... — выдохнул Шон, приближаясь.

— Конечно, он! — раздраженно крикнула Соня. — Хотя я ничего не понимаю — я же убила его там, внизу!

— Это он... — не слыша ее, продолжал Одинокый Путник. — Он... Бабен...

— Не-ет. — Девушка покачала головой. — Это Шлом!

— Это наш советник Бабен, — подал голос Лансере. — Вы оба правы, друзья. А ты, Соня, наверное, убила его брата. Он приехал из Аргоса и, кажется, его действительно прозывали Шломом...

— Вы говорите обо мне так, как будто меня здесь нет, — язвительно заметил советник, бросая полные ненависти взгляды на Одинокого Путника. — Я знаю, ты убила моего брата, девчонка. А твой шустрый племянник, Лансере, только что заколол моего сына Аххаба. Что ж... Я отомщу...

— Где Хида? — сурово спросил Шон, делая шаг к Бабену.

— Э, что вспомнил! — засмеялся тот. — Давно уж ее нет на этом свете. Сейчас я убью тебя, и ты сможешь поискать ее на том...

— Пошел ты к Нергалу! — заорала Соня, выведенная из себя такой поразительной наглостью.

— Я отомщу... — прошипел советник. — Отомщу вам всем... За все...

Шон рванулся к нему, но не успел. Бабен взмахнул рукой. Что-то красное пролетело через зал — мимо Сони и Одинокого Путника. Лансере упал без единого звука.

* * *

Бабен лежал в дверях, даже в смерти похожий на своего брата-близнеца из города Малена, — оба умерли с расколотым надвое черепом, только кровь Шлома запеклась на клинке Рыжей Сони, а кровь Бабена стекала сейчас с клинка Шона. Рядом с советником распростерся бездыханный последний железный воин, убитый юной воительницей.

Сама же Соня стояла у тела хозяина дома. Рядом с ней были Одинокый Путник, Тротби, Гиддо, Аремия и слуги. Подлец выстрелил в Лансере отравленной стрелой — маленькой, не больше мизинца, но способной в одно мгновение унести жизнь человека.

Девушка подумала было с горечью, что никогда уже Тротби не овладеть родовым наследством: знанием... Но затем поняла — так будет лучше. Знание — страшная сила. Порою она приносит более вреда, нежели пользы, и страдает от этого чаще всего сам ее носитель...

За окнами начало светлеть. Шон тронул за руку Соню, и они медленно пошли к выходу. За ними, опустив меч, поплелся Аремия.

В замке наступила полная тишина. С нового дня тут не будет более драк и сражений, но не будет и Лансере. Тротби, конечно, заберет с собой Соломию и уедет на родину, в Коф. Гиддо поедет с ним, старик Алоиз тоже... Кто знает, может, им и удастся вернуть себе утерянную некогда власть.

Друзья вышли на улицу, пустынную, как дорога в никуда... Впрочем, не такие мысли занимали сейчас головы странников и их верного товарища.

— Как ты оказался там, Аремия? — вдруг спросил Шон.

— Ты уже знаешь о том, что ночью Соня отправилась искать тебя? Так вышло, что я как раз в этот момент посмотрел в окно, и увидел, что за ней пошел какой-то подозрительный ублюдок, — ответил хозяин таверны. — Вот я и прихватил свой ятаган, да двинулся следом... Когда Соня дошла до улицы Розовых Фонарей и начала разговаривать с хаком, я прихватил ублюдка, приставил лезвие к его горлу и выведал все... Оказывается, нашу красавицу по распоряжению градоправителя Шлома преследовали с самого Малена — у этого парня был приказ убить ее при первом же удобном случае. Он сказал, что не раз подбирался к ней достаточно близко, но боги, видно, хранили ее... Однажды он почти достал ее и уже поднял кинжал, как тут она вышла к берегу ручья и встре-

тила большого человека с белой прядью в черных волосах...

— Да, я встретила Одинокого Путника у ручья,— подтвердила девушка, удивленная этой историей.— И что же еще рассказал тебе ублюдок?

— Он больше ничего не знал. Я прирезал его и пошел за тобой. Возле дома Бадов меня попыталась остановить пара слишком резвых ублюдков с длинными мечами — я послал их в долгое путешествие... Думаю, по пути в царство мрака они встретятся с Лансере, и им снова придется несладко...

— Нам тоже предстоит долгий путь, только пока что в царстве света,— задумчиво сказал Шон.

— Между прочим,— оживился Аремия,— я еще вчера продал ваших лошадей — кроме каурого и буланой; так что ваши карманы теперь не пусты... Вот, возьми.

Шон отстраненно улыбнулся; не глядя, сунул туго набитый кошель в свой дорожный мешок.

— Скажи, Одинокий Путник,— нерешительно начала Соня,— если это не тайна... Зачем Лансере просил тебя остаться?

— Он... Он назвал мне имя отравленного наместника...

— И как же его звали?

— Сааби...— с трудом ответил Шон.

Соня вздрогнула и замолчала.

И эта улица тоже казалась дорогой в никуда. Но зато здесь была дверь, выкрашенная в синий с красными полосами цвет...

У таверны Аремии они остановились.

— Куда вы теперь? — с тоской спросил добрый хозяин.

Шон пожал плечами:

— Куда-нибудь. Ты со мной, Соня?

— Пока с тобой,— ответила девушка.— А потом — не знаю... Но думаю, что поеду искать брата. Ведь Лансере так и не успел сказать мне...

Она не стала договаривать: Одинокий Путник и так все отлично понимал.

В таверне все трое молча выпили по кубку красного вина. Мрачные думы о прошлом и будущем, в коем отныне не будет одного хорошего человека, одолевали их. Затем Аремия встал, собрал в дорожные мешки друзей разнообразной снеди, и вышел на улицу. Соня и Шон последовали за ним.

Город просыпался. Опять хлопали двери и створки ворот; сонно потягиваясь, из канав выползали собаки; солнечные лучи засияли ярче, засверкали на стеклах, башнях — в Асгалун пришел новый день.

Шон погладил каурого по шелковистой гриве и вскочил в седло. Он лишь мельком взглянул на старого друга Аремию да слегка коснулся рукою его плеча — долгое расставание ранит сердце не только чувствительным хозяевам таверн, но и бродягам, привыкшим покидать тепло и уют ради приключений на бесконечных дорогах мира... Шон тронул поводья.

Рыжая Соня тотчас же запрыгнула на буланую, махнула рукой доброму хозяину и с места рванулась вперед. Свежий ветер дунул ей в лицо,

взьерошил гриву лошади, а потом развернулся и понесся вдогонку за всадницей, невзначай развеяв по воздуху все прошлое...

Соня услышала за спиной топот копыт и улыбнулась. Каурый Одинокого Путника настиг ее, поскакал рядом, всхрапывая и кося на буланую огромным черным глазом.

— Ты найдешь своего брата, Соня! — громко сказал Шон. — Я это точно знаю — без всякого колдовства!

Девушка засмеялась. Она тоже кое-что знала точно — эта бесконечная улица, уходящая за горизонт, только казалась дорогой в никуда...

Велитриум, большой город на пограничной реке Громовой, что издревле отделяет цивилизованные земли от диких Боссонских топей, кипел и бурлил. Политическая ситуация в городе выглядела весьма шаткой: считалось, что Велитриум принадлежит пиктам, захватившим Аквилонию, однако почти все второстепенные посты, если те требовали хоть какого-то образования и знания западной культуры и грамоты, занимали здесь аквилонцы.

Да, да, те самые, надменные, кичащиеся своей «древней культурой» аквилонцы, которые со времен их легендарного властителя Конана изрядно порастеряли свою боевую мощь и выродились — впрочем, никто не признал бы этого в открытую.

Потомки суровых воинов, чьи мозолистые руки смыкались на рукоятях двуручных мечей и с трудом удерживали в загрубевших пальцах большую иглу из кости крупной рыбы, если приходилось чинить кожаные ножны или латать проби-

тую стрелой куртку, — нынешние аквилонцы рядились в дорогой кхитайский шелк и тончайшие кружева, произведения искусных мастериц Офира и Коринфии, которые доставляли в Велитриум многочисленные купцы. И тем не менее коварством, интригами, умелым ведением войны они ухитрились захватить весьма обширные территории.

Но на любую силу всегда найдется еще большая сила, и всякому коварству противостоит еще более изощренное коварство. Беспощадные варвары — несколько десятков диких пиктских племен, объединившись в крупный воинский союз, сметающий на своем пути любое сопротивление, двинулся с Пустошей через Боссонские топи. Армия дикарей прошла по тайным тропам гиблые болота, считавшиеся непроходимыми, и форсировала реку Громовую. Аквилонцы, не в силах оказать захватчикам достойный отпор, вынуждены были отступить.

Безжалостные дикари, пикты прошли пограничные земли огнем и мечом и, насытив жажду крови, грабежа и насилия, ощутили острую жажду власти.

Правитель Велитриума и прочие власть предержащие были, таким образом, пиктами. Это были младшие вожди пиктской армии — грубые, неотесанные варвары с руками, по локоть обгабренными кровью мирных жителей пограничных городов и селений.

Многие аквилонцы выразили готовность сотрудничать с победителями. Презрев родовую гордость,

они присягнули пиктским захватчиком. Кое-кого вполне удовлетворяло варварское правление — лишь бы новые хозяева не мешали жить в роскоши, окружать себя слугами и наложницами, заниматься охотой и рыбной ловлей — словом, развлекаться...

Церемония приведения к присяге аквилонцев, претендовавших на занятие государственных постов в Велитриуме, была обставлена пиктами с поистине варварской пышностью. На центральной площади, где находился древний храм Митры, дворец городского головы и большой крытый рынок с прилегающими к нему складами, тавернами и постоянными дворами для приезжих торговцев, был установлен большой помост. На помост водрузили огромный трон, покрытый темно-красным офирским бархатом, обшитым по краям тяжелыми золотыми кистями и разноцветной шелковой бахромой. Поверх бархата постелили шкуру белого горного тигра, убитого аквилонскими охотниками в горах Пуантена специально по торжественному случаю и преподнесенного в дар владыке пиктов. Этот трон предназначался для самого пиктского правителя Велитриума.

Скарроу, сын Айнема, командовавший тремя сотнями диких, необузданных воинов, воссел на трон.

Это был невысокий, крепко сбитый человек неопределенного возраста. Ему можно было бы дать и двадцать, и сорок лет. Цепкие серые глаза глядели из-под кустистых бровей с расчетливой жестокостью. Длинные белые волосы он зап-

летал у висков в косы, перевитые бисерными нитками, а сзади оставлял падать свободно на спину. На груди вождя, среди множества золотых украшений, выделялась большая витая золотая цепь с подвесками в виде отрубленных мужских и женских голов общим числом девятнадцать.

Вождь был облачен в богатые одежды из выделанной, украшенной длинной бахромой кожи, меха диких зверей и парчи. Когда он восседал на троне, накрытом бархатом, сверкая в лучах солнца золотыми украшениями, бисером и парчой, то представлял собой чрезвычайно внушительную картину.

Перед Скарроу на помосте установили своеобразные «ворота», сложенные из трех пиктских копий. У самых наконечников, не раз отведавших аквилонской крови, копыта были украшены тонкими полосками меха, развевающимися на ветерке. Собственно, это были даже не длинные кавалерийские копыта, а тяжелые дротики, достаточно короткие для того, чтобы «ворота» получились низкими.

Перед «воротами» застыли трое пиктских воинов, разодетых с варварским великолепием и вооруженных до зубов. Один из пиктов, кроме того, имел при себе небольшой барабан, также украшенный меховыми полосками, клыками хищных зверей и резными деревянными и костяными палочками.

Знатные аквилонцы один за другим поднимались на помост и под гулкий бой барабана проходили под «воротами», низко склоняя голову пе-

ред пиктским оружием. Рослым аквилонцам приходилось преодолевать этот рубеж почти ползком. Затем они представляли перед Скарроу и приносили ему клятву верности.

Холодные светлые глаза Скарроу созерцали униженных противников совершенно бесстрастно. Лишь один раз по непроницаемому лицу варварского вождя пробежала легкая тень усмешки — когда один из наиболее высокопоставленных и родовитых аквилонцев потерял равновесие и, покачнувшись, упал на колени. Покраснев от гнева, аристократ поспешно поднялся на ноги — чтобы тут же склониться в верноподданническом поклоне перед дикарем-пиктом, который, не скрывая довольной насмешки, холодно глядел на споткнувшегося аквилонского вельможу.

Зеваки — из аквилонского простонародья и рядовых пиктских воинов, — окружавшие помост в поисках развлечений, приветствовали падение высокородного вельможи улюлюканием и свистом. Простонародье и чернь непостоянны: они готовы высмеивать и освистывать тех, перед кем еще недавно сами преклоняли колени.

Храм Митры оставался пока что в руках аквилонцев. Пиктов мало волновала религиозная жизнь завоеванного ими народа. Во всяком случае, такое создавалось впечатление. Митрианцев не трогали, в их обычаи не вмешивались.

Но неподалеку от древнего святилища Митры пикты возвели свое варварское капище, посвященное зверобогу, одним из обликов которого была Лисица.

* * *

Редкий путник отважится пробраться так далеко в Боссонские топи. Места здесь гиблые, необитаемые. Даже дикое зверье, казалось, обходило стороной мертвые трясины простирающихся на гигантские расстояния болот. Кое-где встречались островки зеленого мха и осоки, даже небольшие рощицы, где росли по преимуществу чахлые лиственные деревья с искривленными стволами, но по большей части здесь были роковые трясины, где пройти можно было лишь по старым бревенчатым настилам — делу рук давно ушедших отсюда людей.

И тем не менее одинокий путник пробирался по этим неживым местам. И что еще более удивительно — то была совсем юная девушка, не старше восемнадцати лет. Она была высока ростом и великолепно сложена; стройная и гибкая, она с одинаковым успехом могла быть и воительницей, и танцовщицей. Смелые, широко расставленные серые глаза смотрели зорко и ясно — и в то же время в них затаилась невысказанная боль и горечь. Странно было видеть такие глаза на таком юном, свежем лице! То были глаза много пережившего, ожесточившегося человека.

И на то имелись свои причины. Аквилонские солдаты вырезали всю семью девушки, которая сама спаслась лишь чудом. Иногда она жалела об этом. Лучше бы ей погибнуть вместе с матерью, отцом, братьями! Лучше бы ей стореть вместе с родным домом! По крайней мере, она не знала бы этой тоски, этой ненависти, что сжигала ее душу.

Но приступы тоски девушка гнала от себя как позорные и малодушные. Боги оставили ее в живых ради одного: найти убийц и страшно отомстить им! Эта мрачная цель была теперь единственным, что заставляло девушку жить и действовать.

Звали девушку Соня. Огненно-рыжие волосы, сейчас скрытые под капюшоном плотного дорожного плаща, послужили причиной для прозвища «Рыжая» или «Огнегривая». Так называли ее редкие товарищи, с которыми она недолго шла по жизненному пути, — наемники, воры, бродяги.

Соня знала, что нигде на всем белом свете ее не ждет родная душа. Чувство горечи и боль утраты в какой-то миг сменились в ее душе почти нечеловеческим успокоением. Соня шла по следу... Во всяком случае, теперь она была почти уверена в том, что нащупала следы убийц... Впрочем, ей уже не раз приходилось ошибаться. Ничего. У нее много времени впереди. Соня не боялась разочарований. Она знала: рано или поздно она перережет глотки всем, кто послужил причиной гибели ее родных.

Опасная, осторожная, полная одной лишь жадой мести, пробиралась она по Боссонским топям в Аквилонию, желая только одного: отыскать негодяев и сквитаться с ними.

Развращенная, погрязшая в роскоши Аквилония! Соня чувствовала какое-то странное удовлетворение, зная, что эта страна стонет под властью варваров-пиктов.

...Казалось, не будет конца этому бескрайнему ржавому болоту, тоскливому, как жизнь без проблеска надежды.

Стояла мертвая тишина. Соне она казалась странной. Конечно, места здесь мертвые — и все же какая-то жизнь должна быть даже здесь, на болотах...

После одной встречи всякая странность настояла на молодую девушку. Она была больше чем уверена в том, что то загадочное явление, которое привело ее сюда, на дорогу в Аквилонию, еще не раз даст о себе знать.

Неожиданно Соня остановилась. Впереди ей померещилась человеческая фигура... Кто-то стоял на дороге и глядел на путницу широко раскрытыми глазами, огромными и пустыми, как глазницы черепа. Мгновением спустя видение исчезло.

Соня нахмурилась. Она слыхала о том, что такие вот гиблые места кишат призраками и разной нечистью.

— Кто ты? — крикнула она, стараясь, чтобы голос ее звучал властно и невозмутимо. — Что тебе нужно?

Тишина. Призрак исчез.

Соня сделала еще несколько шагов и снова остановилась. Она чувствовала — все ее звериные инстинкты буквально кричали об этом! — что таинственный призрачный гость никуда не исчез. Должно быть он где-то здесь — подстерегает... кто знает, для чего?

Во всяком случае Соня не позволит ему запугать себя. Кем бы он ни был — хоть упырем, хоть ожившим мертвецом, хоть беспокойным духом, не ведающим покоя могилы!

— Покажись! — снова крикнула она. — Что ты хочешь?

Неожиданно привидение вновь поднялось перед Соней во весь рост. Теперь Соня смогла разглядеть его получше. Это был высокий немолодой мужчина, седой, светлоглазый, с правильными чертами лица. На нем была богатая одежда, сшитая по последней аквилонской моде позапрошлого года, некогда роскошная, украшенная шитьем и драгоценными камнями, но сейчас страшно обветшавшая. Странно выглядели изумруды и рубины чистой воды, крупный жемчуг и сверкающие сапфиры на этих чудовищных лохмотьях. Несмотря на диковинное одеяние, незнакомец держался с горделивым достоинством. Несомненно, при жизни он был одним из представителей высшей аквилонской знати. И только в глазах призрака застыло выражение бесконечного отчаяния.

— Помоги мне... — прохрипел он.

Соня инстинктивно положила ладонь на рукоятку кинжала. Но странное явление, казалось, не обратило на этот угрожающий жест никакого внимания.

— Помоги... — повторил незнакомец, простирая к Соне дрожащие руки. Соня заметила, что с костлявых пальцев призрака клочьями свисают мох и сырая трава.

— Чем я могу помочь тебе, аквилонец? — спросила Соня. — Мне недосуг заниматься чужими делами!

— Следы... Ты ищешь следы, я знаю... Но зло... Храм Митры... Вечное проклятие, что тяготеет над

родом... Порождение зла — о, несчастное порождение зла! — простонал призрак.

Соня насторожилась.

— Да, я ищу кое-кого. Но что ты знаешь об этом?

Однако на дороге больше никого не было. Когда Соня приблизилась к тому месту, где находился призрак, там лежал лишь белый, обглоданный зверями и омытый дождями человеческий череп.

* * *

Уже под вечер молодая девушка приблизилась к воротам Велитриума и, заплатив небольшую пошлину за въезд, оказалась в городе.

Постоялый двор, где она решила остановиться, назывался «Дойная козочка» и располагался на центральной площади Велитриума, совсем недалеко от святилища Митры. Содержала это заведение пухлая женщина лет тридцати пяти, которую звали госпожа Элистейя. Эта дама отличалась полной осведомленностью касательно всего происходящего в городе и крайней разговорчивостью. Оба этих качества — не говоря уже о превосходной стряпне — Соня сочла настолько ценными, что ради них с готовностью пренебрегла даже таким чудовищным, с точки зрения Рыжей Сони, недостатком постоялого двора, как невыносимая роскошь обстановки.

Комната, представленная госпожой Элистеей Соне, была битком набита подушечками — и круглыми, с кружевной каймой, и розовыми, в виде сердечек, и пышными, с бантами по углам, и со-

всем крошечными, «под локоток». На кровати с пуховой периной, в которой можно было утопить по крайней мере еще пять человек сложения и роста Сони, лежало стопкой четыре атласных стеганых одеяла.

На стене красовался гобелен, изображавший юную полуобнаженную красавицу с вьющимися золотыми волосами и выставленной напоказ розовой грудью. Красавица прогуливалась под цветущей яблоней, поглаживая очаровательную белоснежную козочку с бантиком на шее и позолоченными рожками.

Видимо, на обветренном лице Сони отразилась слишком сложная гамма чувств при виде всего этого великолепия, потому что хозяйка постоялого двора обеспокоенно заметила:

— Мы стараемся, чтобы постояльцы чувствовали себя у нас как дома. Знаете, дорогая моя, ведь в таверне редко встретишь настоящий домашний уют. Это оттого, что почти все хозяева таверен — мужчины. А что мужчины вообще могут понимать в домашнем уюте, не правда ли? Другое дело — мы, женщины. Верно?

— Меня зовут Соня, — напомнила путница, еле сдерживая раздражение и из последних сил стараясь вести себя вежливо.

Хозяйка таверны ничуть не смутилась.

— Прелестное имя! Ваша мама и папа, должно быть, очень любили вас, коли дали вам такое очаровательное имя! И как они толькопустили такую красотку в далекое путешествие — совсем одну, без слуг и без защитников! Наверное, все глаза уж

проглядели: где там наша красавица, не едет ли!.. Времена-то какие, ужас! Кругом одни беды, да горе, да разорение. Взять вот, к примеру, — тут болтливая хозяйка предусмотрительно понизила голос и мотнула головой куда-то в сторону, — взять хотя бы старый храм Митры. Ведь какой был богатый храм! И дары ежегодно от правителя, и четыре раза в год пышнейшие празднества с жертвоприношениями, и курения с благовониями... И рабов — видимо-невидимо!.. — Глаза хозяйки таверны затуманились, в них даже показалась слезинка. — А теперь все погибло. Еле сводят концы с концами. Оставили в живых — и ладно. — Словоохотливая женщина огорченно махнула рукой.

— А храмовый жрец? — спросила Соня.

— Жрица, — поправила госпожа Элистей. — Жрица-то пикты разрубили... Да вы ничего и не слышали, поди, дорогая моя, пока в странствии ножки о дорогу били! Как Скарроу-пикт у нас в городе утвердился, прогнал он всех, кто хотел ему служить, через клятву верности. Для примера, назидания и устрашения.

— И присягнули? — спросила Соня, презрительно кривя губы.

— А как же! — с жаром подхватила госпожа Элистей. — Очень даже присягнули! А куда им деваться-то, сами посудите! Не из города же бежать... У многих здесь и дом, и все добро...

— Неужто все как один склонили голову перед варваром? Неужели для аквилонцев «дома и все добро» оказались дороже гордости? — Соня не скрывала своего отвращения.

— Тише, тише! — Госпожа Элистей испуганно приложила палец к губам. — Склонили, дорогая моя, а как же! Как миленькие. Без этого же нельзя. Ну вот. Только один человек отказался поклониться вождю Скарроу — граф Ардалион. Взошел было на помост, поглядел на пикта Скарроу, на воинов его диких, плюнул себе под ноги да и спрыгнул вниз. Пикты хотели остановить его, да какое там! Вскочил граф на верного коня и умчался прочь — только его и видели...

— А жрец? — напомнила Соня. Если ее кто-то интересовал в Велитриуме, так это митрианский первосвященник.

Выслушивая восторженный рассказ упитанной хозяйки о геройстве аквилонского графа Соне было совершенно не любопытно. По ней так, чем больше аквилонцев истребят яростные варвары, тем легче будет дышать ей, Рыжей Соне.

— Я к тому и веду! — подхватила госпожа Элистей. — Жрец из храма Митры вышел, скрестил руки на груди, а в руках держит концы своего белого жреческого пояса. Потряс он поясом и вскричал громовым голосом: «Беги от нечестивцев, Ардалион, верный сын Митры, беги от зверопоклонников, облик имеющих звериный! Но помни: отныне и вовек не жди покоя, доколе не истреблен враг твой и не сгорит в священном пламени проклятие, тяготеющее над тобою!» Граф Ардалион проскакал мимо храма, а жрец поднял руку — и между графом и его преследователями упала молния. Коня испугались, понесли... Пока суматоха улеглась — графа и след простыл. Жре-

ца тут же на помост — и прилюдно в куски изрубили мечами, а после то, что осталось, сбросили толпе на головы... Вот как оно все вышло, дорогая моя,— заключила госпожа Элистей не без удовольствия.

— Ну а нынешняя жрица Митры — она кто? — спросила Соня.

Госпожа Элистей взбила для постоялицы подушку, но, увлеченная захватывающим рассказом, по рассеянности плюхнулась на нее сама.

— Имя госпожи первосвященницы — Аресса,— значительно произнесла хозяйка таверны.— Она дочь графа Ардалиона и его покойной супруги. Красавица! Говорят, госпожа Аресса — девственница.

Еще говорят, что у нее не бывает кровотечений — ну, обыкновенных, тех, что считаются проклятием женского племени. Поэтому госпожа Аресса всегда чиста и незапятнанна.

— Как же пикты ее не тронули? — удивилась Соня.— По моему скромному разумению, первое, что надлежало сделать их вождю Скарроу,— это захватить в заложницы дочь мятежника.

— Так-то оно так...— Словоохотливая хозяйка покрутила головой, словно сокрушаясь о чем-то.— Да вот не посмели они и пальцем ее тронуть... Видать, что-то в ней, в госпоже Арессе, есть такое, особенное... Ну да об этом не нам с вами судить, дорогая моя.

Заключив на этом свое повествование, госпожа Элистей грузно поднялась с подушки и оставила Соню наедине с ее мыслями.

* * *

— Кто ты такая? — Храмовый служитель сурово и недоверчиво оглядывал Соню с головы до ног. Этот бесцеремонный осмотр начинал уже раздражать молодую девушку.

— Я желаю поклониться Митре и быть представленной госпоже Арессе, первосвященнице,— в третий или четвертый раз повторила Соня.

— Гм, гм...— Служитель жевал бесцветными губами, не сводя с Сони хмурого придирчивого взора.— Откуда ты родом, говоришь?

— Я ничего об этом не говорила,— возразила Соня,— но если ты спрашиваешь о крови в моих жилах, от ищи ответа у моих предков, гирканцев и ваниров.

Этот ответ не понравился служителю. Впрочем, сама посетительница нравилась ему еще меньше, чем ее острый язык. Рослая, с обветренным лицом, с длинной огненно-рыжей косой, уложенной вокруг головы короной, со смелым, независимым взглядом широко расставленных серых глаз, Соня менее всего отвечала идеалу сытенькой смиренницы, который считался в Аквилонии образцом для девушки.

— Ладно,— сдался наконец служитель.— Но перед тем как предстать перед госпожой первосвященницей, ты должна будешь пройти обряды очищения и избавиться от скверны, которой в тебе — горы и моря.

С этими выпретенными словами служитель велитриумского храма Митры жестом показал Соне, что она может по крайней мере переступить порог.

Соне никогда не была присуща глубокая вера ни в Митру, ни в иных богов. Мать и отец Сони не отличались тем, что среди истинно преданных Храму людей называется «сердечной верой». Открыто — для соседей, родственников, властей — в доме, конечно, чтили положенных богов, но почитание это было весьма формальным и сводилось в участии в больших храмовых празднествах.

С детства Соня видела лукавство взрослых в отношении веры и привыкла воспринимать его как должное.

Но в суровом, наполовину разоренном захватчиками-варварами велитриумском святилище ни о каком лицемерии не могло быть и речи. Здесь служили только те, для кого Митра олицетворял саму жизнь... или же рабы.

Введя Соню в храм, недоверчивый привратник сдал ее с рук на руки пяти пожилым жрицам, которые безмолвно увели путешественницу во внутренние помещения святилища.

Там они вдруг заголосили и запели все одновременно, простирая к Соне свои худые морщинистые руки.

— Семь творений, семь чистых творений великого Митры-создателя, ведаешь ли ты их, женщина? — распевала одна из них, покачиваясь из стороны в сторону.

— Огонь, земля, вода, воздух, небо, плоть и моча — вот семь чистых творений!

— Воистину так, воистину так! — подхватывали остальные, трясая кистями рук, так что серебряные браслеты на запястьях громко звенели.

— Как созданы были семь чистых творений? — вопрошала другая жрица, а прочие дружным хором отвечали:

— Совершенными и чистыми созданы они! Так было изначально!

— Что портит их, что ведет к их уничтожению? Что умаляет чистоту и нарушает совершенство? — нараспев спрашивала третья, и жрицы, перебивая друг друга, выкрикивали:

— Грязь и болезни! Вот что портит их!

— Ржавчина и плесень! Вот что ведет к их уничтожению!

— Муть и зловоние! Вот что умаляет чистоту!

— Увядание и гниение! Вот что нарушает совершенство!

Жрицы обступили Соню со всех сторон и в мгновение ока сорвали с нее всю одежду. Девушка осталась стоять под их пристальными взглядами совсем нагая.

Соня была красива и хорошо сложена и знала об этом. Ее никогда не смущала нагота. Но под испытующими взорами старых жриц Митры она вдруг ощутила странную неловкость. Они словно выискивали в ее теле какой-то скрытый изъян.

Тем временем несколько храмовых прислужниц рангом ниже — это были совсем юные девушки, почти подростки, с едва развившейся грудью, одетые лишь в длинные полупрозрачные юбки с разрезами до середины бедер — принесли большой медный таз и несколько кувшинов. Соня поглядела на них с любопытством.

Одна из старух заметила растерянность посетительницы и, схватив Соню за плечо цепкой сухой рукой, похожей на птичью лапу, сурово проговорила:

— Ты, как я погляжу, чтить благого творца Митру лишь на словах! На деле же ты не знаешь даже простейших обрядов очищения!

— Никогда не поздно приобщиться к священному,— ответила Соня с показным смирением.— А я еще не слишком стара для того, чтобы встать на путь добродетели.

Проклятие! Быть почти у цели путешествия по этой ненавистой Аквилонии и так глупо застрять на самом пороге, угодив в паучьи лапы старых ханжей!

— Вода — святое творение Митры,— назидательно произнесла дряхлая жрица.— Создав воду, благой бог создал и ее покровительницу, Харват, Великую Целостность Всего Сущего. Именно поэтому ничто нечистое не должно соприкасаться с водой.

Соня прикусила губу, сдерживая раздражение. Долго еще ее будут мучить длинными, скучными наставлениями в «благолепии»! Если и было что-то ненавистное для пылкой, нетерпеливой девушки, так это ханжество.

— Но если я, по вашим словам, так уж нечиста и замарана гнилью, плесенью и прочим... что там еще нарушает совершенство? В общем, всей той дрянью, что портит чистоту сотворенной Митрой плоти, то каким же образом мне надлежит очиститься? Просветите мой ум, о мудрые жрицы!

— Встань в этот таз,— молвила старуха,— и со смиренным сердцем вознеси молитву благому Митре.

Соня изо всех сил старалась придать своему лицу елейное выражение. Старая жрица внимательно наблюдала за ней прищуренными недобрими глазами.

Едва Соня оказалась в тазу, как младшие жрицы подступились к ней и начали омыwać ее какой-то жидкостью янтарного цвета. Ловкие руки с тонкими пальцами и длинными позолоченными ногтями осторожно оглаживали обнаженное тело Сони. Девушки работали молча, опустив длинные ресницы, выкрашенные также золотой краской.

— Чем они омывають меня, святая мать? — обратилась Соня к старой жрице. Не помешает изучить обряды Митры. Возможно, Соне еще придется скрываться в святилище, выдавая себя за ярую митрианку... Она не могла загадывать на будущее, зная лишь одно: возможно все.

— Ниранг,— ответила старая жрица.

— Ниранг? — переспросила Соня. И отважилась на новый вопрос: — А что это такое?

— Теперь я вижу все ясно. Твоя семья никогда не находилась в числе искренних почитателей великого и благого творца Митры,— поджав губы, заявила старуха.— Иначе ты знала бы, что такое ниранг.

Она хлопнула в ладоши, и по этому знаку одна из юных прислужниц пропела мелодичным се ребристым голоском:

— Ниранг, о девушка с медной косой,— святое средство очищения! Его приготавливают из мочи семи белых бычков, которых в течение семи дней перед тем поили очищенной и освященной водой и кормили свежей травой, произнося над ними молитвы во славу Харват, благой Целостности Всего Сущего. Семь жрецов читали семь дней и семь ночей гимны для очищения ниранга, а затем еще сорок дней, налитый в сосуды, он хранился под землей. Поэтому нет ничего чище ниранга, о девушка, и тебе надлежит это знать! Прими же очищение с благоговением в сердце.

— Благодарю,— произнесла Соня, стараясь подавить дрожь отвращения при мысли о том, что ее купают в моче бычков, пусть даже и белых.— Это воистину великая честь для меня. Вы очищаете мое тело и одновременно просвещаете мой разум.

Соня вовсе не была так неискушена в таинствах Митры, как изображала. Ее познаний в этой сфере оказалось, во всяком случае, довольно, чтобы понять: в храме, которым духовно руководит госпожа Аресса, процветает самая настоящая ересь. Это стало возможным лишь благодаря попустительству пиктского вождя Скарроу, который поклонялся богине в облики лисицы и вообще не давал себе труда вникать в верования покоренных им аквилонцев.

Впрочем, Соня была почти уверена в том, что в самом ближайшем будущем пикты окончательно уничтожат поклонение Митре в какой бы то ни было форме. Уже сейчас многие аквилонцы,

спеша выразить верноподданнические чувства завоевателям, торжественно приносили лисице в ее капище кровавые жертвы: кроликов, птицу, рыбу. Некоторые дарили пиктскому капищу даже рабов.

Когда все тело Сони было обтерто губками, пропитанными священным нирангом, к проходящей обряд подступила вторая девушка-жрица. В кувшине, который она держала в руках, находился мелкий белый песок, тщательно прокаленный на огне. Зачерпывая песок горстями, девушка, улыбаясь, осыпала им Соню.

Лицо этой служительницы показалось Соне странно знакомым... как будто она видела эту девушку прежде.

Соня заметила также, что у этой девушки, в отличие от остальных, на тонкой нежной шее застегнут грубый железный ошейник с именем «Аресса». Вряд ли рабыню зовут так же, как верховную жрицу. Скорее всего, это имя владелицы. Стало быть, младшая жрица — личная собственность первосвященницы... Любопытно.

И все же... Где Соня могла видеть эту девушку?

Однако рабыня почти сразу убежала, унося пустой кувшин.

В третьем кувшине, к великой радости и облегчению Сони, оказалась чистая родниковая вода. После последнего, третьего, омовения старые жрицы признали наконец Соню вполне очищенной от скверны и, облачив в белые одежды, отвели в маленькую комнатку, где оставили в уединении — для совершения молитвы.

Оставшись наконец одна, Соня блаженно растянулась прямо на полу и прикрыла глаза. Несомненно, эти старые ведьмы уже докладывают о ней Арессе. Очень хорошо. Пусть. Первосвященнице будет о чем поразмыслить.

* * *

Аресса оказалась рослой сухопарой женщиной с точеными, немного даже неживыми чертами красивого, холодного лица. Она напоминала ожившую мраморную статую. Ее длинные, совершенно прямые, белые волосы обрамляли правильный овал лица. Белоснежное покрывало на голове мягкими складками ниспадало на прямые плечи первосвященницы, облаченной в длинную, до пят, прямую тунику из мягкой белой шерсти.

Невозможно было угадать, какое тело — мужское или женское — скрывает это просторное одеяние. Во всем облике Арессы не было ничего от женственной округлости, но не было в ней и мужского ощущения мощи.

Соню ввели в просторный тридцатиколонный зал, где в промежутках между высокими, тщательно отполированными гранитными колоннами, чьи причудливые резные капители терялись в вышине, под потолком, на бронзовых треножниках, ревя, горело пламя. Впереди высился жертвенник — прямоугольная каменная глыба, грубо обтесанная с четырех сторон. На этом жертвеннике также горел неугасимый огонь.

Соня не заметила, чтобы это пламя питалось какими-либо дровами. Казалось, оно горит само

по себе. Впрочем, возможно, в алтаре имеются скрытые трубки, по которым незаметно подается горячее масло или газ.

У Сони не было времени размышлять над всеми этими чудесами, потому что верховная жрица Митры медленно поднялась со своего трона, установленного прямо за алтарем, и шагнула навстречу гостю.

Будь на месте Сони человек более робкого десятка, он зажмурил бы от страха глаза при виде того, как высокая женщина в развевающихся белых одеяниях бестрепетно вступает прямо в середину жертвенного огня. Но Соня, напротив, только пошире раскрыла глаза.

Несколько мгновений Аресса медлила на жертвеннике, словно наслаждалась огнем, охватившим ее со всех сторон. Затем она спустилась на пол, ступая по воздуху, как по ступеням.

Ни один правоверный митрианец не коснулся бы священного огня! Соня знала это. А госпожа Аресса ступила в него ногами, позволила пламени ласкать свое тело... Магия? Что-то ужасное таилось в этом святилище, которым руководила дочь графа Ардалиона...

Не слишком привыкшая общаться со жрецами бога Митры, Соня не знала, как именно полагается приветствовать верховную жрицу. Кроме того, в Велитриуме могли существовать свои порядки. Насколько поведение Арессы является обыденным? Всегда ли первосвященница Велитриума проходит сквозь пламя, двигаясь навстречу гостю? Или она таким образом выделяет не-

многих посетителей? И если да — то каких? Быть может, наиболее опасных, тех, кого надлежит запугать с самого начала?

Соня не могла не признать: путь сквозь пламя произвел на нее сильное впечатление. Но почему Аресса усмотрела в Соне что-то особенное и отметила это необычным ритуалом?

На всякий случай Соня склонилась перед Арессой в низком поклоне.

— Приветствую тебя, мудрая и наделенная властью! — проговорила Соня.

Прекрасное холодное лицо Арессы оставалось бесстрастным.

— Мир тебе в доме благого творца Митры, — холодно прозвучал ее голос.

И снова Соня не могла бы сказать, мужчине он принадлежал или женщине. Это был красивый, низкий голос, но совершенно неживой.

— Я принесла тебе весть, Аресса, — заговорила Соня более свободно. В конце концов, она не имеет к духовной иерархии Митры никакого отношения.

Аресса сделала плавный жест рукой. Воздух внезапно задрожал, сгустился — и вот уже перед Соней появилось небольшое кресло с ножками в виде лап леопарда. Оно было накрыто мягкой шкурой золотистого цвета.

— Садись, — пригласила жрица.

Соня, помедлив, уселась. Кресло оказалось вполне реальным, не иллюзорным. Каким-то таинственным образом трон первосвященницы оказался стоящим не за огненным алтарем, а перед ним. Аресса расположилась на своем троне с цар-

ственной величавостью. Теперь Соне ясно было видно: кем бы ни была эта женщина, она принадлежала к старинному и гордому роду.

— Госпожа! — невольно вырвалось у Сони. — Я вижу, что вы — великая магиня. Но неужели вы не страшитесь? Магов преследуют и истребляют повсеместно, а вы творите чары открыто, на глазах у чужестранки, которую видите в первый раз! Вдруг меня подослали к вам слуги Чистого Огня?

— Что за Чистый Огонь? — удивилась Аресса.

— Организация, которая служит выявлению и истреблению колдунов!

Аресса пожала плечами. Ни один мускул не дрогнул на прекрасном неподвижном лице митрианской жрицы.

— Мне это все безразлично, — проговорила она равнодушно. — У пиктов есть какие-то шаманы... Варвары мало вникают в то, что происходит в храме благого творца Митры. Они страшатся света! То, что я делаю, вызвано вовсе не силой чар, но обыкновенной любовью божества к его скромной и преданной служительнице. Если будет на то воля Митры, пламя отнимет у меня мою жалкую жизнь. Но ты видишь — Митра добр ко мне. И вот я прохожу сквозь огонь целой и невредимой, прокаленной и очищенной, насладившейся и пропитанной светом! Это чудо совершает для меня мой бог, благой Митра, которого я почитаю в виде вечно горящего пламени!

— Но все это *выглядит* как колдовство! — настаивала Соня.

Аресса еще раз пожала плечами.

— Как бы это ни выглядело, магией в том виде, в каком воспринимают ее невежественные обыватели... вроде тебя, девушка!.. примитивной магией, чародейством, всем тем, чем пугают трусоватых домохозяек, боящихся сглаза и порчи злой соседки, колдовством мое высокое искусство не является! Дар творить чудеса я получила благодатью творца Митры, которому служу сызмальства. Он видит мою преданность и вознаграждает ее по заслугам.

— Но вы не сможете объяснить эту тонкую разницу тем, кто преследует любые внешние проявления чудесного и именует это все одним словом — «магия»! — горячо возразила Соня. Ее немного удивило видимое безразличие Арессы к грозящей ей опасности.

Странно. Аресса даже не знала о существовании Чистого Огня. Она словно жила в каком-то своем, обособленном мире. Какие силы хранили ее?

Рыжая Соня сама не могла бы сказать, с чего это вдруг она так обеспокоилась судьбой жрицы Митры, да еще аквилонки. Ни Митра, ни тем более Аквилония никогда не являлись предметами ее забот.

Однако в невозмутимости Арессы Соня находила что-то пугающее. Во всем облике, верховной жрицы велитриумского храма таилась какая-то страшная загадка... Возможно также, в этом забытом храме Митры скрыт ответ на вопрос, который уже так давно мучает Соню...

— Я никому ничего не намерена объяснять, — все так же ровно произнесла первосвященница. —

Наш храм и все мы обречены на скорую смерть. Мы скоро погибнем, рыжеволосая чужестранка, и все мы знаем об этом. Никто не задаст нам ни одного вопроса. Нас просто убьют. И то уже удивительно, что все мои жрицы и я до сих пор живы, что мы можем служить благому творцу Митре так, как считаем нужным. Наша гибель лишь отсрочена. Пикты, эти дикие, невежественные варвары, — тут мраморное лицо жрицы впервые выказало некое подобие чувств, — не допустят существования на завоеванной ими земле очага света, любви и культуры... Они сотрут нас с лица земли!

Краска бросилась Соне в лицо. Значит, вот как! Аквилония — «очаг света, любви и культуры»! Бросить бы в лицо этой надменной аристократке все то страшное, непоправимое зло, которое аквилонские наемники принесли Рыжей Соне! Озверевшие лица вояк, кровь матери на их руках... Соня стиснула зубы, чтобы не застонать при одном только воспоминании о трагедии, уничтожившей ее семью.

Но какой смысл затевать с этой невозмутимой женщиной подобные разговоры! Да и Рыжая Соня, в конце концов, явилась в храм Митры вовсе не за этим.

— Я буду говорить с тобой прямо и откровенно, — решила наконец Соня. — Выслушай меня, Аресса. Моя речь может показаться неучливой, даже грубой... Что ж, мы — бедные варвары, — здесь Соня не удержалась от иронии, — не изощрены в утонченной аквилонской культуре, так что тебе придется простить меня.

Аресса остановила Соню легким движением руки.

— Нет надобности в долгих предисловиях, девушка. Говори так, как привыкла. Я вижу в твоём появлении перст судьбы... судьбы, которая давно уготована мне и ждет... ждет...

Она замолчала, не договорив. Ее лицо приняло отсутствующее выражение, словно Аресса тщи-лась разглядеть где-то впереди какие-то смутные, странные тени.

Только тут Соня поняла, что вся хваленая невозмутимость Арессы — не напускная. Жрица так давно приготовилась к неизбежной смерти, что уже считала себя мертвой. А утратить мертвеца чем бы то ни было — просто невозможно. И меньше всего — угрозами и намеками.

Соня ощутила нечто вроде глубокого сочувствия к этой «мраморной» аристократке. Но дело, которое привело ее сюда, не допускало ни сочувствия, ни простой деликатности. Говорить надлежало прямо, без обиняков.

— Я пробиралась сюда лесами и болотами, — начала Соня. — По... гм... ряду причин ни с аквилонцами, ни с пиктами, ни с боссонцами встречаться мне не хотелось. Ну, насколько это возможно, разумеется. И вот как-то раз довелось мне заночевать в лесу...

* * *

Это случилось в холодный предрассветный час, когда замолкали ночные птицы, но не успевали еще проснуться дневные. Соня проснулась отто-

го, что кто-то настойчиво трясет ее за плечо. Удивительно, что рыжеволосая воительница не пробудилась, когда этот неизвестный подобрался к ней в темноте. Обычно Соня вскакивала при самом слабом шорохе, каким бы крепким ни был ее сон и как сильно ни была утомлена она накануне.

Открыв глаза, Соня увидела рядом с собой молодую девушку, обнаженную и словно бы окутанную туманом. Лицо незнакомки, плохо различимое в рассветных сумерках, было искажено страданием. Насколько могла судить Соня, никаких ран на теле девушки не было. Скорее, боль причинял ей какой-то неведомый душевный недуг.

Девушка открыла рот, намереваясь заговорить, но только слабое шипение вырвалось из ее горла. Синеватый свет окутал ее. Девушка задрожала всем своим тонким телом.

Как ни странно, Соня не ощутила при виде этого жутковатого, потустороннего зрелища ни страха, ни смутения. Хотя, если говорить честно, далеко не всякую ночь ей приходилось просыпаться и видеть рядом кого-то из представителей явно потустороннего мира, да еще подверженного сильному душевному страданию.

Соня осторожно протянула руку и коснулась плеча девушки. На ощупь кожа незнакомки была прохладной и влажной. Рыдания сотрясали плечи несчастной.

— Тише, тише, — успокаивающе заговорила Соня. — Успокойся. Ты сможешь говорить на человеческом языке? Постарайся объяснить мне, что

тебя терзает, и могу ли я помочь тебе. Ну, тише, тише... Что я могу для тебя сделать? Может быть, ты сумела бы показать жестами?

Соня несколько раз взмахнула руками, надеясь, что незнакомка поймет ее.

В больших широко раскрытых глазах девушки появилось отчаяние. Она мучительно пыталась выдавить из себя хоть какие-то звуки, отдаленно напоминающие человеческую речь.

Наконец Соня не без труда разобрала:

— Макдашу... Макдашу...

Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась, странно, по-звериному, подвывая тонким голоском, сидя на корточках и покачиваясь из стороны в сторону.

— Макдашу,— медленно повторила Соня, словно пробуя это незнакомое слово на вкус.— Макдашу... Что это такое? Ты можешь объяснить? Постарайся! Иначе я не сумею тебе помочь!

Девушка вскинула голову и разразилась целым потоком речи, похожей на птичью. Она странно цокала, присвистывала, подвывала и взвизгивала, а потом заключила с какой-то безнадежной и в то же время умоляющей интонацией:

— Макдашу...

Соня уселась рядом со своей ночной гостьей, взяла ее судорожно подергивающиеся руки в свои.

— Успокойся, прошу тебя. Я попытаюсь понять, чего ты добиваешься. Ведь ты нуждаешься в моей помощи, не так ли?

Распахнутые глаза, черные, с золотыми зрачками, глядели, казалось, прямо в душу Сони.

— Ты ведь понимаешь меня? — на всякий случай спросила Соня.

К ее ужасу, тщательно подавленному, девушка опустила голову и тихо лизнула колено Сони, а потом снова подняла на нее умоляющий, почти собачий взгляд.

Кое-что начало смутно проясняться.

— Ты не человек? Ты оборотень?

Девушка уселась совершенно по-собачьи, склонив голову набок и облизнулась.

— Ты собака?

Незнакомка лающе рассмеялась.

Нет, не собака... Так кто же? Кто?

Соня мучительно пыталась догадаться. Нет, девушка не была оборотнем... Она была вместилищем чьей-то души — может быть, звериной, а может — божественной...

Сейчас даже не важно было выяснять статус и происхождение девушки. Главным было завоевать доверие странной ночной гостьи, у которой — в этом Соня не сомневалась — было какое-то важное дело к ней, Рыжей Соне.

У нее — или у того, чья душа вселилась сейчас в это тонкое беззащитное девичье тело.

Как бы то ни было, а выяснить это было необходимо.

Незнакомая девушка совершенно оправилась от страха. Она даже позволила Соне взять себя за руку и потянула свою спутницу куда-то в чащу леса. Вдвоем они прошли по глухой тропинке, известной только диким зверям и другим обитателям чащобы.

Луна уже зашла за горизонт. Звезды гасли одна за другой, листья деревьев из черных постепенно становились серыми. Уже занимался рассвет.

Неожиданно перед путницами открылась большая поляна. Ее окружали вековые дубы, которые словно сошлись сюда в незапамятные времена и встали в почти правильный круг, как жрецы во время выполнения обряда.

Соня заметила, что в стволы всех дубов вживлены человеческие черепа. С длинных, простертых, как руки, ветвей свешивались разные кости — и звериные, и человеческие. Они тихо покачивались в рассветном ветерке, шелестели, переговариваясь с листвой на каком-то таинственном, одним им понятном языке.

Между костей свисали длинные разноцветные ленты, частью истлевшие, частью совсем новые, женские косы, мужские бороды, хвосты лошадей и лисиц.

А посреди поляны на столбе висел труп лисицы. Животное было прибито к столбу деревянными гвоздями, пробившими передние и задние лапы, грудь и живот. Самый длинный кол торчал у зверька в горле.

Испустив жалобный пронзительный визг, таинственная спутница Сони метнулась к жуткому лесному жертвеннику и принялась, завывая, бегать вокруг зверски умерщвленной лисицы, громко оплакивая ее безутешным поскуливанием и звериными стонами.

При виде этого зрелища у Сони мурашки побежали по коже. Рыжеволосая девушка остано-

вилась, оглядываясь по сторонам и медленно осваиваясь с увиденным, настолько необычным было это зрелище. Неприятный холодок пробежал у нее между лопаток. Здесь, на скрытой от людских глаз лесной поляне в самом чреве леса, вершились ужасные дела; кто-то неведомый взывал здесь к каким-то жутким злым силам. Вся поляна так и дышала духом темного колдовства и недобрых чар.

Внезапно Сонины спутница упала как подкошенная у подножия столба. Соня осторожно коснулась ее рукой.

Девушка была мертва!

— Соня... — послышался тихий, явно нечеловеческий голос у Сони над головой.

Соня выпрямилась и оглянулась в поисках говорившего.

— Кто зовет меня? — окликнула она невидимого собеседника, не желая вести разговоров вслепую. — Покажись!

— Соня... — еще раз прозвучало в рассветных сумерках негромко, но вполне отчетливо.

Наконец Соня разглядела того, кто взывал к ней столь настойчиво, а разглядев — невольно содрогнулась от ужаса и отвращения. Маленькие, как бусины, подернутые смертной пеленой глаза распятой лисицы горели желтоватым огнем, и в них явно светился нечеловеческий разум. Пасть умерщвленного животного тихо двигалась.

— Слушай меня, Соня... — проговорила принесенная в жертву лисица. — Ты знаешь волю зверобогов. Мы — древние боги, мы — властители земли. Молодые боги должны уйти.

— Молодые боги? — переспросила Соня. — О ком ты говоришь? И кто ты сама?

— Воля зверобогов, — повторила лисица. — Иди в Велитриум, в большой город людей на большой реке. Она называется Громовая. Иди! Ищи! Там — храм, большой, полный огня... Ты знаешь имя молодого бога, в честь которого люди зажигают огни!

— Да, — пробормотала Соня.

— Не называй его здесь! — властно велела мертвая лисица. — Не призывай его сюда! Здесь древнее место! Здесь не место для него... и его проклятых братьев.

— Я — одна из вас! — воскликнула Соня. Сейчас она действительно ощущала себя скорее с богами варваров, нежели с митрианцами... Ведь и аквилонцы поклонялись Митре — аквилонцы, которых благой творец Митра, солнечный бог, покровитель дружбы, хранитель верности и клятв, убивший темное зло, принявшее обличье дикого, сокрушающего все на своем пути быка, — Митра не сумел удержать приносивших ему огненные жертвы аквилонцев от страшного кровопролития...

Ненависть! Вот что сжигало Соню. Вот какой огонь зажгли в ее душе поклонявшиеся Митре люди!

При виде животного, так жестоко распятого на столбе, при виде мертвой девушки, устами которой говорило неведомое божество, Соня содрогалась от боли и сострадания. Все эти вещи были недоступны ее пониманию.

— Ты пойдешь в Велитриум, — повторила лисица властно. — Найди жреца в огненном храме.

Не ошибись, Соня! Ошибки быть не должно! Любой промах грозит смертью... смертью... — Она тихо визгнула, словно от боли, а затем продолжала: — Этот жрец, Соня, — не мужчина и не женщина, не человек, не чудовище и не зверь; он не живой и не мертвый... Там — разгадка! В его руке — ключ!

— Но о чем мне спросить его? И в чем твоя просьба?

— Ты не должна просить! Ты должна...

Тут кровавая пена показалась в ноздрах лисицы, запузырившись у нее в пасти, клочьями падая с клыков на землю. Ужасная судорога сотрясла изувеченное тело зверька. Жалобно визжа, лисица несколько раз дернула головой, стукнулась ею о столб и бессильно обвисла на деревянных кольях, пронзивших ее тело. Свет погас в глазах зверька.

Несколько секунд Соня стояла на сумрачной поляне как громом пораженная. Затем она повернулась и бросилась бежать прочь по лесной тропинке.

* * *

Аресса выслушала рассказ своей неожиданной посетительницы совершенно спокойно, даже невозмутимо. Когда Соня замолчала, митрианская первосвященница еле заметно сморщила свой гладкий белый лоб.

— Как, ты говоришь, она назвала меня, твоя мертвая лисица? Не живая, не мертвая? Что ж, она права! Она совершенно права, Соня! Я готова к смерти. Жизнь давно утратила для меня всякую

ценность. Я не испытываю страха перед смертью, как не испытываю и любви к жизни. Но поскольку я все-таки еще жива, то и мертвой меня считать пока что рано...

— Она сказала еще, что ты — не человек, — отважилась напомнить Соня. Своеобразное мужество жрицы поневоле наполняло душу Сони уважением к этой странной женщине.

— Я человек, — твердо заявила Аресса. — Здесь твои драгоценные зверобогги прискорбно ошиблись. Я не зверь и не чудовище... Но я — человек. У меня душа человека! — В светлых глазах Арессы сверкнуло пламя. — Что касается моего пола... Они послали тебя, чтобы ты увидела, — так смотри! Еще никто, кроме моей матери и моего несчастного отца, не видели того, что я намерена показать тебе!

Аресса медленно поднялась со своего трона и величавым движением поднесла точеные руки к золотым пряжкам, скрепляющим ее тунику на плечах. Мгновение — и белоснежное одеяние упало к ногам Арессы. Обнажилось ее тело, безупречно сложенное, с бархатистой кожей, не знавшее загара, тщательно ухоженное, умащенное драгоценными ароматическими маслами. Не тело, а произведение искусства...

Соня, зная толк в разных косметических ухищрениях, оценила это с первого взгляда. Только ценой очень больших усилий можно было добиться такого совершенства кожи.

Однако... Соня не верила собственным глазам. У этого прекрасного, как мраморное изваяние,

тела отсутствовали какие-либо признаки пола! Оно было совершенно гладким и не принадлежало ни женственному юноше, ни крепко сложенной девушке. Вообще *ничего*!

— Но ведь такого не бывает! — не сдержала Соня удивленного взгласа.

Аресса, не смущаясь своей странной наготы, пожала плечами. Это был поистине царственный жест, и Соня невольно залюбовалась ею.

— Я родилась такой, — негромко сказала Аресса. — Не знаю, какие чары, какое чудовищное проклятие были наложены на нашу семью. Над нами всегда что-то тяготело... Ни мой отец, ни мой дед не доискивались до причины всех этих странностей и несчастий, быть может — напрасно... Возможно, их упорное нежелание замечать все эти странности оказалось роковым... Не берусь их судить. Но и отец мой до сих пор не может умереть и обрести столь желанный покой, и это мучает меня.

Соня насторожилась.

— Он не может умереть, ты сказала? — переспросила Соня. — Он... Он обрел бессмертие? Уподобился богам?

— Спаси нас всеблагой Митра от такого бессмертия! — бесстрастно ответила Аресса. — Забудь об этом. Но мы прокляты... или благословенны? Ты говоришь, эта распятая тварь чего-то от тебя добивалась? Она посылала тебя сюда, в Велитриум, ко мне? И ты еще не понимаешь, чего она добивалась! Я скажу тебе. Все ее намерения ясны мне так, словно они написаны в книге и их ярко

освещает полуденное солнце! Лисица хотела, чтобы ты уничтожила меня! Вот чего они добиваются! Эта храфстра!

И снова вспышка чувства озарила прекрасное холодное лицо Арессы, словно отблеск далекой зарницы. На этот раз то было чувство отвращения.

— Храфстра? — переспросила Соня. Это слово показалось ей горьким и неприятным.

— Нечистота, — пояснила Аресса, кривя красиво очерченные крупные губы. — Дрянь! Да еще мертвая! Мертвая храфстра еще более омерзительна, чем живая... Ты не касалась ее руками?

Соня вспомнила свой порыв погладить изувеченного зверька по влажному меху. Она медленно покачала головой.

— Прикосновение к мертвой храфстре осквернило бы тебя на всю жизнь, — заявила жрица.

— Я притрагивалась к девушке, — напонила Соня. — А лисица... Лисицу я не трогала.

— Девушка, — задумчиво повторила Аресса. — Какое слово, ты говоришь, она повторяла?

— Макдашу.

Неожиданно Аресса откинула голову назад и громко расхохоталась. Это было так удивительно, так непохоже на «беломраморную» первосвященницу, что Соню вновь охватило предчувствие чего-то ужасного, что вот-вот должно случиться у нее на глазах. Преодолевая это предчувствие, Соня спросила:

— Могу я узнать, что именно так насмешило тебя, Аресса?

Вместо ответа Аресса хлопнула в ладоши и звонко крикнула:

— Макдашу!

* * *

Первосвященница митрианского храма редко показывалась в городе, словно не желая лишний раз напоминать захватчикам-пиктам о своем существовании. Она знала, что вызывает у грубых воинов-варваров нечто вроде суеверного ужаса. Возможно, именно это и уберегало храм Митры в Велитриуме от уничтожения — эта судьба не минула другие митрианские святилища по всей Аквилонии. И хотя почти все население Велитриума постепенно переходило в новую веру и начинало поклоняться божествам захватчиков, а храм Митры пустел, все же священный огонь все еще горел на жертвеннике, и Аресса ежедневно возносила молитвы благому творцу.

В тот день закрытые носилки Арессы вынесли из храма четверо дюжих рабов-носильщиков, одетых в белые одежды и с волосами, перехваченными на лбу белой лентой. Носилки устремились в сторону рынка. Вчера в город по Громовой пришел большой тяжело груженный купеческий корабль, и многие жители Велитриума спешили узнать, какие новые товары доставили в город купцы.

Обычно Аресса не снисходила до посещения рынка. Ее мало интересовали новые товары. Но сейчас в храме из всех младших жрецов остались лишь несколько девушек и пять почтенных ста-

рух, сведущих в обрядах благого Митры, но во всем, что касается житейских дел, живущих только вчерашним днем. И еще рабы, но их совсем немного, да и они не могут идти в счет. Храм пуст. Аресса не без оснований опасалась, как бы старые женщины не навлекли на храм Митры новых неприятностей и не спровоцировали захватчиков-пиктов на полное уничтожение последнего оплота митрианства на границе с дикими землями.

Поэтому на рынок первосвященница отправилась самолично.

Носилки Арессы узнавали многие горожане. Они почтительно расступались, давая им дорогу и низко кланяясь. Если прежний жрец, зарубленный пиктами, был многими горожанами любим как мудрый наставник, то нынешняя жрица, о которой ходило немало слухов, таинственных, а подчас и отвратительных, вызывала у большинства самый неподдельный страх.

В городе поговаривали о том, что она ведьма, что встретиться с ней глазами означает увидеть свою смерть — будто бы человек на мгновение начинает прозревать место и обстоятельства собственной кончины.

Аресса, слегка отодвинув в сторону занавески, смотрела из носилок на выставленный новыми купцами товар. Корабль пришел из Зингары. Он привез мессантийское вино в больших глиняных сосудах, запечатанных красным воском, меха диких животных, обитающих в Рабирийских горах, соленую рыбу с нежнейшим розовым мя-

сом, что ловится в верховьях реки Алимана... Были здесь и ювелирные украшения — изделия искусных рук кордавских мастеров — и многие другие заманчивые товары...

От холодных внимательных глаз Арессы ничего не укрылось. Однако она оставила без внимания меха и вино, а у торговцев украшениями купила лишь серебряный браслет, звенящий на запястье.

Затем носилки остановились у ряда, где были выставлены на продажу рабы. Аресса подозвала надсмотрщика и, показав тому пригоршню золотых монет, велела подводить к ней рабов по одному, дабы жрица могла осматривать их, не оскверняя своих ног прикосновением к мостовой — несомненно, грязной и преисполненной нечистоты.

Арессе нужны были люди. В храме не хватало служителей. Естественно, первосвященница не могла взять на службу в священное место первых попавшихся людей. Ей необходимо было произвести тщательный отбор.

Двух свирепых с виду мужчин со старыми шрамами на лице и груди — бывших гладиаторов, равно как и нескольких бывших галерников, исполощенных кнутом, Аресса отвергла сразу, хотя надсмотрщик не жалел слов, нахваливая их боевые качества, укрощенный характер и способность преданно служить господину.

Затем к носилкам, грубо подталкивая сзади, подогнали совсем юную девушку с большими испуганными глазами. Бедняжка дрожала всем

телом и в панике озиралась по сторонам, словно отовсюду ожидала неведомой, но ужасной напасти.

Аресса велела снять с нее одежду — жалкие лохмотья — и внимательно осмотрела тело девушки, выискивая, нет ли в нем изъязнов, служивших бы показателем изначальной оскверненности и тем самым непригодности для службы в доме благого творца Митры. Но девушка оказалась совершенной, и Аресса купила ее, заплатив за новую рабыню неслыханно высокую цену — десять полновесных золотых монет.

* * *

— Говори! Говори, тварь!

Кнут снова и снова опускался на обнаженную спину девушки. Она хрипло мычала, билась головой об окровавленный деревянный столб, к которому дюжие рабы Арессы приковали ее, вдев нежные запястья в железные наручни. Потом голова девушки бессильно склонилась на плечо — она потеряла сознание.

Аресса была облачена в облегающий ярко-красный костюм: штаны до середины щиколоток и рубашка с длинными рукавами, закрывающими кисти рук и оставляющими на виду только длинные белые сильные пальцы. Жрица отложила кнут.

Соня, кусая губу, наблюдала за действиями Арессы. Боги видят совсем не этого добивалась Рыжая Соня, когда явилась в храм Митры со своим рассказом о встрече с распятой лисицей на

страшной лесной поляне! Ей совсем не по душе было то, что происходило сейчас во внутреннем дворе велитриумского святилища.

Аресса в одежде палача, облегающей тело так плотно, что было чересчур хорошо заметно отсутствие признаков пола, выглядела сейчас почти чудовищем.

Да, мертвая лисица оказалась права даже в этом! Не человек, не чудовище, не зверь...

А кто?

Аресса!

Слишком многое вмещало в себя теперь для Сони это имя, свистящее, как полет стрелы.

Молодая рабыня, купленная Арессой у зингарских купцов, носила имя Макдашу. Девушка была ласковой, привязчивой, тихой, преданной. Иногда она пробиралась в покои своей госпожи и засыпала там прямо на полу у ее ног. Изредка она просыпалась и в полусне целовала ступни Арессы. Девушка добросовестно служила Митре... Вернее, выполняла все приказания госпожи и младших жриц.

По знаку Арессы несчастную окатили ведром холодной воды. Девушка застонала и задержала руками, инстинктивно пытаясь высвободить их из жестокой хватки наручней.

Аресса приблизилась к ней. Жрица обратила к себе мокрое, полубезумное лицо рабыни с плотно зажмуренными веками и впиалась поцелуем в ее распухшие губы. Руки жрицы с шевелящимися под красными манжетами пальцами коснулись груди Макдашу и больно сжали их.

— Говори, тварь! — повторила Аресса почти нежно.

Острые ногти впились в бедро жертвы и оставили на нем глубокую кровавую царапину.

Макдашу застонала.

— Остановись, Аресса! — крикнула Соня.

Она хотела было вскочить и броситься на помощь несчастной рабыне, чтобы прекратить эту пытку, но какая-то неведомая сила удержала Соню на месте.

— Ведьма... — прошептала Соня, с бессильным гневом глядя на Арессу. — Все-таки ты настоящая ведьма.

Аресса не обратила на это никакого внимания. Она продолжала ласкать свою жертву, а затем неожиданно вновь несколько раз сильно хлестнула ее кнутом. Казалось, жрице это доставляло огромное наслаждение.

Девушка плакала и корчилась у столба, невнятно умоляя избавить ее от мучений.

— Говори! — велела Аресса.

Макдашу раскрыла глаза, полные мучительной боли, и произнесла с видимым усилием:

— Граф... Ардалион... Твой отец, госпожа... Нет ему покоя... нет покоя...

— Мой отец! — не помня себя закричала Аресса. От ее мраморной невозмутимости не осталось и следа. — Ты говоришь, что он жив?

— Он мертв, и нет ему покоя... Он отрекся от Митры, Аресса, он проклят и зверобогам... Он проклят... Он распял лисицу в лесу на той поляне, где вождь Скарроу настиг его и предал

мучительной смерти. Кости графа Ардалиона висят на дубе, а дух его мечется по Боссонским топям...

Голос девушки звучал сейчас совершенно иначе. Это больше не был нежный голос молодой рабыни. Не принадлежал он и мертвой лисице, которая разговаривала с Соней. Макдашу, несомненно, обладала тонкой душой, восприимчивой к чужой воле. Но кто говорил сейчас ее устами? Этого не знали ни Соня, ни Аресса.

— Кто ты? — требовательно спрашивала Аресса. — Говори! Говори! Говори!

Каждое свое слово жрица сопровождала беспощадным ударом кнута.

— Остановись! — снова закричала Соня. — Ты запытаешь ее до смерти!

— Не бей меня, — произнесла Макдашу неожиданно спокойно. От этого ровного тона мороз пробежал у Сони по коже. — Это тело еще послужит нам... Я — Сила, у которой нет имени на вашем языке. Ваша речь слишком бедна для того, чтобы найти понятие, равноценное смыслу, заложенному во мне. Я — та стихия, что бушует в чреслах мужчин и женщин и вынуждает их совершать безумства. Ты не могла ее знать, Аресса, тебе не дано испытать на себе ее могущество. Но даже в тебе, несчастном уроде, в проклятом выродке, последнем в твоём роду, она время от времени пробуждается. Это она тревожит тебя, заставляет мечтать то о мужских, то о женских поцелуях, — грезить о том, что тебе в силу твоего уродства недоступно! Пикты чтут меня под видом лисицы...

— Мне неинтересно, под каким звериным обличьем чтут тебя варвары! — оборвала Аресса. — И я плевать хотела на все, что ты говоришь обо мне и моем роде! Отвечай: где мой отец?

Аресса опустила кнут.

— Везде и нигде — вот где граф Ардалион, — был ответ. — Я поведаю тебе, каким образом он умер... И как вышло, что он до сих пор остается жив...

* * *

Гордый граф Ардалион всегда жил одиноко и замкнуто. Он был не слишком богат. Его поместья, некогда довольно зажиточные, располагались на границе с боссонцами и во время войн сильно пострадали.

Над его родом, старинным и весьма известным в истории Аквилонии, словно тяготело какое-то проклятие. Возможно, об этом проклятии что-то более определенное и знали какие-то далекие предки графа Ардалиона. Сам граф, большую часть жизни проводивший на охоте и войне, не давал себе труда во всем этом разобраться. Он не верил в мистику, равнодушно проходил мимо магии и предсказаний — особенно с тех пор, как их объявили вне закона и начали беспощадно преследовать. Все это, полагал граф Ардалион, выдумки глупых суеверных нянек, которым больше нечем развлечь и утихомирить капризных детей.

Отец графа Ардалиона пропал без вести где-то в Асгарде. Поговаривали, будто старый граф

сорвался со скалы и разбился насмерть, однако тела его так и не нашли.

Дед Ардалиона утонул во время рыбной ловли на Громовой. Он выпал из лодки во время качки, и бурные воды реки поглотили его в тот же миг, словно только и ожидали этого случая.

Могилы у графа нет: как ни искали труп верные слуги и друзья несчастного, они нигде не могли его обнаружить.

Несчастья и беды, казалось, преследовали графа Ардалиона по пятам. Грабители сожгли два его поместья.

Затем пикты разорили и разрушили любимый охотничий замок графа Ардалиона. Все его имущество теперь ограничивалось городским домом в Велитриуме.

А тут еще супруга графа Ардалиона, разродившись непомерно крупным младенцем, скончалась в родах. Граф горько оплакивал жену: она была единственным человеком, который по-настоящему его любил. Жестокая судьба отняла у него самое дорогое...

Но настоящий ужас охватил графа, когда он выхватил младенца из рук плачущей, насмерть перепуганной повитухи и развернул пеленки. Ребенок оказался бесполом.

Первым побуждением Ардалиона было уничтожить выродка, разбив его голову о стену. Однако малыш так громко кричал, так жалобно хватался за пальцы своего несчастного отца крошечными красными пальчиками, что сердце графа Ардалиона дрогнуло.

Он бережно положил младенца рядом с трупом только что скончавшейся графини, упал рядом на колени и зарыдал.

Новорожденного граф решил считать девочкой и дал ребенку имя Аресса. Он посвятил бедного уродца Митре с самого нежного возраста, надеясь, что хотя бы это убережет ребенка от несчастий. В те годы граф Ардалион еще надеялся на покровительство благого творца, в которого истово верили все члены его семьи.

Когда Велитриум захватили пикты, граф Ардалион не смог преодолеть своей гордости. Он так и не присягнул варварскому вождю Скарроу. Вместо этого он бежал из города, открыто бросив вызов захватчикам.

Беды преследовали графа по пятам. Он потел коня и вынужден был идти пешком. Он терпел голод, холод и лишения, спал на голой земле, питался сырыми мышами и травой. Однако он стойко переносил все это, ибо, будучи охотником и воином, привык преодолевать трудности такого рода.

И вот однажды, блуждая как дикий зверь по Боссонским топям, скрываясь от людей и сражаясь с другими дикими животными — ибо граф Ардалион, некогда один из самых блестящих вельмож Велитриума, превратился в самого настоящего зверя, тем более опасного, что был наделен изворотливым человеческим разумом, — граф ощутил на себе чей-то пристальный недобрый взгляд.

— Кто ты? — крикнул граф Ардалион, бросая вызов неведомому врагу.

В ответ лишь зашумели деревья, но в шорохе листвы Ардалиону почудился человеческий голос, отвечавший:

— Не смерть, не жизнь...

— Чего ты хочешь от меня? — снова крикнул граф Ардалион.

— Не смерти, не жизни...

И вслед за этим непонятным ответом Нечто взорвалось дьявольским хохотом. В болоте вздувались и лопались огромные пузыри, гигантские ржавые жабы выскакивали из трясины и вновь исчезали, чей-то нечеловеческий голос стонал в глубинах болот утробно и жалобно, обрывая стон рыданиями... И вдруг все стихло.

Прямо в голове растерянно озиравшегося графа прозвучала:

— Знай, твой бог, Митра, оставил тебя.

И в тот же миг граф Ардалион осознал, что это — правда. Он закрыл лицо руками, из его горла вырвалось судорожное рыдание.

Голос повторил, еще более уверенно:

— Митра умрет, знай и это. Твоя дочь, твоя чудовищная дочь уже отступилась от него. Она предалась черной магии, прикрывая свое колдовство служением божеству и «благими дарами доброго творца Митры» — так она это называет! Она — ведьма! Она — проклята!

— Кто такая моя несчастная дочь? — спросил граф Ардалион. — Кто она? Многие годы я гнал от себя всякие мысли об ее уродстве, но...

— Ах, бедный мой граф Ардалион! — Теперь таинственный голос звучал почти участливо. — Вот

что случается с теми, кто не чтит семейные предания и не знает... не знает...

— Чего я не знаю? — с мукой в голосе выкрикнул Ардалион и упал на колени посреди трясин. — Не терзай меня! Сжался! Расскажи мне все! Пусть истина выйдет наружу во всей своей ужасной наготe!

— Слушай. Твой предок, чье имя ты носишь, был злым и жестоким человеком. Он ненавидел все живое. Он убивал... Он говорил, что змеи, пауки, жабы, черви — что все это нечисть...

— Он был жрецом Митры, — проговорил Ардалион. — Я понял, кого ты имеешь в виду. Согласно нашему учению, храфстра — все, что отвратительно. Уничтожая грязь и нечисть, человек ослабляет мир зла... Мой предок был благочестивым жрецом. Он верил во все, чему учили в митрианских храмах, он и сам учил этому людей...

— Отвратительный вздор! — возразил голос. — Убивая что-либо живое, человек только умножает зло! Не существует храфстра! Существуют людские предрассудки и их глупые страхи! Слушай же, что случилось с твоим предком, который навлек проклятие на весь ваш род со стороны древней силы, совокупное имя которой — *жизнь*!

Однажды этот благочестивый убийца, бормоча имя своего божка Митры, метнул стрелу в крупную жабу, которая копошилась в траве. Он попал в свою жертву! Но там оказалась не одна жаба, а две. Они предавались любви, сплетаясь

своими телами, — уродливыми, с точки зрения человека, но все же прекрасными, как прекрасно все живое! И нет ничего прекраснее любви, кто бы ни раскрывался навстречу этому чувству, — люди, домашний скот, дикие звери или те, кого митрианцы именуют храфстрой! Ибо любовь — это *жизнь*!

Пронзенные одной стрелой, жабы не расцепили любовного объятия. И... они страшно закричали, умирая! И я, тот, кто наполняет огнем чресла мужчин и женщин, самцов и самок, тот, кто восхваляет всякую похоть, ибо она — для умножения жизни, — я услышал их крик и проклял ваше семя! Аресса — последний плод моего проклятия. Она — урод и ненавистна всему живому, ибо не может принять участия в вечном круговороте зачатия и рождения новой жизни. Она служит Митре и одновременно убивает его. Таков был мой замысел. Теперь он свершился! Кошунство отомщено.

Граф Ардалион пал лицом на землю и в невыразимых страданиях закрыл голову руками. Но избавления от ужасного размеренного голоса, звучавшего в его мозгу, не было.

— Скарроу и его пикты чтут меня в обличии лисицы. Ты можешь обрести мудрость, если...

— Нет! — закричал Ардалион.

И внезапно он понял, что таинственный собеседник оставил его.

И тогда граф Ардалион, встав, обратил залитое слезами бородатое лицо к солнцу и торжественно отрекся от Митры, которого не признавал больше благим творцом и своим повелителем.

Он знал теперь все и о том боге, которого привык почитать сизмальства, и о своей несчастной нечестивой дочери, которая была живым оскорблением самой природе.

Жизнь графа опустела. Она стала подобна пустой скорлупе яйца, из которого хорь высосал содержимое.

У него осталась одна цель: убить Скарроу. После этого граф надеялся обрести покой в смерти.

Но случилось так, что Скарроу сам настиг графа Ардалиона недалеко от границы боссонских земель.

Взятый в плен, Ардалион признался в том, что распял лисицу, пытаясь вырвать у нее подробности о родовом проклятии, тяготеющем над его семьей, и был предан мучительной смерти. Варвары, смеясь, вливали ему в рот воду, пока живот несчастного не раздулся, а потом поочередно топтали его простертое на земле тело ногами.

Вода и кровь лились у Ардалиона изо рта и носа. Наконец смертная мгла заволокла его глаза.

Тогда Скарроу отрубил ему руки и ноги и повесил их на священном дереве. Изувеченное тело графа Ардалиона бросили под дубами, а голову прибили к ритуальному столбу, воздвигнутому посреди поляны. Труп лисицы суеверные пикты трогать побоялись.

И никто не видел, как в глухую полночь голова мертвого графа отделилась от столба и, упав на землю, покатилась прочь, сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее...

* * *

— А теперь я хочу говорить с моим отцом! — сказала Аресса, лигонько похлопывая кнутом по ладони.

— Я здесь, дочь! — слышался низкий мужской голос. В устах хрупкой израненной девушки он звучал просто чудовищно.

— Итак, я — плод проклятия? — с угрозой спросила Аресса. — Я правильно поняла?

— Да. — В голосе графа Ардалиона звучала глубокая скорбь.

— Я предалась злу? Неужели это правда? Я убиваю Митру?

— Да.

— Стало быть, я всего лишь колдунья и подлежу уничтожению как самая ненавистная храфстра?

— Ты знаешь это сама.

Аресса помолчала, прежде чем задать новый вопрос, видимо давно мучивший ее.

— Скажи, отец... Правда, что Митра мертв?

— В своем храме ты убиваешь его каждый день, — был ответ. — Митра мертв или скоро умрет...

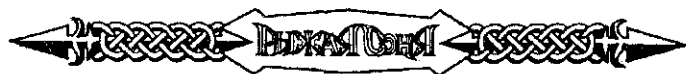
— Ты умер, отец, а мертвые всеведущи.

— О, если бы... — прошептал граф Ардалион. — Как я жажду покоя!

— Зачем ты распял лисицу?

— Я посылал весть тебе, Аресса. Ты получила мой голос?

— Я получила весть. Чего ты хочешь от меня, отец?

— Дай мне небытие...

Макдашу застыла в неподвижности, бессильно обвиснув в своих оковах.

Соня вновь яростно рванулась с места:

— Она мертва! Ты убила ее!

На этот раз никакая колдовская сила не смогла удержать на месте рыжеволосую воительницу. Соня бросилась к столбу пыток, чтобы отвязать несчастную жертву. Но Аресса властным жестом приказала ей не двигаться.

— Берегись! Ты можешь погибнуть! Ни с места, Соня!

Жрица вскинула руки к солнцу и громко воззвала к Митре:

— Благой творец, которого я предала! Создатель света! К тебе взываю я, порождение тьмы и семя проклятия! Очисти землю от скверны! Да не останется здесь больше ничего, над чем могли бы надругаться враги твои, о Митра! Покажи мне, что ты жив!

В ответ на эту страстную мольбу гигантский столб пламени взметнулся из-под земли, окутывая и Арессу, и замершую у столба Макдашу и раба с пыточными клещами...

Соня отпрянула, готовая бежать, чтобы чудовищное пламя не поглотило и ее. За спиной она слышала замирающий голос графа Ардалиона:

— Помоги мне... Помоги...

* * *

— Нет, ну вы подумайте! — возмущалась добрейшая госпожа Элистя, хозяйка таверны «Дой-

ная козочка». — Мало того, что эта, с позволения сказать, рыжая мерзавка сняла со стены гобелен! Чем ей, кстати, гобелен не угодил? Работа известной мастерицы! Очарование, а не гобелен! Так эта негодяйка... Она еще и спала на полу! Все подушки побросала в угол, к перине не прикоснулась, одеяла не тронула, кроме одного, в которое заворачивалась, точно червяк в кокон! Уж не думает ли эта воображала, что в моей чистейшей пуховой перине водятся, с позволения сказать, клопы? Нахалка, одно слово! Уж я ли для постельщиков не стараюсь...

Эти возмущенные монологи глубоко оскорбленная в своих самых лучших чувствах госпожа Элистя вела у себя в таверне, перетирая горы посуды. Несколько пиктских воинов рассеянно прислушивались к ворчанию хозяйки таверны. Потом один из них, должно быть от скуки, вступил в разговор.

— Что за «рыжая мерзавка» такая?

Обрадованная неожиданной поддержкой, госпожа Элистя подхватила:

— Вот я и говорю! Ну вот кто она, спрашивается, такая? Приехала! С лица — ничего, смазливая. Волосы — как огонь! А взгляд такой неприветливый, смотрит волком. Я-то сразу заметила! И до чего же дерзкая! И давай выпрашивать: про храм Митры, про жреца митрианского, про то, как присягали на верность господину нашему Скарроу — да живет он долго-долго и бес печально! И вот глядите, что из всего этого вышло. Аресса-то оказалась зловредной ведьмой. Сама

себя в огне спалила. Говорят, рабов при этом погубила — тьму! Должно быть, злые чары на нее саму и пали.

— А рыжая-то! — напомнил пикт. — Она-то куда делась?

— Вот я к тому-то и веду! — затараторила хозяйка таверны. — Испарилась! Поминай как звали! Вещи свои бросила, денег за комнату не заплатила... Вещи у нее дрянь, рваное одеяло да фляга. Вот ведь что обидно! В убыток ввела! И где ее теперь искать?

— Да, — хохотнул пикт, которого не на шутку забавляло искреннее негодование хозяйки. — И в самом деле. Где теперь разыскивать твою рыжую мерзавку! Налей-ка нам лучше еще вина, да смотри — неразбавленного!

* * *

Негодование, ненависть, горечь душили Соню, жгли ее, точно огнем. Проклятые аквилонцы! Теперь Соня понимала, что не найдет в Велитриуме никаких следов убийц своей родни. Ее попросту использовали — и Аресса, и ее обезумевший отец, и та неведомая, темная сила, которую пикты чтили в образе лисицы. Им нужен был исполнитель для своих замыслов, и они нашли его. Как же легко Соня поддавалась на обман, как охотно пошла, стоило поманить ее призраком свершенной мести!

Соне горько было сознавать, что она, в сущности, оказалась такой же жертвой хитрых интриг проклятых аквилонцев, что и несчастная ра-

быня Макдашу. И тем не менее это было так. Ее обманули...

Что ж. В конце концов, Соне всего лишь семнадцать лет. Впереди — целая жизнь. И вся эта жизнь будет отдана великой мести!

Сцепив зубы, Соня вновь и вновь твердила про себя эту клятву.

Ни пиктам, ни аквилонцам не найти ее здесь, на Боссонских болотах. Отсюда она двинется на юг, в Зингару... Может быть, там что-то отыщется...

Пальцы Сони сами собой сжимали рукоять кинжала. «Будьте прокляты! Будьте же вы прокляты во веки веков!» — шептала Соня, осторожно пробираясь самыми мертвыми трясиными к низовьям реки Громовой.

Она уже ждала, чтобы впереди поднялся призрак графа Ардалиона — аквилонского аристократа, обреченного на посмертные скитания. И граф встал из топи, тихо, утробно стеноя:

— Соня... Помоги...

Соня остановилась. Нет уж. Больше она не купится на эти мольбы. Ее глаза — живые, полные жгучей боли, ненависти и презрения — встретились с пустыми глазницами графа.

— Твоя дочь — чудовище, — проговорила Соня, наслаждаясь хотя бы такой малой мектью. — Она мертва. Сгорела заживо. А ты будешь скитаться здесь вечно, аквилонец!

Граф Ардалион застонал, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Мертв твой бог Митра! — не помня себя, кричала призраку аквилонского графа Рыжая Соня. —

Мертвы все! И твоя проклятая Аквилония — мертва! Все сгнило! Никогда вам не воскреснуть, вы — трупы! Будьте вы прокляты, вы все! Будьте прокляты!

Она размахнулась и с силой пнула бестелесное создание.

Голый череп покатился по дороге и с тихим плеском исчез в трясине...

СОДЕРЖАНИЕ

Анри Фолье

ДЕМОН СНОВ

5

Дункан Мак-Грегор

ОДИНОКИЙ ПУТНИК

199

Дуглас Брайан

ВОЛЯ МЕРТВЫХ

379

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И ДЕМОН СНОВ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Обложка *Сергей Шикин*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*
Художники *Кирилл Рожков, Владислав Асадуллин*
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректоры *Алевтина Борисенкова,*
Вера Чаленко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.08.98.
Формат 84×108/32. Бумага типографская. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 10 100 экз.
Заказ 2351.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ, СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ» **РОБЕРТА ГОВАРДА**

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

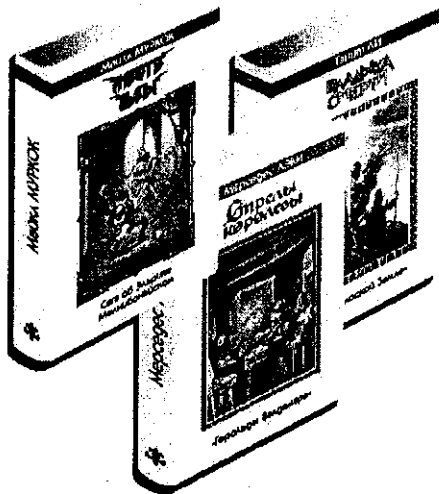

fantasy

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ

МАЙКЛА МУРКОКА
**"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"**

В 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

Сенсация!

Впервые на русском языке

пенталогия

БАРБАРЫ ХЭМБЛИ

«ХРОНИКИ ДАРВЕТ»

- Время тьмы •
- Стены воздуха •
- Легионы света •
- Дворец зимы •
- Ледяной ястреб •

Чудовища, приходящие в ночи,
заброшенные замки, разрушенные города,
драконы, сторожащие древние клады,
ждут вас на страницах романов
Барбары Хэмбли

Впервые в России!

Трилогия популярной
американской писательницы

МЕРСЕДЕС ЛЭКИ

• ГЕРОЛЬДЫ •
ВАЛДЕМАРА

Книги серии

Ярмарка страха

Страх - самое древнее
и самое сильное чувство...
Открой книгу, испытай ужас
и радуйся, что это произошло
не с тобой!

Читайте новые романы

Б.Ламли
АГОНИЯ

М.Костелло
ТЯСИНА
ЧЕРВИ

Удивительное... таинственное и ужасное

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОКИНУЛО ЗЕМЛЮ —
И НОВЫЕ ХОЗЯЕВА ПРАВЯТ МИРОМ,
ПОГРУЖЕННЫМ В ХАОС И ОДИЧАНИЕ.
ГИГАНТСКИЕ ПАУКИ-ТЕЛЕПАТЫ —
ПРОТИВ ЛЮДЕЙ, ОТЧАЯННО БОРЮЩИХСЯ
ЗА ВЫЖИВАНИЕ!

ЧИТАЙТЕ
«МИР ПАУКОВ: ЦИТАДЕЛЬ»
ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
«МИР ПАУКОВ: ПОСЛАНЕЦ»

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

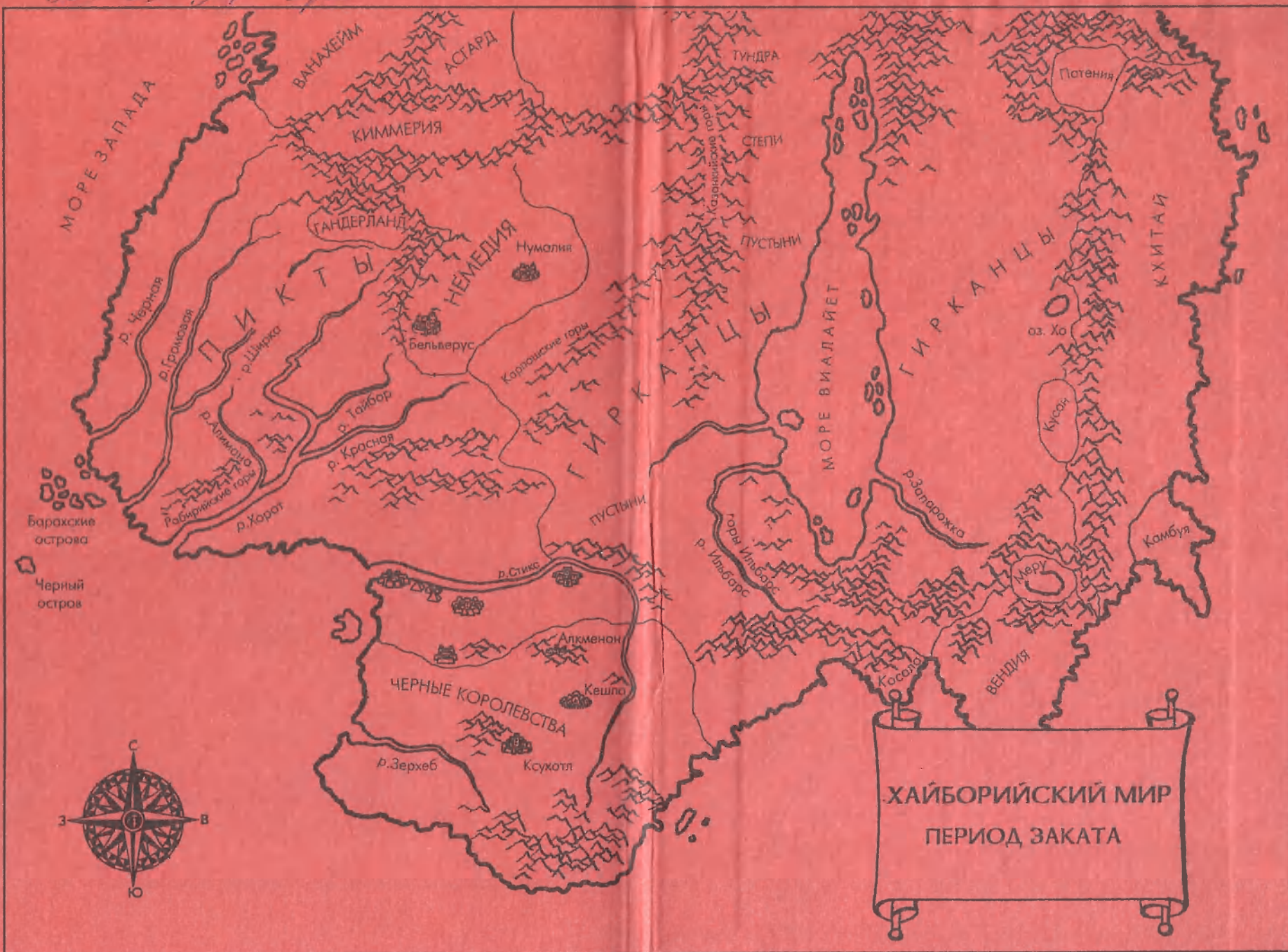
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

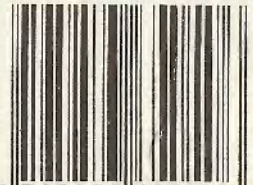
Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

903-01-97 Урб

ISBN 5-87365-050-0

9 795873 650506 >